ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

ПРОГРЕССЪ

КАКЪ ЭВОЛЮЦІЯ ЖЕСТОКОСТИ

М. А. ЭНГЕЛЬГАРДТА.

Изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Цѣна 75 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
„Центральная“ типо-лит. М. Я. Минкова, 3-я Рождественская, 7.
1899.

БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1220
56

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. **Введеніе**. Древность основныхъ идей науки. Идеи униформизма, эволюціонизма и проч. Торжество ложной идеи съ первыми успѣхами науки, какъ общее правило. Господствующая идея прогресса, какъ смягченія нравовъ, опровергаемая своими защитниками.—Обращеніе къ читателямъ . 1

II. **Жестокость и прогрессъ**. (Общій взглядъ à vol d'oiseau). Жестокость, какъ видовая черта человѣка. Тщетныя попытки быть добрымъ. Діагнозъ вида homo sapiens. „Звѣрская" стадія морали по Летурно, характеризуемая инстинктами, которыхъ у звѣрей нѣтъ. Бѣглый очеркъ эволюціи жестокости. 10

III. **Первые плоды просвѣщенія**. (Война, людоѣдство, дѣтоубійство). Вегетаріанскій режимъ первобытнаго человѣка. Существованіе первобытнаго республиканскаго племени-общины доказываетъ отсутствіе войны въ первобытную эпоху. Разлагающее вліяніе войны. Противорѣчія Летурно. Перемѣна режима и начало хищничества. Упорное сохраненіе мирныхъ инстинктовъ. Доисторическій человѣкъ въ Россіи: отсутствіе войны, людоѣдства, угнетенія женщины, ссоръ. Солидарность, какъ единственное средство борьбы съ внѣшней природой въ первобытную эпоху. Каннибализмъ въ Европѣ. Систематическое дѣтоубійство въ Европѣ. Выводы. 34

IV. **Воспитаніе человѣчества**. Факторы прогресса: война, рабство, деспотизмъ. Ихъ воспитательное значеніе. Война—камертонъ прогресса. Разложеніе солидарности подъ вліяніемъ войны. „Фондъ альтруизма" 52

V. **Двѣ гипотезы**. Цивилизованный человѣкъ прирожденный преступникъ. Причины торжества Манилонской теоріи прогресса. „Систематическое истязаніе", какъ характеристика европейскаго воспитанія дѣтей, семейной жизни и проч. Удовольствія, созданныя цивилизаціей. Переживаніе хищниковъ, мстителей и т. п. Характеристика первобытнаго человѣка.—Правильная классификація племенъ, какъ основа истинной теоріи прогресса 63

VI. **Золотой вѣкъ**. Глубина и сила альтруистическихъ чувствъ у первобытныхъ людей.—Кажущаяся широта гуманности культурнаго человѣка. 81

VII. **Эволюція жестокости**. Классификація дикихъ племенъ.—Прогрессъ, какъ эволюція людоѣдства 91

VIII. **Эволюція жестокости**. (Продолженіе). Прогрессъ, какъ эволюція войны.—Прогрессъ, какъ эволюція дѣтоубійства и истязанія дѣтей.—Прогрессъ, какъ эволюція рабства женщины.—Улучшеніе законодательства, какъ результатъ ухудшенія нравовъ.—Эволюція отцеубійства 104

IX. **Эволюція жестокости**. (Окончаніе). Прогрессъ, какъ эволюція изувѣрства.—Прогрессъ, какъ эволюція рабства, деспотизма, пытокъ и казней.—Заключеніе 121

X. **Преступленія, какъ продуктъ цивилизаціи**. Фондъ жестокости.—Истязатели въ культурномъ обществѣ.—Ростъ преступленій, какъ результатъ общественныхъ улучшеній.—Теорія Ломброзо.—Ея нелѣпость 132

XI. **Прогрессъ, какъ эволюція эгоизма.** Корыстолюбіе—плодъ просвѣщенія.—Добрыя чувств—пережитокъ первобытной солидарности.—Первобытное племя-община.—Презрѣніе дикаря къ наживѣ.—Племя-община, какъ результатъ „золотаго вѣка".—Гостепріимство, какъ пережитокъ вѣчнаго мира первобытной эпохи.—Остатки первобытнаго режима и ихъ роль въ исторіи цивилизацій.—Перу, Мексика, Египетъ, Китай, семитическія цивилизаціи, Персія, Индія, Греція, Римъ, современная Европа 141

XII. **Эпоха избіенія младенцевъ.** Самая мрачная страница въ исторіи человѣчества. Нашествіе бѣлыхъ. Испанцы въ Америкѣ. „Единственная истребляющая раса". Презрѣніе къ человѣческой личности, какъ типичная черта культурныхъ людей вообще и американцевъ въ особенности. Изъ лапъ тигра въ кольца удава.—Гекатомба въ полтораста милліоновъ душъ. Эпоха Возрожденія Искусствъ, Наукъ, Работорговли и Охоты на людей. Спортсмены конца вѣка . 157

XIII. **Эпоха избіенія младенцевъ.** (Окончаніе). Истребленіе туземцевъ Австраліи, Меланезіи и Полинезіи.—Союзныя дѣйствія миссіонеровъ, колонистовъ, солдатъ и каторжниковъ.—„Естественное вымираніе" дикарей.—Чарльзъ Дилькъ о „запасѣ жестокости".—Самая подлая война въ исторіи человѣчества.—Развращеніе дикарей подъ вліяніемъ европейцевъ.—Всемірная драма: истребленіе трети человѣчества.—Заключеніе 166

XIV. **Прогрессъ, какъ эволюція лицемѣрія.** Какъ человѣчество пыталось насадить добродѣтель и что изъ этого вышло.—Прогрессъ и искусство лганья.—Двѣ эволюціи.—Прогрессъ возвышенныхъ принциповъ и низменныхъ инстинктовъ.—Лицемѣріе, какъ специфическая особенность европейца.—Іезуитизмъ и сантиментализмъ.—Суррогатъ чувства.—Добродѣтель безъ послѣдствій.—Эволюція правды въ литературѣ XIX вѣка.—Отъ сантиментализма къ натурализму.—Парикмахерскіе пріемы.—Неполная правда.—Зола и его критики. 174

XV. **Формулы и факты.** Спенсеръ, какъ защитникъ теоріи Руссо.—Прогрессъ возмущаетъ наше моральное чувство и воспитываетъ чувства жестокости и мстительности.—Смѣшеніе пользы съ моральнымъ улучшеніемъ.—Іезуитская мораль Друммонда.—Самонобиваніе Ферреро 193

XVI. **Эволюція безнравственности.** Первобытная мораль: отсутствіе насилія, альтруизмъ.—Дикая мораль: война, людоѣдство, насиліе; внутренняя солидарность.—Культурная мораль: культъ войны, каннибализмъ страсть,—сладострастіе жестокости; насиліе внутри и внѣ племени.—Европейская мораль: эволюція всѣхъ формъ жестокости и лицемѣріе.—Степень точности, которой можно требовать отъ нашей классификаціи, чтобы она доказывала достовѣрность принципа.—Переломъ въ исторіи моральнаго развитія человѣчества: меркантильная мораль и ея противорѣчія.—Ослабленіе жестокости и усиленіе эгоизма 199

I.

Введеніе.

Древность основныхъ идей науки.—Идеи униформизма, эволюціонизма и пр.—Торжество ложной идеи съ первыми успѣхами науки, какъ общее правило.—Господствующая идея прогресса, какъ смягченія нравовъ, опровергаемая своими защитниками.—Обращеніе къ читателямъ.

Взглядъ, развиваемый въ этой книжкѣ, не новъ. Новыхъ взглядовъ вообще не бываетъ: всѣ они стары, какъ сама мысль человѣческая. Я разумѣю основные, общіе вопросы, допускающіе лишь два взаимно противоположныя рѣшенія, двѣ антитезы, исключающія одна другую.

Идея униформизма высказывалась уже въ глубокой древности Аристотелемъ и Страбономъ; не менѣе почтеннымъ возрастомъ обладаетъ и противуположная идея катастрофизма.

Идеи эволюціонизма развивались греческими философами, и еще раньше, въ Индіи.

Овидій совершенно отчетливо формулируетъ идею вѣчности матеріи почти тѣми же словами, что и Лавуазье (точнѣе: Лавуазье словами Овидія).

Относительность познанія, этотъ *pons asinorum* философіи, остающійся таковымъ и для громаднаго большинства современныхъ философовъ, былъ уже перейденъ индусами (ученіе о «майѣ»).

Идея прогресса, какъ постепеннаго смягченія и облагораживанія нравовъ, также высказывалась въ древности (Аристотель, Лукрецій Каръ). Противуположная ей идея прогресса, какъ эволюціи худшихъ свойствъ человѣческой природы: жестокости, коварства, хищности, лицемѣрія, мало-по-малу вытѣснявшихъ первобытную солидарность, человѣчность, альтруизмъ,—эта идея, подтверждаемая, какъ я постараюсь доказать, дан-

ными современной науки,—также давно формулирована человѣческимъ умомъ.

Въ прошломъ столѣтіи ее развивалъ Ж.-Ж. Руссо, и гораздо раньше Руссо она была высказана въ ученіяхъ религіи о первобытной невинности и послѣдующемъ развращеніи человѣчества; въ народныхъ легендахъ и преданіяхъ о золотомъ вѣкѣ.

Основныя идеи, о которыхъ говорено выше, равно какъ и ихъ антитезы, до появленія точной науки неизбѣжно высказываются въ фантастической, антинаучной формѣ. Овидій напр. иллюстрируетъ идею вѣчности матеріи баснями о превращеніяхъ людей въ каменья и т. п. Де-Малье, предшественникъ Дарвина, излагая идею эволюціонизма, толкуетъ о людяхъ-тритонахъ и т. п. чудищахъ.

Съ развитіемъ точной науки идея облекается въ реальную одежду фактовъ,—но какая идея? Въ видѣ общаго правила можно высказать слѣдующее положеніе: первые успѣхи науки доставляютъ торжество *ложной* идеѣ.

Такъ, въ химіи, послѣ крупныхъ успѣховъ ея въ XVIII вѣкѣ, передъ реформами Лавуазье, воцарилось насквозь ошибочное ученіе о флогистонѣ.

Въ геологіи, наканунѣ появленія книги Ляйелля, создавшей униформистскую геологію, торжествовала теорія катастрофъ (Кювье)

Въ біологіи, незадолго до работъ Уоллеса и Дарвина, эволюціонистскія идеи (С.-Илера, Ламарка) казались разбитыми на голову, безнадежно погубленными и сданными въ архивъ въ качествѣ дикихъ и вредныхъ фантазій.

Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Иначе и быть не можетъ. Первыя обобщенія науки неизбѣжно поверхностны, первые выводы ея неизбѣжно ошибочны, а между тѣмъ они все же опираются на факты, тогда какъ ихъ антитезы, истинныя теоріи, кажутся безпочвенными, висятъ на воздухѣ, именно потому, что требуютъ *болѣе глубокаго* изученія, до котораго очередь еще не дошла, такъ какъ прежде всего наука овладѣваетъ внѣшнимъ, яркимъ, рѣжущимъ глаза и обманывающимъ мысль.

Первые успѣхи геологіи напр. содѣйствовали торжеству идеи катастрофизма. Грандіозные пласты, рѣзко разграниченные, съ остатками невиданныхъ, сказочныхъ тварей, ничего общаго не имѣющихъ съ нынѣ живущими,—оправдывали слова Броньяра: «въ древнія эпохи всѣ геологическія явленія происхо-

дили въ стократныхъ размѣрахъ сравнительно съ настоящимъ временемъ». И Кювье не безъ основанія утверждалъ, будто со времени послѣдней катастрофы «нить дѣйствій прервана, ходъ природы измѣнился».

То-же мы видимъ въ исторіи другихъ наукъ *). Такъ, въ астрономіи геоцентрическая система Птоломея утвердилась, несмотря на пророческія догадки Аристарха Самосскаго и другихъ провозвѣстниковъ геліоцентрической астрономіи. Такъ, въ біологіи, Кювье на голову разбилъ С.-Илера, и, перечитывая теперь ихъ полемику, нельзя не сознаться, что *тогдашній* фактическій матеріалъ науки оправдывалъ Кювье, въ чемъ впрочемъ сознался и его противникъ, заявивъ, что онъ (С.-Илеръ) *чутьемъ* угадываетъ истину. Чутье не обмануло его, какъ оказалось впослѣдствіи, но пока факты, поверхностно изслѣдованные, оправдывали Кювье, царили и взгляды этого послѣдняго.

Соціологія не составляетъ исключенія среди другихъ наукъ. Въ ней также первые успѣхи изслѣдованія, первыя попытки научнаго изученія доставили временное торжество ошибочной теоріи прогресса, согласно которой интеллектуальное развитіе человѣчества шло рука объ руку съ моральнымъ: по мѣрѣ того, какъ развивались культура, знаніе, техника,—развивались и альтруистическія чувства, гуманность, состраданіе, честность; атрофировались и отпадали звѣрскіе инстинкты хищности, алчности, коварства, жестокости.

Для того, кто, отрѣшившись отъ заученныхъ формулъ и схемъ, и провѣряя каждый свой шагъ фактами, прослѣдитъ исторію такихъ явленій, какъ напр. война, пытки, казни, изувѣрство, нетерпимость, жадность къ деньгамъ, лицемѣріе, презрѣніе къ человѣческой личности и пр., и пр., отъ первобытнѣйшихъ племенъ вродѣ веддаховъ, эскимосовъ, бушменовъ до европейцевъ временъ Торквемады, Альбы, Тилли, Вишневецкаго (и даже до нашего хваленаго и хвастливаго вѣка),—для того, говорю я, будетъ неразрѣшимой загадкой, какъ могла такъ долго держаться, и какъ можетъ держаться до сихъ поръ теорія до такой степени ложная, такъ отчаянно расходящаяся съ фактами, что даже сторонники ея, пытаясь подкрѣпить свой взглядъ данными этнографіи и исторіи, наносятъ ему смертель-

*) Ср. напр. мои біографіи Кювье, Ляйелля, Коперника, Гарвея, Пастёра въ «Біографич. библіотекѣ Павленкова».

ные удары. (Образчики этого самопобиванія читатель найдетъ ниже.)

Но такъ велика сила заученныхъ формулъ, затверженныхъ схемъ, что ложная теорія прогресса, какъ «смягченія нравовъ», до сихъ поръ держится, господствуетъ и повторяется какъ символъ вѣры.

Детальное опроверженіе этой теоріи и обстоятельное изложеніе противуположной потребуетъ огромной и продолжительной работы. Для этого надо написать исторію цивилизаціи съ новой точки зрѣнія; надо пересмотрѣть и провѣрить ходячія формулы и схемы, свѣряя ихъ съ громаднымъ фактическимъ матеріаломъ, накопленнымъ доисторической археологіей, этнографіей, антропологіей, исторіей собственно. Эта работа въ значительной степени облегчена трудами современныхъ соціологовъ. Такъ, работы Летурно, собравшаго и сгруппировавшаго въ своихъ многочисленныхъ «Evolutions» громадный фактическій матеріалъ, даютъ солидную основу для теоріи болѣе правильной, чѣмъ оптимистическія схемы того-же Летурно,—схемы, которыя онъ тщетно старается приклеить къ фактамъ, идущимъ въ разрѣзъ съ ними.

Тѣмъ не менѣе упомянутая работа не по силамъ одному человѣку. Она потребуетъ труда многихъ лицъ. Не отказываясь принять въ ней посильное участіе и намѣреваясь разработать подробнѣе многіе изъ намѣченныхъ въ этой книжкѣ вопросовъ,—я счелъ нелишнимъ напечатать предварительно бѣглый и сжатый очеркъ правильной теоріи прогресса. Въ нижеслѣдующихъ главахъ подчеркнуты противорѣчія ходячихъ взглядовъ и теорій, указаны важнѣйшіе ряды аргументовъ въ пользу болѣе правильныхъ воззрѣній и набросана въ общихъ чертахъ исторія моральнаго развитія человѣчества отъ некультурнаго ягненка древнекаменной эпохи до благовоспитаннаго тигра современной Европы.

* * *

Высказывая мнѣнія, идущія въ разрѣзъ съ ходячими взглядами, рискуешь встрѣтить оппонентовъ вродѣ кумы извѣстнаго анекдота, которая на привѣтъ: «здорово»,—некстати, но съ энергіей заявляетъ: «на рынкѣ была!». Дѣло въ томъ, что люди заученныхъ формулъ теряютъ способность не только воспринимать, но и просто понимать воззрѣнія, не согласныя съ этими формулами. Задѣть любимыя идейки такого господина все равно, что наступить ему на любимую мозоль: онъ подпры-

гиваетъ, махаетъ руками, охаетъ и сыплетъ чепуху: ничего больше отъ него не добьешься.

Пишущему эти строки приходилось уже имѣть дѣло съ такими горе-оппонентами. Статьи, въ которыхъ я развивалъ свой взглядъ на исторію культуры (въ «Новостяхъ» 1898 г.), вызвали цѣлый градъ пошлостей въ провинціальной, частью же и столичной печати. Одинъ старый, почтенный жеватель мочалки, извѣстный тѣмъ, что втеченіе своей долгой литературной карьеры систематически садился въ лужу и шлепался между двухъ стульевъ, пытаясь примирять непримиримое и обнимать необъятное, потратилъ не мало азарта, «опровергая» мои взгляды: теорію опрощенія (которой я *не* высказывалъ), отрицательное отношеніе къ наукѣ (къ которой я *не* отношусь отрицательно) и т. п.

Почтенный жеватель мочалки, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ рѣдкій образчикъ способности понимать чужія мнѣнія шиворотъ-на-выворотъ. Я не сомнѣваюсь, что большинство читателей гораздо болѣе толковые люди. Тѣмъ не менѣе, зная, какъ трудно стать на чужую точку зрѣнія—что однако необходимо сдѣлать для отчетливаго пониманія чужихъ взглядовъ,—я считаю необходимымъ обратиться къ читателю съ убѣдительнѣйшей просьбой: читать то, что у меня написано, и не навязывать мнѣ вздора, котораго я не пишу и не высказываю.

Прежде всего, предлагаемая книжка отнюдь не имѣетъ *проповѣдническаго* характера. Я не развиваю теорій «опрощенія» и ни мало не сочувствую этимъ теоріямъ. Не примыкаю къ ученію Льва Толстого: его «христіанская философія» на бѣлой подкладкѣ не имѣетъ никакого отношенія къ развиваемымъ мною взглядамъ.

Вопросъ, поставленный въ моей книжкѣ, есть вопросъ научный, вопросъ историческій: «въ какомъ направленіи совершалось моральное развитіе человѣчества съ древнѣйшихъ временъ до нашей эпохи»? Такой вопросъ можетъ быть поставленъ и рѣшаемъ на основаніи фактовъ, какъ всякій другой вопросъ, какъ вопросы о томъ, «кто былъ первый Лжедмитрій»? или «откуда пришли Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ»?

Вопросъ рѣшается у меня, какъ историческая проблема, на основаніи фактовъ и независимо отъ всякихъ практическихъ выводовъ. Прежде всякихъ практическихъ выводовъ надо выяснить истину, чѣмъ и занимается эта книжка.

Хотя защищаемая мною теорія противорѣчитъ ходячимъ взглядамъ, но, какъ убѣдится читатель при внимательномъ чтеніи моей книжки, не такъ сильно расходится съ существую-

щими научными мнѣніями, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда.

Гербертъ Спенсеръ своимъ глубокимъ анализомъ факторовъ общественнаго развитія въ сущности оправдалъ и защитилъ теорію Руссо,—хотя и не призналъ ея, такъ какъ не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ укоренившагося взгляда на прогрессъ.

Многіе авторы относились болѣе или менѣе скептически къ «благамъ цивилизаціи», поскольку дѣло идетъ о моральной природѣ человѣка.

Историческій обзоръ всѣхъ отрицательныхъ мнѣній о цивилизаціи завелъ бы меня слишкомъ далеко *); замѣчу только, что взглядъ, развиваемый въ этой книжкѣ, представляетъ логическій, неизбѣжный выводъ такъ называемаго матеріалистическаго пониманія исторіи, съ точки зрѣнія котораго исторія человѣчества есть «война желудковъ»,—борьба націй, борьба классовъ въ предѣлахъ націи, борьба индивидуумовъ въ предѣлахъ класса,—борьба за матеріальное благосостояніе.

Это историческое воззрѣніе требуетъ массы оговорокъ и разъясненій, требуетъ обстоятельной разработки. Оно существуетъ пока лишь въ видѣ общихъ и расплывчатыхъ по своей общности набросковъ. Только бѣглый абрисъ его намѣчается въ работахъ напр. Маркса и Энгельса, соціологическая теорія которыхъ скорѣе можетъ быть названа намекомъ на теорію.

Такъ какъ задача моей книги—*изложить факты* съ помощью болѣе правильнаго метода классификаціи, чѣмъ примѣняемый сторонниками прежней, апріорной теоріи «прогресса—смягченія нравовъ»,—то я и не стану разбирать основоположенія новаго воззрѣнія, пробивающагося сквозь туманъ метафизическихъ доктринъ, все еще окутывающихъ науку. Въ нижеслѣдующихъ главахъ будетъ разсматриваться преимущественно вопросъ о томъ, *что* и *какъ* происходило въ жизни человѣчества, а не вопросъ *почему*, котораго мы коснемся, лишь насколько это необходимо для ясности изложенія.

Считаю необходимымъ напомнить одно: теорія «классовой борьбы», въ ея истинно-научной формѣ, отнюдь не считаетъ войну желудковъ чѣмъ то роковымъ, фатальнымъ, извнѣ предписаннымъ человѣчеству на всѣ времена. Эта война возникла (довольно поздно) въ исторіи человѣчества подъ вліяніемъ измѣнившихся условій его быта; она можетъ и должна прекратиться

*) Я надѣюсь посвятить этому предмету особый очеркъ.

подъ вліяніемъ новаго измѣненія условій. Пока она длилась, пока прогрессъ опредѣлялся войной классовъ,—онъ былъ эволюціей жестокости, алчности, хищности и проч. «Альтруизмъ» убывалъ, эгоизмъ наросталъ. Идеализмъ «выбрасывался за бортъ»; «человѣчность» уступала мѣсто «феодальности», «пролетарности» и пр.; ученія любви превращались въ проповѣдь ненависти и нетерпимости; мораль становилась орудіемъ пытки, источникомъ лицемѣрія; утробное начало правило безгранично; исторія была непрерывнымъ «conspuez Zola!» и «vive Esterhazy!»

Не пускаясь въ теоретическую мотивировку этого тезиса, *провѣримъ его фактами*. Это я и дѣлаю, и стараюсь доказать, что фактическая провѣрка подтверждаетъ тезисъ, что исторія моральнаго развитія человѣчества *дѣйствительно* заключается въ эволюціи всѣхъ формъ жестокости и ослабленіи альтруистическихъ чувствъ.

Но къ нашей эпохѣ условія историческаго развитія существенно измѣняются: *наука*, являвшаяся въ прошлой исторіи человѣчества подчиненнымъ факторомъ, мало по малу, вслѣдствіе своего естественнаго развитія, пріобрѣтаетъ роль фактора самостоятельнаго, становится творческимъ началомъ, преобразующимъ агентомъ. Она обнаруживаетъ ненужность звѣрства, грызни, войны,—невыгодность ихъ для индивидуумовъ, классовъ и націй; а главное, покоривъ человѣку міръ, она создаетъ новыя *матеріальныя условія* историческаго процесса. Раньше корму не хватало на всѣ желудки, теперь его хватаетъ съ избыткомъ; раньше ростъ производства всегда отставалъ отъ роста населенія, теперь всегда стремится перегнать его! Современное производство могло бы удесятериться въ каждую данную минуту *безъ всякаго напряженія силъ* со стороны населенія, еслибъ не задерживалось искусственно; какъ раньше никакими усиліями нельзя было добыть корму на всѣ рты, такъ что волей не волей приходилось драться изъ за кусковъ, такъ теперь никакими усиліями нельзя остановить добываніе избытка корма, вѣчно грозящее страшнымъ призракомъ «перепроизводства». Такимъ образомъ наука становится могущественной опорой того внѣклассоваго идеала человѣчности и справедливости, который постоянно отвергался прошлой исторіей человѣчества, хотя никогда не забывался, всегда находилъ единичныхъ послѣдователей.

Осуществленіе этого идеала должно привести къ такому состоянію общества, при которомъ не «экономика» будетъ опре-

дѣлять мораль, общественные идеалы и пр., а наоборотъ, экономическій строй, политическія формы, юридическія отношенія etc. будутъ устрояться сообразно отвлеченному идеалу человѣчности, сообразно внѣклассовой морали.

Но, разумѣется, такое состояніе общества не можетъ водвориться внезапно. Къ нему будетъ вести долгій переходный періодъ. Долго еще будетъ продолжаться классовая война, а на ряду съ ней замѣчаться и другое теченіе: осуществленіе внѣклассовыхъ, отвлеченныхъ принциповъ справедливости. Если этотъ переходный періодъ уже начался, то онъ долженъ такъ отразиться въ дѣйствительной жизни: на ряду съ продолжающейся классовой борьбой и приспособленіемъ морали къ классовымъ интересамъ, всегда узкимъ, эгоистичнымъ и хищнымъ,— мы должны замѣтить улучшенія, реформы, измѣненія быта и нравовъ, не объясняемыя экономическимъ интересомъ какого бы то ни было класса, а обусловленныя требованіями отвлеченной справедливости. Мы и находимъ это въ реформахъ нашего вѣка. Уничтоженіе пытокъ, свирѣпыхъ, утонченныхъ казней, порки дѣтей и т. п. никакимъ «классовымъ интересомъ» не требуются. Мало того, и тѣ реформы, въ основѣ которыхъ лежитъ экономическій интересъ извѣстнаго класса, даютъ въ наше время больше, чѣмъ требуется экономическимъ интересомъ. Напр., уничтоженіе рабства и крѣпостного права вызвано экономическими потребностями капиталистическаго порядка, для котораго личная свобода массы населенія выгоднѣе рабства. Но одна выгода не могла бы привести къ безусловному уничтоженію рабства, какъ это сдѣлано въ Европѣ. Выгода только «приспособляетъ» то или другое учрежденіе къ своимъ потребностямъ, а не уничтожаетъ его начисто. Примѣрами кишитъ исторія. Экономическій интересъ не привелъ къ уничтоженію каннибализма тамъ, гдѣ эта дурная привычка возникла и развилась, а только придалъ ей характеръ утонченной гастрономіи и рѣдкаго угощенія, напр. въ Мексикѣ, цвѣтущая цивилизація которой требовала массы рабовъ и дѣлала людоѣдство экономически невыгоднымъ. Рабовъ и оставляли въ живыхъ, а ѣли плѣнныхъ, преступниковъ, непокорныхъ, упрямыхъ невольниковъ и т. п. (подробнѣе объ этомъ ниже).

Или: въ средневѣковой Европѣ рабство въ древнемъ смыслѣ замѣнилось крѣпостнымъ правомъ, оказавшимся болѣе выгодной формой порабощенія. Древняя форма рабства почти исчезла въ Европѣ, но только *почти*: экономическая невыгодность рабства не могла привести къ безусловной отмѣнѣ его;

сохранилась торговля невольниками, богатые люди обзаводились рабами—«арапами», маврами и пр.

Такъ и въ наше время экономическая невыгодность «Leibeigenschaft'a» замѣнила бы его саларіатомъ для массы населенія, но сохранила бы въ тѣхъ формахъ и тѣхъ размѣрахъ, которыя не противорѣчатъ требованіямъ капиталистическаго режима. Домашнее рабство могло бы отлично ужиться съ современнымъ порядкомъ. Можно бы было напр. собирать и воспитывать подкинутыхъ дѣтей, вышколивать изъ нихъ невольниковъ и продавать послѣднихъ богатымъ людямъ въ качествѣ домашней прислуги. Можно было бы вышколивать для той же цѣли дикарей. Да и мало-ли какія реформы и способы могъ бы выдумать дошлый на выдумки европеецъ. Вмѣсто того мы видимъ абсолютное уничтоженіе рабства, такъ что всякій, кто вступилъ на европейскую почву, становится лично свободнымъ человѣкомъ. Т. е. уничтоженіе рабства, толчкомъ которому послужила его экономическая невыгодность, осуществилось не въ наиболѣе подходящей къ требованіямъ капиталистическаго режима формѣ, а въ формѣ, обусловленной требованіями отвлеченной справедливости.

Словомъ, въ реформахъ нашего времени мы дѣйствительно замѣчаемъ поворотъ къ первобытному альтруизму, къ осуществленію внѣклассоваго идеала человѣчности, идущаго въ разрѣзъ съ борьбой классовъ.

Этими немногими замѣчаніями я и ограничусь. Повторяю: центръ тяжести этой книжки не въ нихъ, не въ томъ, вѣрно-ли я объясняю причины эволюціи жестокости и правильно-ли связываю свой взглядъ на прогрессъ съ той или другой соціологической теоріей, а въ томъ, согласуется-ли съ фактами мой взглядъ, точно-ли исторія человѣчества есть эволюція жестокости, достигшая кульминаціоннаго пункта въ XVI—XVII вв.

Фактическому обоснованію этого взгляда посвящена предлагаемая книга.

II.

Жестокость и прогрессъ.

(Бѣглый взглядъ à vol d'oiseau.)

Жестокость, какъ видовая черта человѣка. — Тщетныя попытки быть добрымъ.—Діагнозъ вида Homo sapiens.—„Звѣрская" стадія морали по Летурно, характеризуемая инстинктами, которыхъ у звѣрей нѣтъ.— Бѣглый очеркъ эволюціи жестокости.

Кто первый пустилъ въ ходъ терминъ «человѣчность» въ смыслѣ доброты, справедливости, сочувствія къ ближнимъ? Кто-бы ни пустилъ, во всякомъ случаѣ, эта парадоксальная характеристика человѣческой природы сильно путаетъ и затемняетъ наши сужденія. Такимъ-же парадоксальнымъ является выраженіе «прогрессъ» въ томъ смыслѣ, который ему придаютъ обыкновенно, т. е. въ смыслѣ постепеннаго смягченія нравовъ. Это ложное представленіе о прогрессѣ явилось подъ вліяніемъ дѣйствительныхъ успѣховъ гуманности, великихъ реформъ въ общественномъ бытѣ, осуществившихся съ конца прошлаго столѣтія и идущихъ въ разрѣзъ съ прошедшей исторіей человѣчества. Берутъ послѣднія 100 — 150 лѣтъ — минута въ исторіи человѣчества! — и по направленію этого коротенькаго періода,—направленію, быть можетъ, случайному, наносному и преходящему *), судятъ объ общемъ ходѣ развитія съ древнѣйшихъ временъ. Но исторія человѣчества, исторія цивилизаціи съ древнѣйшихъ временъ до XVIII столѣтія, есть исторія постепеннаго ожесточенія нравовъ, развитія свирѣпости и мучительства, ухудшенія человѣческихъ отношеній и расцвѣта взаимной грызни и злобы... Я увѣренъ, что,

*) Я думаю, какъ и замѣтилъ выше, что оно имѣетъ подъ собой прочную матеріальную основу, которая будетъ разростаться съ каждымъ новымъ успѣхомъ науки. Но самая непродолжительность этого періода невольно внушаетъ сомнѣніе и опасеніе.

прочитавъ эти строки, читатель скажетъ: «ну, пошелъ плесть парадоксы!». Между тѣмъ высказанный мною взглядъ легко подтвердить фактами, настолько банальными и общеизвѣстными, что можно только подивиться, какъ ухитрилось отяготѣть надъ умами ложное представленіе о прогрессѣ въ смыслѣ постепеннаго освобожденія людей отъ жестокихъ инстинктовъ.

Я попытаюсь разобраться въ этихъ понятіяхъ «человѣчности» и «прогресса,» для чего вовсе не потребуется долгихъ разсужденій и подробныхъ трактатовъ: нужны только правильная постановка вопроса и сопоставленіе немногихъ основныхъ и общеизвѣстныхъ фактовъ.

Сначала насчетъ «звѣрства» и «человѣчности». Достоевскій говорилъ и доказывалъ, что человѣкъ любитъ мучительство. Странное дѣло: вмѣсто того, чтобы сказать: «да, это банальная истина, труизмъ», ему возражали и возражаютъ: это — парадоксъ, выводъ болѣзненной фантазіи, неправильное обобщеніе и распространеніе единичныхъ, патологическихъ, уродливыхъ явленій!

Между тѣмъ жестокость есть именно специфическая, общая, массовая черта человѣчества, біологическое свойство вида Homo sapiens. Въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ млекопитающихъ приближаются къ человѣку только лисица, кошка и обезьяна. Остальныя не наслаждаются мучительствомъ, они убиваютъ для ѣды, и если при этомъ причиняютъ мученія, то безсознательно. Только лисица, кошка, обезьяна и человѣкъ занимаются мучительствомъ для мучительства и находятъ въ этомъ радость и наслажденіе. Но что такое свирѣпость тигра въ сравненіи съ человѣческой, по разнообразію, утонченности, вычурности, интенсивности? Нужно-ли мнѣ напоминать такіе факты, какъ система разнообразнѣйшихъ пытокъ, недавно еще практиковавшихся во всѣхъ судахъ, у всѣхъ народовъ? мучительныя казни, также существовавшія повсемѣстно у цивилизованныхъ народовъ? или такія явленія, какъ страсть къ кровавымъ зрѣлищамъ — бои быковъ, кулачные бои и проч., — страсть, и теперь еще далеко не угасшая, потому что всякая казнь—повѣшеніе, гильотинированіе—собираетъ всегда громадныя толпы всякаго люда, отъ босяковъ до разряженныхъ барынь и кавалеровъ включительно. Вспомнимъ привычку «дразнить», присущую всѣмъ дѣтямъ, даже добрымъ и хорошимъ, въ большей или меньшей степени (я никогда не встрѣчалъ и не знаю ребенка, у котораго это свойство, эта любовь къ мучительству не проявлялась-бы хоть изрѣдка); обычай терзать

«новичковъ», недавно еще господствовавшій во всѣхъ школахъ; вспомнимъ розги, палки, плети, недавно еще свистѣвшія во всѣхъ школахъ, во всѣхъ семьяхъ, во всѣхъ усадьбахъ... Войны, недавно еще хроническія и обязательно сопровождавшіяся, кромѣ опустошенія мѣстности, ненужными звѣрствами, вродѣ убиванія младенцевъ, вырѣзанія грудей у женщинъ и проч.! Тюрьмы, нарочно устраивавшіяся на манеръ ада, чтобы осужденный кромѣ наказанія по суду—лишеніе свободы и принудительныя работы—испытывалъ постоянную, ежедневную муку и утѣсненіе! Массовыя движенія — религіозныя, политическія, соціальныя, вродѣ жакерій, крестьянскихъ войнъ, реформаціонныхъ возстаній—и подавленіе этихъ движеній! Травлю беззащитныхъ или покоренныхъ племенъ, иновѣрцевъ вообще!...

Перенесемся мысленно въ любую европейскую страну за полтораста-двѣсти лѣтъ назадъ; заглянемъ въ ея тюрьмы, казармы, лагери, усадьбы, суды, застѣнки, на площади, въ мастерскія, въ школы, въ семьи, въ области, наслаждающіяся миромъ, въ области, объятыя войною,—вездѣ и всюду мы находимъ въ дѣйствіи, на практикѣ, въ повседневномъ примѣненіи чудовищную, громадную, сложную систему мучительства, казней, наказаній, пытокъ, — крупныхъ и мелкихъ, утонченныхъ и простыхъ, вычурныхъ и грубыхъ. Гдѣ? въ какомъ муравейникѣ, ульѣ, колоніи бобровъ, стадѣ оленей, табунѣ лошадей, стаѣ волковъ, — гдѣ въ мірѣ животныхъ найдемъ мы что-нибудь подобное, что-нибудь приближающееся къ этой системѣ? И этотъ букетъ пытокъ и казней, одно перечисленіе которыхъ заняло-бы страницы, а подробное описаніе томы,— расцвѣлъ не случайно, не сразу; онъ распускался медленно, разростаясь, пуская новые побѣги, развертывая новые бутоны, по мѣрѣ развитія человѣчества со временъ каменнаго вѣка до недавняго перелома въ направленіи этого развитія... Но объ этой сторонѣ вопроса я буду говорить ниже.

Я остановлюсь на одномъ фактѣ, который, какъ мнѣ кажется, ярче всѣхъ другихъ иллюстрируетъ жестокость, какъ специфическую, общую, видовую черту человѣка. Это отношеніе къ дѣтямъ, воспитаніе розгой и кулакомъ. Я не имѣю въ виду жестокихъ родителей, «противуестественныхъ» отцовъ и матерей, или такія уродливыя школы, какъ бурса Помяловскаго... Нѣтъ, я имѣю въ виду систему воспитанія, недавно еще практиковавшуюся во всѣхъ школахъ и во всѣхъ семьяхъ, да и теперь общепринятую въ громадномъ большинствѣ семей (простонародье и значительная часть, такъ называемаго, об-

разованнаго общества). Такъ велика, глубока и неискоренима жестокость человѣческая, что даже такія чувства, какъ родительская любовь и заботливость, вылились въ систему пытокъ и казней. Дранье за уши и за волосы; сѣченіе прутьями, крапивой; застращиваніе букой и тому подобными пугалами; оставленіе безъ обѣда, ужина, чая, третьяго блюда; запираніе въ чуланъ, карцеръ, пустую комнату; битье по щекамъ, по рукамъ; лишеніе подарковъ, прогулки, развлеченій; ставленіе въ уголъ, къ стѣнѣ, на колѣни просто, на колѣни на горохъ, на колѣни на ребро парты; надѣваніе дурацкихъ колпаковъ и нашиваніе на спину ярлыковъ съ обидными кличками... какая сложная, хитроумная система пытокъ физическихъ и моральныхъ! Причинить боль, помучить голодомъ, изморить усталостью, опозорить, осмѣять, унизить, оплевать — вотъ пріемы воспитанія, только теперь выходящіе изъ употребленія. Нѣкоторыя изъ наказаній особенно характерны: напр., сѣченіе крапивой, примѣняемое не только въ простонародьи, но и въ иныхъ «господскихъ семьяхъ». Цѣль наказанія — причинить боль въ видахъ острастки, что достигается битьемъ гибкими стеблями—казалось-бы и довольно; нѣтъ, къ битью присоединяется обжиганіе тѣла. Это въ ослабленной степени то-же самое, что высѣчь, а потомъ посолить — наказаніе съ вывертомъ, съ музыкой, съ подковыркой! А между тѣмъ примѣняютъ его сплошь и рядомъ добрые и любящіе родители. Но такъ глубоко засѣло мучительство въ нашей натурѣ, что даже къ родительскимъ чувствамъ подмѣшивается сладострастіе жестокости, безсознательно для самихъ родителей.

Это явленіе обыденное, и потому надъ нимъ мало думаютъ, принимая его за нѣчто естественное и понятное. Но именно обыденныя, повседневныя, «пошлыя» явленія, если въ нихъ вдуматься, ярче обнажаютъ передъ нами нутро человѣческое, шире распахиваютъ «сердечную дверь», чѣмъ грандіозныя событія и исключительные моменты. Вдумайтесь въ наше отношеніе къ дѣтямъ, обмозгуйте хорошенько систему мучительства, въ которой «объективировалась» родительская нѣжность,— вы получите правильное представленіе о «человѣчности», но мурашки забѣгаютъ по кожѣ отъ такого представленія!

А вѣдь это спеціально человѣческая черта. Животныя или вовсе не наказываютъ дѣтей — у нихъ только любовь, нѣжность и забота—или, если наказываютъ, то безъ мучительства. Кошка, если котенокъ расшалится, хлопаетъ его лапой по мордочкѣ, не выпуская когтей; онъ фыркаетъ, принимаетъ на

мгновеніе обиженный видъ, и затѣмъ снова пускается въ погоню за маменькинымъ хвостомъ. Собака (болѣе близкая къ человѣку и позаимствовавшаяся отъ него многими свойствами), насколько я могъ замѣтить, строже: иногда больно кусаетъ щенятъ. Но, во всякомъ случаѣ, эти удары и укусы не превращаются въ систематическое мучительство, какъ у людей. Такъ что если жестокость вообще нельзя назвать спеціально человѣческимъ свойствомъ, то указанная форма—родительское мучительство — есть исключительная, специфическая особенность человѣка, неизвѣстная среди животныхъ.

Замѣчу также, что «противуестественные» отцы и матери—явленіе довольно обыкновенное въ человѣческомъ обществѣ и знакомое всѣмъ по судебнымъ процессамъ—встрѣчаются только среди людей. У животныхъ замѣчается иногда *отсутствіе* родительскаго чувства (самцы нѣкоторыхъ животныхъ, случаи съѣданія поросятъ свиньею), но мнѣ не приходилось наблюдать, не случалось и читать въ описаніяхъ натуралистовъ о животныхъ, которыя наслаждались-бы замучиваніемъ своихъ дѣтей. Даже у лисицъ, кошекъ и обезьянъ этого явленія не встрѣчается.

Скажу больше. Ежели прослѣдить исторію цивилизаціи, ежели основывать характеристику человѣчества на изученіи культурныхъ племенъ (оставивъ въ сторонѣ немногія первобытныя вродѣ веддаховъ), то придется признать, что человѣкъ en masse, въ большинствѣ, «средній» человѣкъ *не можетъ быть добрымъ*. Видовая черта, жестокость, тяготѣетъ надъ нимъ, какъ проклятіе, и отравляетъ его лучшія, великодушнѣйшія, возвышеннѣйшія стремленія. Напомню исторію всѣхъ религіозныхъ движеній, сектъ и т. п. Какъ антитеза массѣ людей является одинъ изъ милліоновъ съ проповѣдью любви, милосердія, справедливости; за нимъ идутъ угнетенные и скорбящіе,—тѣ, которымъ хуже всѣхъ достается отъ жестокости; идутъ искренно, съ убѣжденіемъ, терпятъ гоненія, желаютъ, пробуютъ, стараются быть добрыми; но чѣмъ шире разростается движеніе, тѣмъ сильнѣе проявляются неумирающія свойства злобы, нетерпимости и жестокости, а когда, наконецъ, оно беретъ верхъ,—вмѣсто любви и милосердія являются костры и плахи, тюрьмы и застѣнки. Эта исторія съ унылымъ однообразіемъ повторяется съ древнѣйшихъ временъ до вчерашняго дня. Сколько разъ люди *пытались быть добрыми*, и сколько разъ эти попытки оканчивались сугубымъ звѣрствомъ. Сколько разъ они пробовали осуществлять въ жизни принципы милосердія, прогрессировать въ добрѣ, и сколько разъ, помимо

ихъ воли, эти пробы приводили къ торжеству принциповъ жестокости и къ прогрессу мучительства, принимавшаго только болѣе утонченныя, сложныя и разнообразныя формы.

Напомню еще всѣ массовыя движенія во имя возвышенныхъ принциповъ свободы, равенства, братства. О завоевательныхъ и поработительныхъ войнахъ и говорить нечего, но вотъ эти великодушныя движенія,—найдется ли хоть одно изъ нихъ, не сопровождавшееся оргіей жестокости, потоками крови и разгуломъ мучительства. Даже теперь, въ XIX вѣкѣ, когда развитіе человѣчества (приблизительно съ половины прошлаго столѣтія), какъ будто, дѣйствительно, повернуло на другой путь, діаметрально противуположный прежнему—объ этомъ ниже,—даже теперь присущая людямъ жестокость искажаетъ ихъ великодушные порывы. Укажу на «христіанскихъ соціалистовъ», на маркиза де-Рошфора и пастора Штёкера и т. п. Вотъ поборники обиженныхъ, проповѣдники на словахъ новаго и справедливѣйшаго порядка. Вотъ они выступаютъ въ дѣйствіи—и мы убѣждаемся, что, не говоря о новомъ, ими и старое забыто. Забыты элементарныя вещи, азбука человѣчности и справедливости, признаніе равноправности за всѣми религіями и національностями!..

До сихъ поръ—гдѣ раздаются клики во славу справедливости, гдѣ развѣвается знамя съ девизомъ «Братство»—тамъ кого-нибудь душатъ, кого-нибудь травятъ, истязаютъ какую-нибудь невинную, случайно подвернувшуюся жертву! Безъ этого не обходится.

Итакъ, если понимать терминъ человѣчность не въ томъ смыслѣ, какъ его обыкновенно понимаютъ и какъ мы сами его сейчасъ употребили, а въ смыслѣ проявленія основныхъ, подлинныхъ, специфическихъ чертъ современной человѣческой природы,—то придется примѣнять его совсѣмъ иначе, чѣмъ нынѣ. При видѣ особенно хищнаго, злого животнаго, мы скажемъ: «Что за подлый звѣрь! Сколько въ немъ человѣчности!». А при видѣ особенно добраго, великодушнаго, справедливаго малаго: «Что за милый человѣкъ! Сколько въ немъ звѣрства!». И этотъ языкъ будетъ правильнѣе теперешняго, который злого человѣка называетъ «звѣремъ», а о добромъ животномъ говоритъ: «Точно человѣкъ!».

И въ діагнозъ, въ описаніе вида Homo sapiens, рода Homo, семейства Simiae, порядка *примат*овъ мы должны будемъ занести слѣдующій признакъ: «Жестокость, не имѣющая себѣ равныхъ въ остальномъ животномъ мірѣ; жестокость, доходя-

щая до того, что родительская любовь осуществляется въ системѣ утонченныхъ пытокъ; что движенія во имя любви и милосердія завершаются пытками и казнями; что великодушные порывы разрѣшаются разгуломъ свирѣпости; жестокость, доходящая до безсилія быть добрымъ».

Такова характеристика типа, массы, средняго человѣка. И если среди милліоновъ появляются единицы иного типа, проповѣдники любви; если даже они находятъ сочувствіе въ массѣ, то, какъ мы видѣли выше, результаты этого сочувствія всякій разъ показываютъ, насколько эти люди чужды подлинной, настоящей природѣ человѣка. Карлейль доказывалъ, что «герои» ведутъ человѣчество. Какая ошибка! Не герои ведутъ, а героевъ «проводитъ» человѣчество, приспособляя ихъ возвышенные идеалы къ своей низменной, коварной и жестокой натурѣ.

Мы установили первый пунктъ: «жестокость—специфическое свойство человѣка». Не думаю, чтобы читатель упрекнулъ меня въ парадоксальности, если только обмозгуетъ хорошенько указанные выше факты и прибавитъ къ нимъ массу другихъ изъ повседневной жизни и изъ исторіи.

Съ этимъ выводомъ, съ этой характеристикой согласится всякій соціологъ. Ее можно найти у многихъ писателей. Такъ, Летурно («Evolution de la morale», Paris. 1894), называя «звѣрской» (bestiale) первую, древнѣйшую (по его мнѣнію) стадію нравственнаго развитія человѣчества, характеризуетъ ее такими признаками, какъ людоѣдство, дѣтоубійство, жестокое обращеніе съ женщинами, война. И самъ же сознается, что у звѣрей такихъ явленій не замѣчается; что перечисленныя проявленія жестокости—специфическая особенность человѣка, который въ этомъ отношеніи является исключеніемъ среди всѣхъ приматовъ, даже, пожалуй, среди всѣхъ млекопитающихъ. Такъ что *звѣрская* стадія морали характеризуется у него признаками, которые, по его собственному заявленію, у звѣрей *отсутствуютъ*... Людоѣдство намъ извѣстно, но «гориллоѣдства», «шимпанзеѣдства» и т. д. не существуетъ; слѣдовательно—говоритъ Летурно—«первобытная мораль была гораздо болѣе звѣрской, чѣмъ обезьянья, потому что гориллы и шимпанзе не ѣдятъ другъ друга» («Ev. de la mor. p. 76»).

Также и война. У животныхъ бываютъ столкновенія изъ-за самокъ или добычи, но они не ведутъ аггрессивной войны, «не охотятся на себѣ подобныхъ, на животныхъ своего вида; имъ чуждъ воинственный инстинктъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ человѣкъ... люди, какъ намъ извѣстно, не такъ дели-

катны... съ тѣхъ поръ какъ они существуютъ на землѣ, у нихъ не было болѣе страшныхъ враговъ, чѣмъ люди же» (Letourneau. «Evolution politique», p. 25).

Также и дѣтоубійство: «вообще у животныхъ, особливо у самокъ, любовь къ дѣтенышамъ—могущественный инстинктъ... Какъ же у человѣка это властное чувство такъ часто отсутствуетъ? Причина въ самомъ превосходствѣ человѣческаго интеллекта...» («Evol. mor.», p. 119).

Истязаніе женщинъ не составляетъ исключенія. «Животныя вообще не обижаютъ самокъ», и «ни у одного вида не только млекопитающихъ, но и вообще позвоночныхъ мы не найдемъ такого жестокаго обращенія съ самками», какъ у людей (Ibid., p. 126 и 135).

Такъ что въ концѣ концовъ у Летурно вырывается замѣчаніе: «Человѣкъ дебютировалъ болѣе низкимъ нравственнымъ состояніемъ, чѣмъ животныя».

Но такъ какъ человѣкъ не могъ «дебютировать» низшимъ, чѣмъ у животныхъ, состояніемъ (съ точки зрѣнія эволюціонизма, онъ началъ съ *такого же*, а не *низшаго*, состоянія, какъ животныя), то въ этомъ заявленіи Летурно уже кроется молчаливое признаніе того факта, что исторія развитія человѣчества втеченіе весьма долгаго періода времени сопровождалась *пониженіемъ* нравственнаго уровня, эволюціей жестокости, злости, бездушія и атрофіей добрыхъ чувствъ; что сотни вѣковъ должны были пройти, пока изъ древняго антропопитека выработался новый, вышеохарактеризованный видъ: homo sapiens, «человѣкъ мудрый», человѣкъ-убійца, дѣтоубійца, каннибалъ, истязатель слабыхъ.

Но Летурно не замѣчаетъ своего противорѣчія, равно какъ и того обстоятельства, что его характеристика «звѣрской стадіи» моральнаго развитія относится не къ низшимъ, а къ высшимъ ступенямъ цивилизаціи (объ этомъ у насъ будетъ рѣчь въ свое время).

Какъ ни какъ, а ужъ навѣрно меня упрекнутъ въ парадоксальности за нижеслѣдующій «тезисъ»: исторія человѣчества со времени древняго каменнаго до XVIII приблизительно вѣка представляетъ изъ себя постепенные успѣхи, развитіе, прогрессъ жестокости. Это исторія постепеннаго озвѣрѣнія людей, если называть звѣрствомъ свирѣпость и злобу, исторія успѣховъ безчеловѣчности, достигшей кульминаціоннаго пункта въ XVI—XVII столѣтіяхъ. Такъ что поворотъ къ справедливости, замѣчаемый въ послѣдніе полтора-два столѣтія (отмѣна

ЦУНБ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

рабства, пытокъ, мучительныхъ казней и проч.) есть, дѣйствительно, *поворотъ* въ діаметрально противоположную сторону, отрицаніе прошлаго и отказъ отъ прежняго направленія, а отнюдь не продолженіе и не завершеніе давнишняго,—медленнаго, правда, съ зашибками и шатаніями,—но, въ общемъ, неуклоннаго движенія къ справедливости и человѣчности (въ общепринятомъ смыслѣ), сочиненнаго историками.

* *
*

Спенсеръ замѣчаетъ, что болѣе культурныя племена дикарей—фиджійцы, дагомейцы и т. п.—далеко превосходятъ свирѣпостью совершенно дикія, некультурныя, «первобытныя» племена. Это понятно: жестокость, коварство, безпощадность, равнодушіе къ чужимъ страданіямъ давали перевѣсъ въ борьбѣ племенъ. Кто былъ злѣе, хитрѣе, безпощаднѣе, не поддавался чувствительности, не раскисалъ надъ врагомъ, а душилъ его безъ долгихъ разговоровъ, или съѣдалъ, или превращалъ въ вьючную скотину,—тотъ и бралъ верхъ. Это, какъ видимъ, прототипъ «политики желѣза и крови», вовсе не изобрѣтенной Бисмаркомъ, а развившейся и прогрессировавшей съ первыхъ начатковъ цивилизаціи до новѣйшихъ временъ. Если мы сравнимъ относительно культурныя (въ смыслѣ умственнаго развитія, политическаго устройства, промышленности, техники и т. п.) государства, вродѣ Дагомеи, съ племенами, стоящими на уровнѣ древняго каменнаго вѣка (бушменами, веддахами, эскимосами крайняго сѣвера и т. п.), то можемъ охарактеризовать успѣхи и прогрессъ первыхъ, какъ развитіе и разработку разныхъ видовъ свирѣпости: свирѣпость на войнѣ, свирѣпость въ отношеніи къ побѣжденнымъ и плѣннымъ, жестокія казни преступниковъ, кровавыя религіи и т. д. Какъ уже сказано, Спенсеръ указываетъ на это, какъ на *общее* явленіе: первыя ступени цивилизаціи сопровождаются ожесточеніемъ (а не смягченіемъ) нравовъ. На какой-же ступени однако прекратилось это развитіе звѣрства и началось обратное движеніе къ человѣчности? гдѣ поворотный пунктъ въ исторіи цивилизаціи? Историки и соціологи усматриваютъ его уже на ближайшихъ къ фиджійцамъ и дагомейцамъ ступеняхъ: развитіе человѣчества со времени древнихъ восточныхъ государствъ черезъ классическій міръ до новѣйшей Европы совершалось хотя и медленно, хотя и съ кровью, желѣзомъ и огнемъ, но все-таки въ смыслѣ постепеннаго смягченія и облагораживанія нравовъ и отношеній, внутреннихъ и внѣшнихъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ-же историки

приводятъ факты—факты жизни, быта, дѣйствительности—изъ которыхъ видно, что развитіе жестокости не прерывалось на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи, что оно прогрессировало рука объ руку съ нею, и если на первыхъ порахъ, у фиджійцевъ и индѣйцевъ, прогрессъ шествовалъ по колѣна въ крови, то въ древне-восточныхъ и классическихъ государствахъ онъ погрузился въ нее уже до пояса, а въ новѣйшей Европѣ, особливо XVI и XVII вѣковъ,—по горло, такъ что, пожалуй, и вовсе-бы захлебнулся, если-бы въ XVIII в. не произошелъ дѣйствительный поворотъ въ другую сторону.

Въ самомъ дѣлѣ, заглянемъ въ исторію человѣчества, исключивъ послѣднія два столѣтія. Насчетъ первобытныхъ племенъ мы уже говорили: они сплошь и рядомъ отличаются мягкостью, кротостью и добродушіемъ, и если проявляютъ жестокость, то, по крайней мѣрѣ, безъ вычуръ, простую, грубую, выражаемую убійствомъ просто, безъ пытокъ. Это фактъ общеизвѣстный: описанія этихъ племенъ постоянно цитируются въ видѣ иллюстраціи той мысли, что умственное развитіе не всегда сопровождается нравственнымъ улучшеніемъ. Замѣтимъ, что изслѣдованія остатковъ доисторическаго человѣка привели къ тому-же выводу. Люди древняго каменнаго (палеолитическаго) вѣка, современники мамонта и косматаго носорога, отличались благодушіемъ и мирными нравами сравнительно съ гораздо болѣе культурными людьми новаго (неолитическаго) каменнаго вѣка, кости и черепа которыхъ носятъ слѣды войнъ и дракъ, ударовъ и тяжкихъ ранъ и у которыхъ обнаружены мѣстами явные признаки людоѣдства.

Итакъ, по двойному свидѣтельству современной этнографіи и доисторической археологіи, исходный пунктъ цивилизаціи—относительное благодушіе, смирные нравы, миролюбіе и... грубость, конечно, порой доходящая до жестокости *), но не утонченная свирѣпость, наслаждающаяся страданіями ближнихъ. Съ развитіемъ культуры развивается злость: племена полуцивилизованныя или имѣющія за собой долгую культурную исторію (напр., индѣйцы Америки, предки которыхъ оставили въ видѣ памятниковъ своей культуры колоссальныя работы, такъ называемые «mounds»—естественные холмы, обдѣланные искусственно въ видѣ фигуръ животныхъ) уже являютъ намъ зрѣ-

*) Ниже я постараюсь доказать, что и такая характеристика слишкомъ сурова, если имѣть въ виду наиболѣе первобытную стадію развитія человѣчества, — стадію, предшествовавшую обособленію племенъ и началу войны между этими послѣдними.

лище весьма разработанныхъ формъ жестокости, въ приложеніи къ разнымъ сторонамъ общественнаго быта: пытокъ, казней, пріемовъ войны и т. п. Но полукультурныя племена далеко превзойдены въ этомъ отношеніи восточными государствами (персидскіе, ассирійскіе и проч. властители съ ихъ богатымъ репертуаромъ мучительствъ, вродѣ обдиранія заживо, замуровыванія, распятія, сажанія на колъ и пр., и пр.) и классическимъ міромъ въ позднѣйшую, культурнѣйшую эпоху его существованія: въ Римѣ цезарей - при Неронахъ, Тиверіяхъ, Діоклетіанахъ. На этомъ однако человѣчество не остановилось и въ лицѣ европейскихъ странъ двинулось дальше. Система пытокъ, разработанная инквизиціей, далеко превзошла все раньше извѣстное; ей отдаютъ пальму первенства всѣ исторіки культуры; сохранивъ всѣ прежнія мучительства, европейскіе изобрѣтатели прибавили къ нимъ множество новыхъ комбинацій, орудій, снарядовъ; такъ что каталогъ пытокъ и орудій пытки, дѣйствовавшихъ въ Европѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ, окажется гораздо обширнѣе того, который можно составить по надписямъ восточныхъ деспотовъ и описаніямъ древнихъ авторовъ.

Сверхъ того, поле приложенія пытокъ въ Европѣ сдѣлалось гораздо обширнѣе. Въ древнихъ государствахъ онѣ примѣнялись преимущественно надъ мятежниками и государственными преступниками (какими считались въ Римѣ христіане); въ Европѣ XVI в. система пытокъ дѣйствуетъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ вообще, при усмиреніи возстаній, въ политическихъ процессахъ, въ чисто религіозныхъ дѣлахъ (еретики, процессы вѣдьмъ).

Репертуаръ казней во всякомъ случаѣ не бѣднѣетъ, если не обогащается; а примѣненіе ихъ систематизируется и расширяется, распространяясь не только на политическихъ, но и на уголовныхъ и религіозныхъ преступниковъ.

Далѣе: можно сказать, что два разряда преступленій, а стало быть и двѣ новыя сферы мучительства созданы Европой. Я разумѣю процессы еретиковъ и вѣдьмъ. Начатки религіозныхъ преслѣдованій мы находимъ и въ древней исторіи; но, за немногими исключеніями, древность отличалась терпимостью; только «новая исторія», въ лицѣ магометанства и... не христіанства, разумѣется, а тѣхъ доктринъ, которыя выдавались за христіанство Торквемадами, Лойолами, рыцарскими орденами,—возвела въ принципъ нетерпимость и замучиваніе иновѣрныхъ и иномыслящихъ. И разработала эту тему въ совершенствѣ: обращеніе

язычниковъ огнемъ и мечомъ, систематическая травля евреевъ и мавровъ, постоянное выпалываніе еретиковъ, костры, подвиги меченосцевъ, конквистадоровъ, религіозныя войны, Варооломѣевская ночь—все это въ цѣломъ представляетъ картину, богатую красками и незнакомую древнимъ.

Также процессы вѣдьмъ, колдуновъ, оборотней и проч. И въ болѣе древнія времена убивали людей, знавшихся съ духами, но убивали въ видахъ самозащиты, приписывая имъ разныя бѣдствія и злыя дѣла. Только Европа выдвинула преслѣдованіе за сношенія съ злымъ духомъ, какъ за религіозное преступленіе, помимо вреда, который оно можетъ принести людямъ. «Malleus maleficarum», курсы «демонологіи», наука о бѣсахъ и о способахъ распознавать ихъ присутствіе въ тѣлѣ одержимаго посредствомъ разнообразныхъ пытокъ—созданы и разработаны европейцами. И вотъ развертывается вереница хроническихъ преслѣдованій, процессовъ, пытокъ, костровъ,—картина тоже незнакомая древнимъ.

Та чисто человѣческая черта, о которой я говорилъ выше,—выраженіе родительской нѣжности и заботливости въ цѣлой системѣ пытокъ, развилась окончательно въ европейскихъ школахъ. Онѣ внесли много разнообразія въ богатый каталогъ наказаній—физическихъ и моральныхъ—примѣнявшихся еще недавно во всѣхъ семьяхъ и училищахъ, и превзошли въ этомъ отношеніи древнія школы, гдѣ, судя по сохранившимся свѣдѣніямъ, примѣнялись болѣе простыя и однообразныя кары.

Вотъ, мы перебрали не какія нибудь случайныя явленія, а «институты», охватывавшіе повседневную жизнь въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ: слѣдствіе и судъ, наказаніе преступниковъ, политическія дѣла, религію, воспитаніе дѣтей семейное и школьное,—и нашли не ослабленіе, а усиленіе жестокости, принявшей болѣе разнообразныя формы, систематизированной, организованной и захватившей болѣе обширныя сферы, чѣмъ въ свирѣпыхъ восточныхъ и классическихъ государствахъ. Мы нашли это въ видѣ общаго явленія, у всѣхъ европейскихъ націй, т. е. у всего наиболѣе культурнаго человѣчества XVI—XVII вѣковъ.

Какъ же могло утвердиться ходячее мнѣніе о прогрессѣ въ смыслѣ смягченія нравовъ, въ виду этихъ фактовъ, показывающихъ, что прогрессъ до вчерашняго дня былъ постепеннымъ озвѣрѣніемъ?

Очень просто: берутъ книги, мнѣнія, идеи и идеалы, системы и теоріи, мечты и утопіи, вѣроученія и моральныя си-

стемы, созданныя тѣми единицами, которыя отрѣшались отъ человѣческихъ свойствъ жестокости; и, замѣчая здѣсь несомнѣнный прогрессъ, переносятъ его безъ долгихъ разсужденій на самую жизнь, которая однако развивалась, вопреки этимъ ученіямъ, въ противоположномъ направленіи. На основаніи прогресса *идей* создаютъ искусственныя схемы, въ которыя пытаются втиснуть содержаніе *жизни*. Вотъ, напримѣръ, схемка: сначала религіи соединялись съ человѣческими жертвами, потомъ съ животными и, наконецъ, стали безкровными. Постепенное смягченіе и облагороживаніе нравовъ очевидно. Да!— если мы будемъ имѣть въ виду религіи. Нѣтъ!—если мы будемъ имѣть въ виду людей! Поставимъ книги на полку и обратимся къ жизни. Мы увидимъ, что человѣческія жертвы возведены въ систему европейцами. «Кровь этихъ нечестивыхъ язычниковъ пріятная жертва Богу!», — говоритъ гроссмейстеръ ордена въ романѣ Вальтеръ Скотта въ отвѣтъ на сообщеніе о подвигахъ рыцаря, заколовшаго 300 сарацинъ. Эти слова не выдуманы В. Скоттомъ, а взяты изъ историческихъ документовъ. Это ходячая фраза: вы найдете ее въ историческихъ сочиненіяхъ Тьерри, Гизо и др. Систематически, изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ, во всѣхъ европейскихъ странахъ истребляются сектанты, еретики, язычники, евреи, мавры и пр.: «приносятся жертвы Богу», по выраженію католическихъ священниковъ. Ничего подобнаго древность не знаетъ. Человѣческія жертвы, явившись на извѣстной стадіи культуры, сохраняли болѣе или менѣе случайный характеръ даже у наиболѣе культурныхъ и свирѣпыхъ націй, напр. финикіянъ. Онѣ приносились въ случаяхъ особенныхъ бѣдствій: голода, военныхъ неудачъ. Напротивъ, мусульманскія и европейскія націи возвели ихъ въ правило, и сдѣлали изъ истребленія невѣрныхъ, травли еретиковъ, замучиванія колдуновъ *постоянную* функцію вѣры. Это систематическое разыскиваніе, преслѣдованіе и истребленіе иновѣрующихъ, иномыслящихъ и служителей сатаны, производящее на насъ впечатлѣніе однопредметнаго помѣшательства, —можно разсматривать, какъ обобщенное понятіе о жертвѣ. Уже не отдѣльныя лица при тѣхъ или другихъ торжественныхъ обстоятельствахъ,—цѣлые народы, все человѣчество, не признающее Магомета или Торквемады, приносится въ жертву.

Стало быть, и эту сторону человѣческой жестокости—изувѣрство—цивилизація не смягчала, а развивала, и отъ слабыхъ

начатковъ въ древности привела къ пышному расцвѣту въ Европѣ, и особливо поздней Европѣ XVI и XVII столѣтій.

«Opfer fallen hier,
Weder Lamm noch Stier,
Aber Menschenopfer unerhört!»

Другая схема: сначала было людоѣдство, потомъ плѣнныхъ стали обращать въ рабство, рабство смѣнилось болѣе мягкой формой крѣпостного права, «glebae adscriptio». Это ходячая и излюбленная схема. Но, во-первыхъ, она невѣрна: людоѣдство является довольно поздно въ исторіи человѣчества; оно развивается вмѣстѣ съ развитіемъ цивилизаціи: спорадическое, случайное, появляющееся лишь въ голодное время у огнеземельцевъ или тасманійцевъ, оно превращается въ страсть, въ гастрономію лишь на такихъ высокихъ ступеняхъ культуры, какъ фиджійская или древне-мексиканская; наконецъ, оно существуетъ *совмѣстно* съ рабствомъ и зачатками крѣпостного права (Фиджи, Новая Зеландія и др.). Словомъ, исторія развитія этой дурной привычки гармонируетъ съ нашей схемой прогресса, какъ эволюціи жестокости. Но она составляетъ удѣлъ лишь нѣкоторыхъ цивилизацій; большинство племенъ и націй вовсе не знали каннибализма (не считая случайнаго, въ голодные годы), такъ что нельзя противупоставлять людоѣдство рабству, какъ извѣстную общую ступень цивилизаціи. Далѣе, рабство не замѣнялось крѣпостнымъ правомъ; объ эти формы порабощенія являются совмѣстно (зачатки крѣпостного права мы находимъ уже у кафровъ, полинезійцевъ, фиджійцевъ) и развиваются параллельно. Но различіе между ними мало по малу исчезаетъ, сглаживается, только не вслѣдствіе смягченія рабства, а наоборотъ,—*вслѣдствіе превращенія крѣпостного права въ настоящее, формепное рабство*, какъ это случилось въ Европѣ, которая такимъ образомъ не только не ограничила рабства, но довела его до размѣровъ, невиданныхъ въ древности. Крѣпостное право древнихъ (колонатъ въ Римѣ, «мноиты», «пенэсты» и т. п. въ Греціи) и первобытныхъ европейскихъ племенъ («цеорлы», «сервы» германцевъ, саксовъ) было дѣйствительно полусвободнымъ состояніемъ. Колонъ или цеорлъ обладали весьма существенными правами. Но эти права были у нихъ отняты съ теченіемъ времени. Къ XI вѣку масса европейскаго населенія превратилась въ рабовъ; самъ Летурно, авторъ вышецитированной благодушной формулы, признаетъ это, замѣчая, что средневѣковые сервы «были совершенно уподоблены домашнему скоту» («Evolution politique», p. 445) или

«рабъ здѣсь самое подходящее слово» («Эволюція рабства», 331). Отсюда кажущееся исчезаніе рабства въ тѣсномъ смыслѣ. На дѣлѣ гангрена рабства, захватывающая въ древности только военноплѣнныхъ, должниковъ, преступниковъ, мало по малу расползается и охватываетъ наконецъ всю массу населенія: понятно, что при этомъ всенародномъ рабствѣ исчезаетъ различіе между специфическими формами порабощенія.

Но и рабство въ узкомъ, древнемъ смыслѣ не было уничтожено европейцами; напротивъ, именно съ расцвѣтомъ европейской цивилизаціи оно возродилось и расцвѣло пышнѣе, чѣмъ когда-либо. Я разумѣю рабство негровъ (и дикарей вообще) въ Америкѣ и другихъ колоніяхъ, о которомъ даже такой благодушный историкъ, какъ Ингрэмъ, говоритъ, что оно превзошло жестокостью античное, допускавшее и peculium (частная собственность рабовъ) и отпущеніе на волю *).

И точно: обращаясь къ законодательству о рабахъ-неграхъ, созданному европейскими націями втеченіе XVII—XVIII вѣковъ, мы убѣждаемся, что «черный кодексъ» превосходитъ безпощадной жестокостью и отвратительнымъ цинизмомъ всѣ раньше существовавшіе законы и обычаи. Онъ запрещаетъ рабу отлучаться съ плантаціи и разрѣшаетъ всякому бѣлому, встрѣтившему раба, арестовать его, отодрать, а въ случаѣ сопротивленія—убить. Онъ разрѣшаетъ плантатору безконтрольно карать раба тюрьмой, кандалами, розгами, плетьми, палками и бичомъ (особеннаго устройства, вырывавшимъ клочья мяса), а потѣхи ради позволяетъ за небольшую плату (штрафъ до 300 франковъ) отрѣзать рабу языкъ, уши, носъ, руку, ногу, вырвать ему глаза, кастрировать, повѣсить, пристрѣлить. За попытку къ бѣгству, какъ за «покушеніе украсть самого себя у господина», невольникъ подвергается смертной казни; за самовольную отлучку въ первый разъ—поркѣ бичомъ, во второй—клейменію раскаленнымъ желѣзомъ, въ третій—отрѣзанію уха, въ четвертый—кастраціи. Бѣглаго раба можно затравить собаками; рабу запрещено имѣть какое бы то ни было имущество; рабство—вѣчно; плантатору запрещено отпускать на волю рабовъ; запрещено обучать ихъ.

Такого законодательства не знаетъ древность. Въ худшее время античнаго рабства законъ пытался ограничить, а не поощрять истязанія; и ужъ во всякомъ случаѣ *не запрещалъ* рабу имѣть собственность, выкупаться на волю; не запрещалъ

*) Ингрэмъ. „Исторія рабства“, стр. 185.

господину освобождать раба, не пытался искоренить даже тѣ добрыя чувства, которыя могли уцѣлѣть у отдѣльныхъ лицъ, несмотря на развращающее вліяніе рабства.

Другую новую, уже чисто европейскую, черту въ отношеніяхъ къ рабамъ представляютъ цинизмъ, лицемѣріе, прикрываніе гнусностей «священными принципами» уваженія къ собственности, религіи и проч.

Это законодательство создано европейцами; противъ него тщетно боролись лучшіе люди Европы втеченіе столѣтія (только въ 1807 году прекращена работорговля въ Англіи), — слѣдовательно оно характеризуетъ собою нравственный уровень *средняго* европейца культурнѣйшихъ классовъ, т. е. даетъ намъ право сказать, что эволюція жестокости совершалась безостановочно до новѣйшей Европы.

И дома, въ Европѣ, въ отношеніяхъ господъ къ рабамъ мы увидимъ (если отрѣшимся отъ теоретическихъ представленій и обратимся къ жизни) совсѣмъ не то, что полагается видѣть по вышеприведенной схемѣ. Мы вѣдь говоримъ собственно о жестокости. Жестокость выражается въ убиваніи и мученьствѣ. Терзать живого человѣка и наслаждаться его мученіями болѣе жестоко и не менѣе «противуестественно», чѣмъ съѣсть мертваго (собственно для человѣка и то, и другое естественно, потому что объ черты спеціально человѣческія). А терзанія и мученьства не прекращались, а развивались съ развитіемъ цивилизаціи. Что касается «болѣе мягкой формы рабства»— крѣпостного права—то пусть читатель сравнитъ отношеніе грековъ къ рабамъ, какъ оно выражается въ «Одиссеѣ», съ отношеніемъ европейскихъ сеньоровъ къ «vilains, taillables, corvéables», какъ оно проявляется, напр., въ письмахъ г-жи Севинье,—и станетъ-ли онъ говорить о смягченіи рабства? Чѣмъ-бы ни было въ теоріи положеніе «vilains», «кнехтовъ», «быдла», «хлоповъ», «смердовъ», «подлыхъ», «черныхъ» людей, на дѣлѣ оно было рабствомъ: ими торговали оптомъ и въ розницу, ихъ убивали безнаказанно (за убійство чужого крѣпостного отдавали своего или платили деньгами), казнили безконтрольно, «à tort ou à droit, sans en rendre compte à d'autres qu'à Dieu» (кодексъ Бомануара), да еще гнушались ими. Въ Гомеровскую эпоху рабамъ приходилось круто отъ общей грубости нравовъ, но ихъ горькая участь не отягчалась по крайней мѣрѣ презрѣніемъ: господинъ видѣлъ въ рабѣ такого-же человѣка, какъ и онъ самъ (вспомнимъ «богоравнаго свинопаса» Эвмея). Съ развитіемъ культуры развивается пре-

зрѣніе къ личности и отношеніе къ людямъ, какъ къ клопамъ или тараканамъ, которыхъ можно давить походя.

Въ этомъ краткомъ арегçu исторіи человѣчества мы перебрали различныя формы жестокости и видимъ, что всѣ онѣ развиваются и расцвѣтаютъ параллельно расцвѣту цивилизаціи.

Можно-бы коснуться и другихъ явленій, напр., войнъ, и сравнить древнія войны, извѣстныя своей свирѣпостью, напр., войны восточныхъ деспотовъ, пуническія и т. п., съ новѣйшими, напр., нидерландскими, временъ герцога Альбы, испанскими въ Америкѣ, уничтожившими начисто цѣлыя цивилизаціи, народы, расы—лоскомъ, такъ что «и на сѣмена не осталось» (это не удавалось никому изъ древнихъ завоевателей)—тридцатилѣтней и т. д. Мы-бы увидѣли, что жестокость новѣйшихъ войнъ не уступаетъ древнимъ, а аксессуарная, если можно такъ выразиться, сторона, т. е. мучительства для забавы, пожалуй, и превосходитъ древнія войны по затѣйливости. Въ этомъ отношеніи герцогъ Альба, или князь Іеремія Вишневецкій, или любой испанскій «конквистадоръ» дали-бы десять очковъ впередъ какому-нибудь Ганнибалу или Ассурбанипалу.

Во всякомъ случаѣ, міръ не видалъ еще такихъ опустошительныхъ завоеваній, какъ «нашествіе бѣлыхъ», истребившихъ въ послѣднія четыре столѣтія $^{9}/_{10}$ населенія обѣихъ Америкъ, Австраліи и Океаніи.

Я боюсь, что читатель упрекнетъ меня въ банальности приводимыхъ фактовъ. Кто-жъ не знаетъ, что пытки инквизиціи превзошли затѣйливостью даже Востокъ или Римъ цезарей, что изувѣрство въ Европѣ расцвѣло какъ нигдѣ и т. п.? Но, зная эти факты, надо признать и точку зрѣнія, и выводъ, къ которому они приводятъ, а именно: «*исторія цивилизаціи есть исторія постепеннаго озвѣрѣнія людей*». Между тѣмъ этотъ выводъ навѣрно назовутъ парадоксомъ, причемъ сошлются на возвышенный характеръ христіанской религіи, на Аристотеля, который еще не могъ представить себѣ общества безъ рабовъ, и т. п.

Но прогрессъ вѣрованій, философій, моральныхъ системъ понятенъ. Въ умственномъ отношеніи человѣчество развивалось медленно, съ перерывами, то подаваясь назадъ, то порываясь впередъ, то засыпая, то пробуждаясь — но въ общемъ непрерывно и неустанно. И понятно, что люди, отрѣшившіеся отъ человѣческой жестокости, являясь въ болѣе культурныя эпохи, создавали болѣе возвышенныя ученія, болѣе широкія концепціи. Такъ что исторія этихъ еди-

ницъ и ихъ ученій дѣйствительно представитъ картину перехода къ болѣе и болѣе гуманнымъ, идеальнымъ и благороднымъ началамъ. Но человѣчество всегда безсовѣстно обманывало этихъ «вождей», искажало ихъ ученія и безостановочно продолжало вести свою линію, ожесточаться, звѣрѣть, свирѣпѣть, достигнувъ въ этомъ отношеніи кульминаціоннаго пункта въ XVI—XVII вѣкахъ!

* * *

Для того, чтобы получить правильное представленіе объ общемъ ходѣ развитія цивилизаціи съ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ, слѣдовало-бы произвести точныя статистическія изслѣдованія разныхъ проявленій звѣрства, составить каталоги пытокъ, казней, наказаній преступниковъ, наказаній школьныхъ, перечни жестокостей, практиковавшихся во время войнъ, и т. п. Матеріала нашлось-бы довольно, такъ какъ и древніе, и новые опустошители гордились своими подвигами и записывали ихъ въ назиданіе потомству какъ можно подробнѣе. Устыдились только теперь, въ наше время, когда самъ генералъ Вейлеръ не хвалится, а отрекается отъ своихъ дѣлъ: «вовсе я не морилъ голодомъ «reconcentrados»; они сами умирали»... Но давно-ли еще Державинъ славилъ побѣдителя, подъ рукою котораго «поля и грады стали гробы».

Такіе инвентари, списки, каталоги, составленные для разныхъ вѣковъ и народовъ, иллюстрировали-бы картину постепеннаго озвѣрѣнія человѣчества втеченіе его долгой-долгой исторіи со времени сформированія первыхъ племенъ и кланновъ до новѣйшей Европы. Это была-бы исторія *жизни* въ противуположность исторіи *идей*, ученій, системъ,—словомъ, всякаго рода «словесности», никогда не находившей примѣненія въ жизни и развивавшейся въ противуположномъ направленіи. *Интеллектуальная*, идейная сторона морали прогрессировала въ одномъ направленіи; *эмоціональная*—въ другомъ. Совершались параллельно двѣ эволюціи: эволюція возвышенныхъ идей и принциповъ, эволюція низменныхъ чувствъ и инстинктовъ. Чѣмъ болѣе звѣрѣло человѣчество, тѣмъ болѣе возвышенныя ученія ему проповѣдывались и тѣмъ страшнѣе искажались эти ученія. Учителя предъявляютъ все большія и большія требованія по части милосердія, правды и любви; ученики обнаруживаютъ все большія и большія дарованія по части жестокости, коварства и злости.

Къ такому выводу приводитъ насъ общій обзоръ исторіи человѣчества; то-же увидимъ мы въ развитіи отдѣльныхъ на-

цій. Восточныя цивилизаціи остановились и застыли на той ступени озвѣрѣнія, которой имъ удалось достигнуть при Кирахъ, Салманассарахъ и т. п.; я не берусь утверждать положительно, что они прогрессировали въ этомъ отношеніи. Однако-же, сравнивая «надписи» древнихъ ассирійскихъ, персидскихъ и пр. царей (онѣ приводятся у Maspéro «Hist. ancienne» и друг. историковъ), въ которыхъ описываются дѣла этихъ владыкъ по части покоренія народовъ и усмиренія мятежниковъ, съ извѣстіями о новѣйшихъ подвигахъ въ этомъ родѣ, напр., покойнаго персидскаго шаха при усмиреніи внутреннихъ возстаній, я замѣчаю положительное преуспѣяніе. Тамъ, у Салманассаровъ—болѣе однообразный репертуаръ: «содралъ кожи и развѣшалъ ихъ по стѣнамъ, отрѣзалъ головы; замуровалъ, посадилъ на колья» и т. д. Здѣсь, у Насръ-Эддиновъ, къ старымъ казнямъ прибавляются новыя: варка въ водѣ, въ смолѣ, въ маслѣ, поджариваніе на медленномъ огнѣ, на сильномъ, на кострѣ, а главное—комбинаціи утонченнѣе: сдираютъ кожу не сразу, а по кусочкамъ, вынимаютъ глаза и заливаютъ орбиты свинцомъ, просверливаютъ уши и спринцуютъ ихъ кипящимъ масломъ и т. д., и т. д., стараясь подольше сохранить казнимаго живымъ. Такъ что, я полагаю, болѣе тщательное изслѣдованіе показало-бы, что и закоченѣвшій Востокъ не стоялъ на мѣстѣ, а прогрессировалъ потихоньку и къ нашему времени благополучно добрался до болѣе высокой ступени озвѣрѣнія, чѣмъ при древнихъ деспотахъ.

Впрочемъ подтвержденіе этого я нахожу и у такихъ сторонниковъ идеи моральнаго прогресса во что-бы то ни стало, какъ Летурно. Упомянувъ о благородныхъ чертахъ характера древнихъ персовъ, онъ такъ характеризуетъ конечный результатъ ихъ долгой тысячелѣтней культуры, основанной (какъ и всѣ цивилизаціи, не исключая и европейскихъ до недавняго времени) на угнетеніи и рабствѣ: при такихъ условіяхъ «самый одаренный народъ не могъ-бы не выродиться нравственно, что̀ и случилось съ персидской націей, угнетенной со временъ Камбиза и превратившейся, по свидѣтельству всѣхъ наблюдателей, въ совершенный образецъ раболѣпія, плутовства, лицемѣрія и жестокости» («Evol. polit.», p. 278).

Или возьмемъ Индію. Лишь постепенно, шагъ за шагомъ развиваются худшія черты ея быта: кастовый строй, обособленіе паріевъ и чандаловъ, гаремное затворничество женщинъ и т. п. (всѣ эти «институты» развились позднѣе эпохи Ведъ), и, судя по нѣкоторымъ даннымъ, естественныя послѣдствія та-

кого строя—жестокость, эгоизмъ, бездушіе — продолжали преуспѣвать до нашего времени. Такъ, законы Ману предписываютъ вдовамъ постъ и трауръ; позднѣе является сожженіе вдовъ; но во времена Діодора Сицилійскаго сжигали только одну изъ женъ покойника, а въ прошломъ столѣтіи уже всѣхъ, гуртомъ.

Двинемся дальше на Западъ; встрѣчаемъ Россію. Огрубѣніе и ожесточеніе нравовъ въ московскій періодъ приписываютъ обыкновенно татарщинѣ; и, конечно, татары тутъ посодѣйствовали не мало. Но московскія начала—византійское наслѣдство—проявляются уже до татарщины и сказываются довольно замѣтно ко времени Андрея Боголюбскаго. Подогнанныя татарами, они продолжаютъ развиваться и достигаютъ полнаго расцвѣта только въ XVI—XVIII вв. (Иванъ Грозный, смутное время, стрѣлецкіе бунты, начало XVIII вѣка), когда татарское иго сдѣлалось уже преданіемъ. Вплоть до бироновщины не приходится говорить о смягченіи нравовъ; вѣдь еще въ началѣ XVIII в. изобрѣтались усовершенствованные клещи для вырыванія ноздрей и довершалась организація крѣпостного права.

То-же мы видимъ въ западно-европейскихъ государствахъ. Обыкновенно говорятъ о «среднихъ» вѣкахъ, какъ о наиболѣе свирѣпой эпохѣ. Это неточность выраженія: всяческіе виды свирѣпости, пытки, умноженіе костровъ, усиленное преслѣдованіе вѣдьмъ, еретиковъ и т. п. развиваются и разростаются—на это указываетъ, напр., Лекки—къ XVI вѣку. Въ сравненіи съ этимъ вѣкомъ средніе вѣка въ собственномъ смыслѣ слова являются относительно благодушными, а суровыя орды древнихъ германцевъ, галловъ, кимвровъ, бриттовъ и т. п. даже совсѣмъ людьми. Только вполнѣ овладѣвъ наслѣдіемъ прежней исторіи, усвоивъ себѣ старую культуру въ XIV—XV столѣтіи, Европа повела ее дальше, превзошла Римъ цезарей и поднялась на новую, высшую ступень озвѣрѣнія въ эпоху Альбы, Филиппа II, Борджіа, конквистадоровъ. Также и въ странахъ древней культуры; прослѣдите исторію Греціи отъ грубыхъ гомеровскихъ эллиновъ до изощренныхъ въ мучительствѣ византійцевъ, или исторію Италіи отъ суровыхъ римлянъ древней республики черезъ озвѣрѣвшій императорскій Римъ до артистической разработки всѣхъ формъ жестокости въ Италіи эпохи Возрожденія, временъ Борджіа, — вездѣ вы видите одно и то-же.

Націи выступаютъ на историческую сцену, развиваются, поднимаются на извѣстную ступень жестокости, ослабѣваютъ,

падаютъ, гибнутъ вслѣдствіе нравственнаго разложенія (Греція, Римъ, финикійскія цивилизаціи и др.), или застываютъ, коченѣютъ на извѣстной ступени, поддерживаемыя остатками первобытной солидарности (Индія, Персія, Китай, уцѣлѣвшіе отъ гибели, благодаря остаткамъ общиннаго быта и солидарности въ низшихъ, не культурныхъ слояхъ общества) *). На смѣну имъ являются новыя, менѣе культурныя и потому менѣе злыя; овладѣваютъ ихъ наслѣдствомъ, ихъ культурой и злостью; разрабатываютъ ту и другую дальше, достигаютъ еще высшей ступени культуры и злости, и т. д., и т. д. Послѣдняя и высшая ступень достигнута Европой XVI вѣка; XVII-й, да и первая половина XVIII-го составляютъ его непосредственное продолженіе въ томъ-же духѣ, но уже чувствуются усталость, пресыщеніе, изнеможеніе; повидимому, вся изобрѣтательность европейцевъ по части звѣрства исчерпана, имъ бы нужно кончить, сходить со сцены, какъ сошли въ свое время древне-восточныя и классическія цивилизаціи, и уступить мѣсто какимъ-нибудь новымъ племенамъ, которыя превзойдутъ и инквизицію, и конквистадоровъ, и Лойолу... Вмѣсто этого, со второй половины XVIII вѣка мы видимъ нѣчто, дѣйствительно, новое, небывалое, невиданное въ исторіи. Міръ поворачиваетъ на новый путь, прогрессъ становится прогрессомъ нравственнымъ, культура—синонимомъ смягченія нравовъ. Подъ вліяніемъ этого новаго направленія создается ходячее представленіе о прогрессѣ, которое и понынѣ, вопреки фактамъ, достаточно выясненнымъ историками, распространяется на всю прошлую исторію человѣчества, причемъ упорно смѣшиваютъ исторію идей съ исторіей жизни.

Прогрессируя умственно, человѣчество регрессировало нравственно. Нравственный регрессъ до недавняго времени былъ синонимомъ цивилизаціи. Говорятъ иногда, указывая на пытки, свирѣпыя войны и т. п.:—это явленія атавизма, переживанія, побужденія звѣрскихъ инстинктовъ, присущихъ нашему доисторическому предку и сказывавшихся, несмотря на общее движеніе къ смягченію нравовъ. На самомъ же дѣлѣ, явленіемъ атавизма были единицы,—проповѣдники и учителя, въ которыхъ возрождалось первобытное благодушіе, несмотря на общее движеніе человѣчества къ озвѣрѣнію, несмотря на пріобрѣтенную втеченіе исторіи свирѣпость.

Курьезно: этотъ еретическій и парадоксальный съ точки

*) Ср. Летурно. „Эволюція собственности“.

зрѣнія господствующихъ теорій взглядъ высказанъ и подтвержденъ тѣмъ самымъ Летурно, который особенно отличается по части оптимистическихъ схемъ и формулъ прогресса, какъ «смягченія нравовъ». Я имѣю въ виду его книгу «Эволюція собственности», которая по богатству и тщательной обработкѣ фактическаго матеріала стоитъ наравнѣ съ другими сочиненіями того-же автора, но по выводамъ и общимъ взглядамъ рѣзко расходится съ ними. Въ этой книгѣ Летурно излагаетъ исторію цивилизаціи какъ постепенную атрофію солидарности, братства, безкорыстія, состраданія и постепенную эволюцію эгоизма, жадности и корыстолюбія. Онъ доходитъ въ этомъ направленіи до того, что признаетъ лучшія чувства и побужденія современныхъ людей остатками, пережитками первобытнаго альтруизма.

«Если горе ближняго трогаетъ насъ по отраженію, то это происходитъ оттого, что безчисленныя поколѣнія предковъ, жившихъ среди болѣе или менѣе общиннаго строя, *передали намъ чувства общественности, человѣчности*, — чувства скрытыя, но *все еще* живущія въ глубинѣ нашей совѣсти» *).

Летурно называетъ это «открытіемъ», не замѣчая, что подобное открытіе уничтожаетъ всѣ его схемы, изображающія прогрессъ постепеннымъ переходомъ отъ первобытной безчеловѣчности къ культурной гуманности.

Къ какому-же заключенію приведетъ насъ вышеизложенный взглядъ на исторію человѣчества? Очень важному, но не особенно утѣшительному. Разъ эта исторія до недавняго времени, до вчерашняго дня была исторіей постепеннаго ожесточенія людей—мы не можемъ возлагать особенныхъ надеждъ на тотъ поворотъ къ лучшему, который совершился полтораста-двѣсти лѣтъ назадъ. Точнѣе сказать, мы не можемъ быть увѣрены въ прочности, постоянствѣ, живучести этого новаго направленія, идущаго въ разрѣзъ со всей прошлой, не тысячелѣтней, а стотысячелѣтней (считая съ каменнаго вѣка) исторіей культуры. Правда, въ эти полтораста-двѣсти лѣтъ достигнуты громадные результаты, изъ чудовищъ XVI—XVII вв. выработалось довольно приличное человѣчество, отмѣнены такіе «институты» (пытка, казни и пр.), которые бережно передавались отъ народа къ народу и разрабатывались съ неутомимымъ усердіемъ! Правда, можно подивиться могуществу науки (поворотъ къ

*) „Эвол. собств.“, изданіе журн. „Русское Богатство“. Спб. 1889, стр. 62—63.

лучшему совершился подъ вліяніемъ науки, которая только къ XVIII вѣку организовалась изъ отдѣльныхъ безсвязныхъ дисциплинъ въ стройное цѣлое и получила возможность вліять на жизнь), создавшей изъ такого негоднаго матеріала, какъ европейцы XVI вѣка, нѣчто похожее на людей. Но все-таки по такому короткому періоду судить нельзя; все-таки остается сомнѣніе,—не случайное-ли то уклоненіе отъ стараго, давнишняго пути? Минутное увлеченіе, повѣтріе, ошибка исторіи, которая не помѣшаетъ человѣчеству вернуться на прежній, испытанный, освященный десятками тысячелѣтій, путь и достигнуть еще высшей ступени озвѣрѣнія, чѣмъ въ XVI вѣкѣ.

Если-бы, оглядываясь на прошлое, мы могли замѣтить съ отдаленнѣйшихъ вѣковъ до настоящаго времени неуклонное, упорное, хотя и медленное, съ остановками и попятными движеніями, прогрессированіе въ духѣ смягченія нравовъ, справедливости, человѣчности,—намъ-бы нечего было пугаться современныхъ проявленій свирѣпости и бездушія, забвенія элементарной морали и возвращенія ко взглядамъ инквизиторовъ. Успѣхи Дрюмоновъ и Рошфоровъ, подвиги Вейлеровъ, гнусное отношеніе американцевъ къ неграмъ, китайцамъ, индѣйцамъ, мерзости современныхъ конквистадоровъ вродѣ Сесиля Родса, Джэксона. Стэнли, Петерса, Китченера, пули «думъ-думъ»—все это, сказали-бы мы, только случайныя явленія, минутныя задержки и отступленія, которыя не могутъ остановить и затормозить общаго вѣкового движенія къ лучшему.

Да такъ и говорятъ обыкновенно люди, усвоившіе ходячее воззрѣніе на прогрессъ.

Но если, оглядываясь на прошлое, мы замѣчаемъ съ отдаленнѣйшихъ вѣковъ до недавняго прошлаго неуклонное, упорное прогрессированіе въ духѣ озвѣрѣнія, злости, безчеловѣчности,—которому не могли помѣшать самыя возвышенныя религіи; самыя гуманныя системы, самыя великодушныя утопіи, то и выводы относительно современности примутъ иной характеръ. Что такое полтораста—двѣсти лѣтъ въ сравненіи съ безконечной вереницей вѣковъ! Даетъ-ли этотъ коротенькій промежутокъ времени сколько-нибудь прочную основу для оптимистическихъ взглядовъ на будущее? И не вѣрнѣе-ли будетъ разсматривать тотъ общій духъ реакціи, который все ярче сказывается въ исторіи Европы за послѣднія 20—30 лѣтъ, какъ возвращеніе къ старому, нормальному, издавна проторенному пути человѣчества къ высшимъ степенямъ озвѣрѣнія, а не наоборотъ, не какъ «временное уклоненіе отъ нормальнаго

пути»? Политика желѣза и крови, антисемитизмъ, скандальное поведеніе европейцевъ въ Африкѣ, Австраліи, Индіи, вообще дикихъ странахъ, гдѣ съ европейца точно слѣзаетъ навязанная ему XIX вѣкомъ гуманность и развертывается истинная натура конквистадора, изумлявшаго своимъ коварствомъ и звѣрствомъ даже свирѣпыхъ мексиканскихъ жрецовъ, ожесточенная таможенная война, правда безъ пушекъ и штыковъ, но съ миріадами жертвъ въ видѣ голодающихъ, безработныхъ и т. п.— все это не признаки-ли возврата на случайно и временно оставленный путь?

Этимъ вопросомъ я и закончу, такъ какъ цѣль моей книги не анализировать современныя дѣла, а только установить болѣе правильную точку зрѣнія на прогрессъ, чѣмъ господствующая, навѣянная успѣхами одного столѣтія. Всегда находились люди, говорившіе:

«Будь человѣкъ благороденъ,
Будь сострадателенъ, добръ!»

А человѣкъ отвѣчалъ: «Извольте, съ удовольствіемъ!» и придумывалъ какую-нибудь новую гадость, новое звѣрство, новое ухищреніе жестокости, въ дополненіе ко всѣмъ предыдущимъ. И въ этомъ заключался прогрессъ до вчерашняго дня исторіи.

III.

Первые плоды просвѣщенія.

(Война, людоѣдство, дѣтоубійство.)

Вегетаріанскій режимъ первобытнаго человѣка.—Косвенныя свидѣтельства анатоміи и исторіи развитія.—Существованіе первобытнаго республиканскаго племени—общины доказываетъ отсутствіе войны въ первобытную эпоху. — Разлагающее вліяніе войны. — Противорѣчія Летурно.—Перемѣна режима и начало хищничества.—Упорное сохраненіе мирныхъ инстинктовъ.—Доисторическій человѣкъ въ Россіи: отсутствіе войны, людоѣдства, угнетенія женщинъ, ссоръ.—Солидарность, какъ единственное средство борьбы съ внѣшней природой въ первобытную эпоху.—Каннибализмъ въ Европѣ.—Возникновеніе дѣтоубійства.—Систематическое дѣтоубійство въ Европѣ.—Выводы.

Наука собрала много данныхъ о доисторическомъ существованіи людей. Частью путемъ раскопокъ и изслѣдованія всевозможныхъ остатковъ, сохранившихся въ становищахъ первобытнаго человѣка, въ пещерахъ, курганахъ, свайныхъ постройкахъ, въ кучахъ отбросовъ, въ могилахъ и проч., частью на основаніи сравнительнаго изслѣдованія современныхъ «первобытныхъ» племенъ, дикарей,—удалось возстановить довольно полную и связную (въ общихъ чертахъ, конечно) картину постепеннаго развитія человѣчества отъ звѣрообразныхъ современниковъ мамонта до вылощенныхъ европейцевъ нашей эпохи.

Эта долгая исторія (отъ начала ледниковой эпохи до нашихъ дней прошло по самой скромной оцѣнкѣ 250—300 тысячъ лѣтъ) изображается, обыкновенно, въ видѣ медленнаго движенія впередъ, къ улучшенію, къ совершенствованію. Поскольку дѣло идетъ объ умственномъ развитіи, о прогрессѣ идей, техники, искусствъ, ремеслъ, «культуры»—это мнѣніе вполнѣ справедливо и достаточно ярко и убѣдительно иллюстрируется въ любой исторіи цивилизаціи.

Иное дѣло—моральная сторона, отношенія людей другъ къ другу, справедливость, гуманность, милосердіе, словомъ, «альтруистическія» чувства. Сколько-нибудь точной исторіи

нравственнаго развитія человѣчества мы до сихъ поръ не имѣемъ, и тотъ, кто обратится къ произведеніямъ современныхъ соціологовъ, къ книгамъ Летурно, Липперта, Спенсера и проч., получитъ тѣмъ болѣе смутное впечатлѣніе объ этомъ предметѣ, чѣмъ внимательнѣе будетъ читать. Общая точка зрѣнія, господствующая у современныхъ историковъ культуры, очень отчетливо выражена въ словахъ Летурно: «Отъ первобытнаго варварства до нашихъ дней нравственное чувство дѣлается все утонченнѣе. Пріобрѣтаются все болѣе благородныя привычки» и т. д. («Соціологія», стр. 45).

Но при внимательномъ отношеніи къ даннымъ, на которыхъ основываются такія успокоительныя заключенія и схемы, дѣло пойдетъ не такъ гладко. Факты и даже отдѣльные выводы и замѣчанія соціологовъ слишкомъ часто идутъ въ разрѣзъ съ такими схемами. Спенсеръ замѣчаетъ, напримѣръ, по поводу первыхъ ступеней цивилизаціи: «Ненужная жестокость вовсе не составляетъ общей отличительной черты наименѣе цивилизованныхъ племенъ, между тѣмъ какъ она оказывается обычною для расъ болѣе цивилизованныхъ. Кровожадные фиджійцы достигли значительнаго общественнаго развитія. Бертонъ говоритъ о фанахъ, что «жестокость составляетъ, кажется, одно изъ необходимыхъ условій ихъ жизни», однако-же, фаны достигли нѣкотораго прогресса въ искусствахъ и житейскихъ приспособленіяхъ... Въ Дагомеѣ, гдѣ существуетъ обширное населеніе, организованное въ весьма значительной степени, любовь къ кровопролитію ведетъ къ частымъ ужаснымъ жертвоприношеніямъ. Наконецъ, достаточно изучить общественную систему древнихъ мексиканцевъ, коренившуюся въ каннибализмѣ и однако-же весьма высоко развитую во многихъ отношеніяхъ, чтобы видѣть, что не самыя низшія расы отличаются наибольшей безчеловѣчностью».

Въ этой книжкѣ я пытаюсь доказать, что факты оправдываютъ гораздо болѣе широкій и рѣшительный выводъ. Если строго различать между исторіей идей и исторіей дѣйствительной жизни, то приходится не только отвергнуть теорію постепеннаго «смягченія нравовъ», но и признать, что исторія цивилизаціи до недавняго перелома въ направленіи этой послѣдней была исторіей постепеннаго ожесточенія людей, достигшей кульминаціоннаго пункта въ XVI—XVII вѣкахъ.

Развить этотъ взглядъ подробно—значило-бы написать цѣлую книжищу, въ которой была-бы детально разработана исторія постепеннаго перехода людей отъ первобытной грубости

къ культурной жестокости. Не задаваясь такой задачей, я думаю только представить нѣсколько иллюстрацій этого процесса, —иллюстрацій, которыя, полагаю, не будутъ лишены интереса для читателей сами по себѣ, какъ популярные очерки извѣстныхъ сторонъ человѣческой культуры. Въ этой главѣ мы займемся первыми шагами человѣчества на пути прогресса. Какъ отразились они на его моральныхъ свойствахъ? Какихъ результатовъ достигъ человѣкъ, когда впервые сдѣлался достойнымъ этого названія, возвысившись надъ чисто животнымъ существованіемъ? Какіе плоды принесла «игра ума», смѣнившая владычество животныхъ инстинктовъ?

Чтобы начать ab ovo, надо обратиться къ исходному пункту, къ человѣкообразному существу третичной эпохи, которое еще не было ни человѣкомъ, ни обезьяной и отъ котораго развились, «какъ два ствола отъ одного корня», современные люди и современныя человѣко-образныя обезьяны. Теоретически, существованіе этого «антропопитека» давно установлено біологіей; несомнѣнные остатки его найдены лишь недавно въ третичныхъ отложеніяхъ о. Явы бельгійскимъ изслѣдователемъ Дюбуа. Находка эта—часть черепа, бедряная кость и пара зубовъ—возбудила сенсацію въ ученомъ мірѣ. Мнѣнія о ней расходятся: одни авторитеты говорятъ объ обезьянѣ съ признаками человѣка, другіе—о человѣкѣ съ признаками обезьяны, третьи о существѣ, которое нельзя назвать ни обезьяной, ни человѣкомъ. Споръ, какъ видимъ, о словахъ, а суть-то остается одна. Во всякомъ случаѣ, никто не объясняетъ особенностей черепа, найденнаго Дюбуа, болѣзненными, патологическими измѣненіями (какъ это было въ спорѣ о знаменитомъ Неандертальскомъ черепѣ); всѣ согласны, что здѣсь дѣло идетъ о нормальномъ существѣ, соединявшемъ въ себѣ признаки обоихъ типовъ въ такой степени, что крайне трудно рѣшить, какое названіе ему подходитъ.

Однако, по этимъ немногимъ остаткамъ невозможно судить о нравахъ и привычкахъ нашего древняго предка, человѣкообразнаго существа третичной эпохи.

Изученіе современныхъ дикарей тоже не даетъ указаній на этотъ счетъ. Оно позволяетъ сдѣлать лишь одинъ выводъ: наиболѣе первобытныя племена человѣчнѣе и мягче культурныхъ. Но самыя первобытныя изъ нынѣшнихъ племенъ все-же пережили долгую исторію и далеко превосходятъ культурой нашего третичнаго предка. Далѣе, втеченіе своей долгой исторіи они не разъ сталкивались съ другими болѣе культурными

(и болѣе злыми) племенами: современная антропологія различаетъ въ самыхъ «чистыхъ», безпримѣсныхъ съ вида расахъ смѣсь нѣсколькихъ типовъ. XII наконецъ, приблизительно съ XV вѣка началось разселеніе европейцевъ по всему земному шару,—«нашествіе бѣлыхъ», которые ухитрились пробраться въ самые недоступные уголки земного шара, такъ что нѣтъ ни одного племени, не подвергавшагося въ большей или меньшей степени ихъ вліянію. Для характеристики этого вліянія напомнимъ одинъ примѣръ, относящійся къ нашему столѣтію: истребленіе тасманійцевъ англичанами. Съ 1803 по 1878 племя тасманійцевъ было истреблено начисто до послѣдняго человѣка. Участвовали въ этомъ англійскіе солдаты и офицеры, ссыльные преступники, вольные колонисты и миссіонеры. Всѣ дѣйствовали вкупѣ и влюбѣ, и трудно сказать, кто тутъ больше отличился. Офицеры и солдаты «для забавы» разстрѣливали дикарей по одиночкѣ и гуртомъ. Устраивались правильныя облавы на «чернаго звѣря». Изловивъ семью дикарей, бросали младенцевъ въ огонь, мужчинъ убивали, женщинъ насиловали, привязавъ имъ на шеи головы убитыхъ мужей, «для забавы». Для забавы-же устраивали мишени для стрѣльбы въ цѣль изъ беременныхъ женщинъ, кастрировали мужчинъ и т. п. Иногда убивали дикарей съ болѣе утилитарною цѣлью: чтобы достать мяса для собакъ. Такими мѣрами извели все племя; остатки были уничтожены по способу генерала Вейлера: поселены на безплодномъ островкѣ, гдѣ и вымерли понемногу отъ голода подъ надзоромъ миссіонеровъ.

Тѣ-же пріемы пускались въ ходъ европейцами среди другихъ дикихъ племенъ, такъ что современное населеніе дикарей на земномъ шарѣ врядъ-ли составляетъ 2—3 проц. того, которое обитало на немъ пятьсотъ лѣтъ назадъ, передъ началомъ «нашествія бѣлыхъ». По крайней мѣрѣ, гдѣ прежде дикое населеніе считалось милліонами или сотнями тысячъ, теперь оно считается тысячами (объ Америкѣ, Австралія, Полинезія). Понятно, что воспитаніе въ такой школѣ безчеловѣчія, подъ руководствомъ такихъ ментороръ, не могло не отразиться на характерѣ дикарей; и, встрѣчая проявленія жестокости въ ихъ средѣ, не всегда легко рѣшить, свое-ли это, туземное, или европейская прививка. Есть и прямыя указанія на растлѣвающее вліяніе европейцевъ: нѣкоторыя американскія племена (навахои, команчи и др.) превращены ими въ разбойниковъ; другія восприняли европейскую алчность, корыстолюбіе, безсовѣстность; африканскія племена пріучены европейцами и ара-

бами къ работорговлѣ и охотѣ за рабами; судя по отзывамъ старинныхъ и новѣйшихъ путешественниковъ, австралійцы и многіе полинезійскіе народцы порядкомъ исподлились и изгадились со времени знакомства съ европейцами. Вообще дикія страны въ глазахъ европейскихъ колонизаторовъ всегда были отъѣзжимъ полемъ для охоты на «чернаго звѣря»; да и теперь это отношеніе не измѣнилось существенно.

Обстоятельная картина колонизаціи земного шара бѣлыми втеченіе XV—XIX столѣтій была-бы хорошей иллюстраціей защищаемаго нами взгляда на прогрессъ. Даже теперь, въ XIX вѣкѣ, европеецъ отличается отъ дикаря скорѣе дисциплиной, чѣмъ гуманностью. Но дисциплина, муштровка, ежовыя рукавицы—одно, а гуманность, доброта, альтруистическія чувства—другое. «Во фронтѣ не разговаривать!»—это правило безъ сомнѣнія лучше усвоено цивилизованнымъ человѣкомъ, чѣмъ дикаремъ. Современный европеецъ на родинѣ всегда чувствуетъ себя болѣе или менѣе «во фронтѣ» и, только попавъ въ дикую страну, развертываетъ всю свою вѣками культивированную жестокость...

Итакъ, по современнымъ дикарямъ, даже самымъ первобытнымъ, нельзя судить о нашемъ отдаленномъ предкѣ третичной эпохи.

Самый надежный матеріалъ для этого сужденія доставляютъ намъ анатомія и исторія развитія. Онѣ даютъ лишь косвенныя доказательства, но, какъ увидимъ дальше, не менѣе точныя, чѣмъ любыя «показанія очевидцевъ».

* * *

Анатомія говоритъ намъ, что человѣкъ по устройству своихъ зубовъ и пищеварительнаго аппарата—типичное растеніеядное животное. Объ этомъ свидѣтельствуютъ тупобугорчатые коренные зубы, приспособленные для растиранія мягкой пищи, маленькіе клыки, негодные не только для защиты или нападенія, но и для разрыванія сырого мяса;—пищеварительный каналъ, въ шесть разъ превосходящій длиною тѣло. Это именно типъ растеніеяднаго животнаго. У плотояднаго остробугорчатые коренные зубы и сильные клыки, у всеяднаго (напр., свиньи) тупые бугорки чередуются съ острыми на коренныхъ зубахъ. Стало быть, нашъ отдаленный предокъ питался плодами, ягодами, корнями и т. п. Такими-же вегетаріанцами являются и современныя обезьяны; на первый взглядъ можетъ показаться, что по нимъ и слѣдуетъ судить о характерѣ нашего общаго

предка. Но это было-бы ошибкой: современныя человѣкообразныя обезьяны отличаются огромными, сильными клыками, которые сближаютъ ихъ съ хищными и въ связи съ которыми находятся злость, свирѣпость и т. п. черты характера. Это—позднѣйшее пріобрѣтеніе, и его мы должны отбросить при сужденіи о характерѣ нашего предка. Хищныхъ клыковъ и всего, что связано съ клыками—свирѣпости, жестокости—у него не было.

Словомъ, въ противуположность вульгарной (и невѣрной) формулѣ: «человѣкъ есть усовершествованная обезьяна», наука выдвигаетъ скорѣе обратное положеніе: современная обезьяна есть выродившееся человѣкообразное существо.

Это заключеніе вполнѣ подтверждается исторіей развитія. Натуралисты говорятъ, что дѣтеныши обезьянъ отличаются кроткимъ, мягкимъ, незлобивымъ характеромъ; только съ возрастомъ является злость, и безобидное существо превращается въ опаснаго звѣря. Эти черты характера находятся въ связи съ физическимъ устройствомъ: черепъ дѣтеныша гориллы, напр., поражаетъ своимъ «благороднымъ» характеромъ; только съ возрастомъ развиваются огромные костяные бугры и гребни для прикрѣпленія мускуловъ, выпячиваются челюсти,—словомъ, голова принимаетъ обезьяній характеръ, лицо превращается въ морду.

Біологія показала, что исторія развитія индивидуума повторяетъ исторію развитія всего типа; раннія стадіи развитія даннаго организма обнаруживаютъ передъ нами черты, которыми обладали его взрослые предки.

Такъ и въ данномъ случаѣ: физическія и моральныя черты дѣтеныша человѣкообразныхъ обезьянъ даютъ намъ возможность судить о характерѣ нашего предка третичной эпохи, такъ какъ онъ (или очень близкая къ нему форма) былъ и ихъ предкомъ *).

Онъ питался почти исключительно растительной пищей (быть можетъ и мелкими животными: червями, улитками, ракушками и пр.); онъ обладалъ кроткимъ, мягкимъ, незлобивымъ нравомъ; ему были чужды злость, коварство, жестокость.

---

*) Такъ какъ человѣчество пережило гораздо болѣе сложную исторію, чѣмъ обезьяны, со времени третичнаго предка, то и періодъ индивидуальнаго развитія, соотвѣтствующій стадіи этого предка, сократился и врядъ-ли выходитъ за предѣлы младенчества. Уже въ раннемъ возрастѣ наши дѣти обнаруживаютъ черты хищныя, т. е. соотвѣтствующія сравнительно поздней стадіи культуры, не ранѣе конца каменнаго вѣка.

Это выводъ изъ данныхъ анатоміи и исторіи развитія,— данныхъ нелицепріятныхъ и гораздо болѣе надежныхъ и точныхъ, чѣмъ сообщенія нашихъ хроникъ, родословныхъ списковъ и т. п.

Даже современнымъ человѣкообразнымъ обезьянамъ чужды систематическая война между собою, поѣданіе себѣ подобныхъ, дѣтоубійство и т. п. чисто человѣческія черты; тѣмъ болѣе онѣ были чужды нашему третичному предку.

Въ этомъ убѣждаетъ насъ—кромѣ вышеприведенныхъ анатомическихъ и біологическихъ свидѣтельствъ—и теоретическое разсужденіе. Не обладая клыками, силой, ловкостью, проворствомъ современныхъ обезьянъ, не додумавшись еще до изобрѣтенія оружія, ловушекъ, силковъ и проч., нашъ третичный предокъ былъ окруженъ хищниками, болѣе страшными, чѣмъ нынѣшніе львы и тигры. При такихъ условіяхъ его могли спасти отъ конечнаго истребленія только относительная смышленость, помогавшая ему укрываться отъ враговъ, а главное *общественность*, симпатія къ себѣ подобнымъ, доходившая до полнаго самоотверженія, полнаго «альтруизма».

Такими соображеніями Летурно объясняетъ первобытную солидарность, характерную черту первобытнаго клана-племени. Отсутствіе принудительной организаціи, безусловное равенство, общность имущества, взаимопомощь, доходящая до полнаго самоотверженія, характеризуютъ эту стадію развитія человѣчества, слѣды и остатки которой замѣчаются рѣшительно у всѣхъ племенъ и націй.

Эту первобытную солидарность Летурно объясняетъ безпомощностью дикаря: «первобытный человѣкъ такъ еще немощенъ, такъ безоруженъ передъ лицомъ подстерегающихъ его враговъ, передъ лицомъ осаждающихъ его со всѣхъ сторонъ опасностей! Все наталкиваетъ его на необходимость общенія съ себѣ подобными». («Эвол. собств.», стр. 61.)

Но онъ былъ еще безоружнѣе, еще немощнѣе въ болѣе раннюю стадію, когда арсеналъ его былъ скуднѣе, а враги опаснѣе и злѣе; такъ что соображенія Летурно съ еще большимъ правомъ можно примѣнить къ до-племенной стадіи развитія человѣчества.

Впрочемъ отсутствіе войны въ эту древнѣйшую эпоху общественнаго развитія, когда люди еще не обособились въ организованные племена и кланы, а жили мелкими «ордами» или семьями на манеръ современныхъ бушменовъ или ведда-

ховъ,—отсутствіе войны въ эту эпоху легко доказать болѣе прямыми свидѣтельствами.

Именно, самый фактъ существованія республиканскаго клана - племени съ общностью имуществъ и практическимъ, *на дѣлѣ*, осуществленіемъ принциповъ братства и равенства.— самая универсальность этой общественной формы, пережитой, какъ показали Морганъ, Летурно и друг., всѣмъ человѣчествомъ, — свидѣтельствуетъ о томъ, что въ еще болѣе древнюю, до-клановую эпоху войны не было вовсе, и быть не могло.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ уничтожилась эта первобытная солидарность внутри племени? какая причина вызвала «дифференціацію» на господъ и рабовъ, вождей и подчиненныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ?

Причина эта—война. Война вызываетъ необходимость подчиненія вождю, власть котораго, сначала временная, становится мало по-малу (съ учащеніемъ войнъ) постоянной, собираетъ вокругъ себя аристократію, скопляетъ въ своихъ рукахъ богатство etc.

Эта роль войны выяснилась благодаря современной этнографіи. Мы можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ постепенное разрушеніе солидарности и ростъ дифференціаціи подъ вліяніемъ учащающихся войнъ. Не входя въ подробности, я укажу только на «Развитіе политическихъ учрежденій» Спенсера и «L'évolution politique» Летурно, какъ произведенія, въ которыхъ этотъ процессъ изложенъ и выясненъ весьма отчетливо.

Итакъ, первобытное племя - община было разрушено «великимъ бичемъ человѣчества—войной. Чтобъ грабить или разорять сосѣдей, необходима была военная организація, повиновеніе, по крайней мѣрѣ временное, вождю, пожертвованіе свободой страсти къ добычѣ, ненависти къ соперникамъ; но такъ какъ военныя предпріятія были очень часты, то кончилось полнымъ и постояннымъ подчиненіемъ аристократическому или деспотическому игу» («Evol. pol.» 51).

Но откуда взялись эти племена-общины, эта первобытная солидарность, *разрушенная войной?*

Они сформировались изъ первичныхъ ордъ, «*нормальнымъ состояніемъ которыхъ* – говоритъ тотъ-же Летурно—*была война*» (Ibid.. p. 54).

Противорѣчіе явное, кричащее! Если-бы нормальнымъ состояніемъ первичныхъ ордъ, — существовавшихъ, прибавимъ, втеченіе десятковъ тысячелѣтій,—была война, то изъ нихъ

должны-бы были выработаться прямо и непосредственно деспотическія организаціи съ кастами, рабствомъ и т. п. Мы-бы не нашли тогда стадіи племенъ, характеризующихся глубокой, безусловной солидарностью, равенствомъ и братствомъ. Откуда она взялась? Какимъ образомъ хроническая война, неизмѣннымъ результатомъ которой вездѣ, всегда, во всѣ времена, у всѣхъ народовъ было разложеніе солидарности (и замѣна ея дисциплиной, муштровкой, дрессировкой) и дифференціація племени, — какимъ образомъ она создала солидарность, создала отсутствіе принудительной организаціи, отсутствіе рабства и проч.?

У того же Летурно мы можемъ найти и фактическое опроверженіе его замѣчанія насчетъ войны, какъ «нормальнаго состоянія первичныхъ ордъ». Именно, говоря о готтентотахъ, онъ указываетъ на то обстоятельство, что у нихъ замѣчается непосредственный переходъ отъ стадіи анархическихъ ордъ къ деспотическому режиму, минуя стадію республиканскаго клана. Чѣмъ объясняется это исключеніе? Войною, «необходимостью воевать» («Evol. pol.» p. 61).

Стало быть, независимо отъ всѣхъ теоретическихъ соображеній, прямое свидѣтельство этнографіи, фактическаго изслѣдованія, установившаго два факта: 1) существованіе первобытнаго племени, связаннаго узами тѣснѣйшей солидарности, и 2) разлагающее вліяніе войны на эту солидарность,—показываетъ, что *нормальнымъ состояніемъ первичныхъ ордъ, первичнаго человѣчества былъ вѣчный миръ*.

Таковъ исходный пунктъ.

Нашъ предокъ прогрессировалъ очень медленно и постепенно, развиваясь въ умственномъ отношеніи. Въ началѣ ледниковой эпохи онъ уже умѣетъ разводить огонь, обладаетъ кое-какимъ арсеналомъ орудій, но у него нѣтъ еще ни копій, ни стрѣлъ, ни топоровъ (такъ наз. «Шелльская эпоха); онъ сохраняетъ вегетаріанскій режимъ (ср. Mortillet. «Le préhistorique»).

Мало по малу однако подвигающееся впередъ умственное развитіе привело къ существенному перелому въ его образѣ жизни. Онъ научился выдѣлывать грубые орудія и оружіе, топоры, копья, стрѣлы, палицы, равно какъ устраивать засады, ловушки, силки. Эти успѣхи совершенно измѣнили его отношеніе къ окружающему міру. Раньше онъ держался въ оборонительномъ положеніи по отношенію къ хищнымъ звѣрямъ, теперь перешелъ въ наступательное. Раньше былъ дичью, те-

перь сталъ охотникомъ. Раньше былъ растеніеяднымъ, теперь сталъ всеяднымъ, даже скорѣе плотояднымъ.

Эта перемѣна режима не отразилась на структурѣ зубовъ: пріобрѣтя привычки плотояднаго, хищнаго звѣря, человѣкъ не нуждался въ сильныхъ клыкахъ для защиты и нападенія (ихъ замѣняло оружіе) или въ остробугорчатыхъ зубахъ для разрыванія добычи (онъ рѣзалъ ее ножемъ и размягчалъ мясо на огнѣ). Но она не могла не отразиться на его психической сторонѣ. Съ переходомъ къ режиму хищныхъ начинаютъ развиваться и привычки хищныхъ. Убійство, кровопролитіе, травля, преслѣдованіе не могли не породить зачатковъ жестокости, грубости, коварства,—всего того, что такъ пышно расцвѣло въ позднѣйшихъ цивилизаціяхъ. Естественный подборъ поддерживалъ, укрѣплялъ и развивалъ эти свойства, потому что теперь, при новомъ режимѣ, они стали выгодными: тѣ, кто съ наибольшей охотой, увлеченіемъ, бѣшенствомъ и страстью преслѣдовалъ звѣрей,—тѣ имѣли больше шансовъ выжить и передать свои особенности потомству. Развилась такимъ образомъ *страсть* къ убійству, кровопролитію и травлѣ,—страсть, присущая всѣмъ вообще хищнымъ и тѣсно связанная съ этимъ режимомъ.

Разумѣется, для такого полнаго нравственнаго перерожденія потребовался громадный періодъ времени. Мы знаемъ, что современныя человѣкообразныя обезьяны (въ томъ числѣ гиббоны, наиболѣе близко стоящіе къ «Питекантропосу» Дюбуа) не употребляютъ животной пищи и, даже убивъ случайно какого-нибудь звѣря или птицу, не ѣдятъ ихъ, а бросаютъ. У нашего третичнаго предка растеніядныя привычки и связанныя съ ними черты характера были выражены еще сильнѣе. А намъ извѣстно, какъ трудно и медленно мѣняются инстинкты, развиваются привычки къ новой пищѣ и новому образу жизни.

Къ серединѣ ледниковаго періода (такъ наз. эпохи Мустье и Солютрэ) человѣкъ уже вошелъ во вкусъ мясной пищи. Онъ вооруженъ грубымъ и скуднымъ, но достаточнымъ для нападенія и защиты арсеналомъ копій, палицъ, топоровъ; онъ умѣетъ устраивать силки и ловушки; онъ находится уже «на военномъ положеніи» относительно окружающаго міра животныхъ.

Такъ кончился первый періодъ въ исторіи нашей культуры—періодъ мирнаго существованія, незлобивыхъ нравовъ и безкровной пищи,—и наступила новая эра охотничьяго образа жизни, хищныхъ нравовъ и кровавой пищи.

Тѣмъ не менѣе, и съ наступленіемъ этой новой эры вновь пріобрѣтенныя хищническія привычки людей обращались только противъ животныхъ, а не противъ себѣ подобныхъ.

Войны еще не было. Такая противуестественная привычка не могла возникнуть и развиться скоро. Да и естественный подборъ долгое время не благопріятствовалъ ея развитію; напротивъ, поддерживалъ и закрѣплялъ альтруистическія чувства. При скудномъ арсеналѣ древняго каменнаго вѣка, не додумавшагося еще до лука и стрѣлъ—въ особенности отравленныхъ стрѣлъ, страшнѣйшаго оружія современныхъ дикарей,—воевать не приходилось.

Война другъ съ другомъ, взаимное истребленіе, охота на себѣ подобныхъ поставила-бы видъ въ слишкомъ невыгодное положеніе сравнительно съ окружающими видами животныхъ и привела бы къ его истребленію и исчезновенію. Только съ того момента, когда умственное превосходство, оружіе, ловушки и пр., обезпечили человѣку господство надъ животнымъ міромъ и вслѣдствіе этого вызвали усиленное размноженіе людей, недостатокъ пищи и необходимость соперничества изъ за кусковъ,—могла начаться внутренняя война, взаимное истребленіе. Но она до такой степени шла въ разрѣзъ съ первоначальными инстинктами, что не могла привиться быстро. Мы знаемъ, какъ прочно держатся инстинкты и какъ туго они уступаютъ разсудку. А война была актомъ разсудочнымъ. Потомокъ миролюбиваго третичнаго получеловѣка, «человѣкъ мудрый», homo sapiens, «своимъ умомъ дошелъ» до соображенія: если я убиваю мамонта и медвѣдя, то почему бы мнѣ не убить и своего сосѣда и не отнять у него его добычи, орудія, жены и проч.

Прошло не мало времени, пока этотъ первый плодъ разума, первый выводъ критической мысли вытѣснилъ древніе миролюбивые инстинкты. Только въ концѣ ледниковаго періода, въ эпоху Мадлены человѣкъ становится настоящимъ «homo ferox»; начинаетъ воевать съ себѣ подобными. Этотъ новый, военный режимъ связанъ съ появленіемъ новой расы (коротконоловой) и съ началомъ дифференціаціи племени: къ эпохѣ Мадлены относятся находки такъ назыв. «bâtons de commendement», «начальническихъ жезловъ», свидѣтельствующихъ о разложеніи первобытной солидарности.

Но безъ сомнѣнія прошло много тысячелѣтій, прежде чѣмъ военный режимъ, распространяясь мало по малу, какъ дурная болѣзнь, охватилъ все человѣчество. Въ Россіи напр., судя по

многочисленнымъ раскопкамъ, войны не было еще въ началѣ неолитической эпохи, и только къ концу ея появляются первые признаки военнаго режима.

До сихъ поръ остатки первобытнаго человѣчества, осколки древнихъ расъ, типы, наиболѣе близкіе къ человѣку древняго каменнаго вѣка — веддахи, бушмены, эскимосы — не знаютъ войны.

Судя по совпаденію признаковъ войны (черепа съ засѣвшими въ нихъ стрѣлами и т. п. остатки) съ нахожденіемъ такихъ памятниковъ древней культуры, какъ «начальническіе жезлы»,—мирный режимъ охватываетъ весь періодъ «анархическихъ ордъ» (по терминологіи Летурно) и начало періода племенъ. Вслѣдствіе успѣховъ техники, сдѣлавшихъ возможнымъ существованіе болѣе крупныхъ общественныхъ единицъ, мелкія орды развились въ племена и кланы, и такъ какъ это произошло не военнымъ, а мирнымъ путемъ,—то племена сохранили первобытную солидарность, альтруистическія чувства, братскія отношенія. Оттого мы и находимъ слѣды и остатки этой братской общины у всѣхъ націй и расъ.

Типомъ такого племени можетъ служить напр. нашъ доисторическій человѣкъ Ладожскаго побережья. Здѣсь втеченіе многихъ поколѣній, быть можетъ вѣковъ, существовала многочисленная община мирныхъ охотниковъ и рыболововъ, соединенныхъ узами глубокой и тѣсной симпатіи, не знавшихъ войны и драки, ссоръ и раздоровъ, угнетенія женщинъ, не говоря уже о людоѣдствѣ, рабствѣ и тому подобныхъ продуктахъ высокой культуры. Объ этомъ мирномъ режимѣ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ остатки ихъ быта. (Ср. Иностранцевъ. «Доисторическій человѣкъ кам. вѣка побережья Ладожскаго озера».)

Но самая обезпеченность жизни, приводившая къ усиленному размноженію населенія, а съ другой стороны охотничьи привычки, развивавшія хищность, пристрастіе къ травлѣ и преслѣдованію,—неминуемо должны были привести къ возникновенію войны. Сначала она имѣла случайный характеръ, потомъ вошла въ привычку. Въ концѣ новаго каменнаго вѣка человѣкъ уже всюду является воиномъ. Еще болѣе поздніе и болѣе культурные типы практикуютъ войну, какъ профессію, какъ любимое развлеченіе и полезнѣйшее дѣло.

Долгое время война практиковалась лишь въ отношеніи иноплеменниковъ. Долго боролись новые, воинственные инстинкты съ первобытными инстинктами солидарности. Но «раз-

двоеніе нравственности» (вражда къ иноплеменнику, дружба къ единоплеменнику) должно было кончиться побѣдой тѣхъ или другихъ инстинктовъ. И такъ какъ войны все учащались и учащались, то одолѣли инстинкты воинственные, хищные, вліяніе которыхъ сказалось наконецъ и внутри племени,—сказалось разложеніемъ первобытной солидарности. «Экономическій факторъ», борьба за добычу и пищу—результатъ побѣды надъ животнымъ міромъ и усилившагося размноженія, вызвавъ прежде всего обособленіе племенъ, долго еще сохранявшихъ внутреннюю солидарность, вызвалъ въ концѣ концовъ обособленіе классовъ внутри племенъ, — и съ этихъ поръ исторія человѣчества представляетъ картину хронической войны внутренней и внѣшней.

* * *

Вмѣстѣ съ войной или нѣсколько позднѣе явилось людоѣдство. Не мало времени должно было пройти прежде, чѣмъ нашъ предокъ побѣдилъ свое естественное отвращеніе къ животной пищѣ вообще, и еще больше его потребовалось, чтобы къ животной пищѣ вообще присоединить мясо себѣ подобныхъ. Первые слѣды людоѣдства мы встрѣчаемъ въ началѣ неолитической эпохи, въ настоящее-же время этотъ новый способъ питанія примѣняется *спорадически* (въ случаѣ голода) всѣми народами и расами, а *постоянно*, изъ любви къ этой пищѣ, нѣкоторыми изъ наиболѣе культурныхъ племенъ.

Такимъ же продуктомъ разума, пересилившаго естественные инстинкты, является дѣтоубійство. По всей вѣроятности оно появилось одновременно или почти одновременно съ войной и людоѣдствомъ, такъ какъ и у современныхъ племенъ совпадаетъ съ этими дурными привычками. Такъ, дѣтоубійство отсутствуетъ совершенно у цейлонскихъ веддаховъ—высшаго нравственнаго типа современнаго человѣка—не знающихъ ни людоѣдства, ни угнетенія женщинъ, ни войны. Какъ случайное явленіе (убійство уродливыхъ или болѣзненныхъ новорожденныхъ), оно существуетъ уже у бушменовъ, по натурѣ миролюбивыхъ, но принужденныхъ воевать съ окружающими ихъ хищными племенами: кафрами, англичанами, боэрами и т. п. Наконецъ, *систематическое* дѣтоубійство мы находимъ лишь на стадіи австралійцевъ, у которыхъ и война, и людоѣдство утвердились уже прочно.

Таковы первые «плоды просвѣщенія», первыя завоеванія разума: *война, людоѣдство* и *дѣтоубійство.*

Два слова о дальнѣйшей судьбѣ этихъ пріобрѣтеній. О

войнѣ,—наиболѣе жестокомъ пріобрѣтеніи изъ всѣхъ трехъ—нечего много разсказывать. Война хроническая, непрерывная, война, какъ профессія, какъ благороднѣйшее занятіе, прославленное поэтами и бардами, существовала до начала нынѣшняго столѣтія. Войны порѣдѣли лишь въ XIX вѣкѣ, а ихъ аксессуарная часть—насилія, опустошенія и проч.—начинаетъ смягчаться съ XVIII столѣтія.

Людоѣдство, постепенно развиваясь, вошло въ обиходъ у нѣкоторыхъ племенъ, напримѣръ, фиджійцевъ съ ихъ высокой культурой, интензивнымъ земледѣліемъ, начатками метеорологіи и астрономіи, богатой поэзіей и т. п.; у африканскихъ фановъ, ашинджей, монбутту, ніамъ-ніамъ, которыхъ Летурно называетъ «сливками негритянской расы» и «высшими разновидностями черной породы»; у древнихъ мексиканцевъ. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы будемъ говорить подробнѣе объ этой эволюціи каннибализма, преуспѣвавшаго—какъ и всѣ остальныя проявленія и формы жестокости—съ успѣхами культуры.

Но эта дурная привычка составляетъ удѣлъ лишь нѣкоторыхъ цивилизацій; въ общемъ же ходѣ развитія человѣчества людоѣдство не играло особенно выдающейся роли. У большинства племенъ оно появлялось и появляется спорадически, какъ средство противъ крайняго голода, усиливаясь или ослабляясь въ зависимости отъ недостатка или обилія пищи. Въ Европѣ оно существовало до недавняго времени, представляя обыкновенный и популярный способъ питанія въ голодные годы. Такъ, во Франціи въ началѣ XI вѣка людоѣдство существовало втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ: охотились на людей, выкапывали трупы, родители ѣли дѣтей, дѣти родителей. Левассеръ (Les prix. 1894) насчитываетъ въ XII столѣтіи 20 голодовокъ, охватывавшихъ болѣе или менѣе значительную часть Европы и тянувшихся часто по нѣсколько лѣтъ, и приводитъ выдержки изъ тогдашнихъ хроникеровъ, изображающихъ послѣдствія этихъ голодовъ: «люди питались травой и кореньями, ѣли нечистыхъ животныхъ, гадовъ и ящерицъ, убивали и пожирали путниковъ, заманивали и съѣдали дѣтей».

Но и въ позднѣйшія времена людоѣдство не исчезало въ Европѣ. Въ концѣ XVI столѣтія, во время осады Парижа Генрихомъ IV, оно приняло обширные размѣры среди осажденныхъ. Ѣли трупы, выкапывали даже скелеты на кладбищѣ, толкли ихъ и пекли изъ этой муки хлѣбъ, называвшійся почему-то «le pain de M-me de Montpensier». Матери ѣли дѣ-

тей. Устраивались охоты на людей. Задавались даже званые обѣды съ человѣческимъ мясомъ, пиршества людоѣдовъ въ отеляхъ С. Дени и Пализо.

Въ Россіи во время страшнаго голода при Борисѣ Годуновѣ распространилось людоѣдство; опасно было ѣздить по дорогамъ и останавливаться на постоялыхъ дворахъ; на рынкахъ продавали пироги съ человѣческимъ мясомъ; въ Германіи каннибализмъ развился и усилился къ концу тридцатилѣтней войны; при Людовикѣ XIV во Франціи случаи людоѣдства не представляли особенной рѣдкости; въ Ирландіи въ прошломъ столѣтіи каннибализмъ проявлялся въ голодные годы (напр. 1746); даже въ нынѣшнемъ столѣтіи бывали случаи каннибализма, напр. послѣ битвы при Лейпцигѣ 1813, при осадѣ Мессины, въ Алжирѣ въ 1868 г.

Вообще каннибализмъ врядъ ли когда-нибудь исчезалъ въ Европѣ до новѣйшихъ временъ. Къ такому предположенію приводитъ во-первыхъ та поразительная легкость, съ какою каннибализмъ входилъ въ нравы, становился распространеннымъ явленіемъ въ моменты крайней нужды (напр. въ вышеуказанномъ случаѣ осады Парижа), во-вторыхъ— то обстоятельство, что хроническая голодовка народныхъ массъ прекратилась только въ нашемъ столѣтіи.

Хроникеры, лѣтописцы конечно отмѣчали лишь случаи болѣе или менѣе широкаго развитія людоѣдства; отдѣльные факты этого рода ускользали отъ ихъ вниманія, да могли и вовсе остаться неизвѣстными.

Характерны свидѣтельства хроникеровъ о торговлѣ человѣческимъ мясомъ въ эпохи сильныхъ голодовъ. Это явленіе показываетъ, что здѣсь дѣло идетъ не о патологическихъ актахъ, не о полусознательныхъ поступкахъ въ состояніи голоднаго безумія, а о привычкѣ, очень скоро принимавшей нормальный характеръ при благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Какъ бы то ни было, каннибализмъ, хотя и принималъ иногда въ Европѣ чисто фиджійскій характеръ, однако не превратился въ національную привычку. Но, безъ сомнѣнія, онъ могъ и долженъ былъ принимать иногда, у отдѣльныхъ лицъ, болѣзненный характеръ неодолимой страсти, могъ передаваться ими по наслѣдству или проявляться въ силу атавизма у позднѣйшихъ потомковъ. Такимъ образомъ возникъ типъ преступника-людоѣда, попадающійся и нынѣ (чаще всего среди эротомановъ). Но это не возвратъ къ доисторическому прошлому; это продуктъ исторіи, пріобрѣтеніе европейской культуры—

голодной, рабьей, изувѣрской, тирранической культуры сантиментальныхъ тигровъ.

Дѣтоубійство также существовало на протяженіи всей исторіи человѣчества, начиная со стадіи бушменовъ и кончая... неизвѣстно впрочемъ, когда оно прекратится: у современныхъ европейцевъ, какъ сейчасъ увидимъ, оно практикуется систематически. Оно усиливалось и ослабѣвало въ зависимости отъ внѣшнихъ условій. У австралійскихъ дикарей, вообще не особенно свирѣпыхъ, истреблялось, говорятъ, около $^1/_3$ младенцевъ *) за невозможностью прокормить всѣхъ. Единственной пищей служили черви, улитки, крысы, коренья, смола мимозъ, изрѣдка динго, кэнгуру, казуаръ; при такихъ условіяхъ естественно выработалась при первыхъ-же успѣхахъ культуры система уничтоженія лишнихъ ртовъ. Въ широкихъ размѣрахъ практиковалось дѣтоубійство въ классическихъ цивилизаціяхъ (Полибій приписываетъ дѣтоубійству запустѣніе нѣкоторыхъ областей въ Греціи), у индусовъ, у китайцевъ. Въ Европѣ дѣтоубійство, воспрещенное закономъ, имѣетъ тѣмъ не менѣе систематическій характеръ. По разсчету Адольфа Бертильона, во Франціи около 3,000 незаконнорожденныхъ дѣтей (4% всѣхъ рождающихся) ежегодно гибнутъ насильственной (большею частью голодной: мать не кормитъ ребенка) смертью. Но этого мало: сравненіе смертности законныхъ дѣтей въ родильныхъ пріютахъ и на волѣ приводитъ къ заключенію, что и изъ законнорожденныхъ довольно значительная часть умерщвляется тѣмъ или другимъ способомъ. (Letourneau. «L'evolution de la morale», p. 378).

Страхъ отвѣтственности передъ закономъ придалъ европейскому дѣтоубійству болѣе жестокія формы: забрасыванія младенцевъ, противъ котораго вооружаются моралисты и проповѣдники прошлыхъ вѣковъ, голодной смерти и «фабрикаціи ангеловъ», медленнаго вымариванія дѣтей. Въ романѣ Диккенса—«Исторія Николая Никльби» изображается такая фабрика ангеловъ, существующая завѣдомо, оффиціально, хотя подъ названіемъ (никого не обманывающимъ) школы: дѣтей изводятъ побоями, голодомъ и т. п. (даже искусственно заражая ихъ болѣзнями). Теперь подобныя фабрики, конечно, мо-

*) Впрочемъ Думгольцъ, много лѣтъ проживши среди австралійцевъ, говоритъ, что они относятся къ дѣтямъ съ нѣжностью, рѣдкой у европейцевъ, и что убійство новорожденныхъ хоть и бываетъ, но осуждается.

гутъ существовать лишь неоффиціально; однако довольно откровенно: д-ръ Брошаръ говоритъ о существованіи пріютовъ, славящихся тѣмъ, что попавшіе въ нихъ дѣти мрутъ, какъ мухи. «Они никогда не испытываютъ недостатка въ питомцахъ!»— прибавляетъ онъ.

Сообщивъ эти факты, Летурно справедливо замѣчаетъ: «Эти данныя приводятъ къ заключенію, что по части уваженія къ дѣтской жизни успѣхи нашей морали были больше теоретическіе, чѣмъ практическіе». (Ib., p. 380.)

Безспорно! но стоило послѣ этого огородъ городить насчетъ постепеннаго смягченія нравовъ!

Итакъ, человѣчество не отвергло первыхъ пріобрѣтеній разума—войны, людоѣдства и дѣтоубійства—а частью развивало ихъ далѣе (войну—всѣ цивилизаціи, людоѣдство—нѣкоторыя), частью сохраняло въ той же формѣ, въ какой они практиковались уже на первыхъ ступеняхъ культуры (систематическое дѣтоубійство). Историки культуры ставятъ обыкновенно на приходъ европейцамъ отсутствіе людоѣдства и дѣтоубійства, отвергнутыхъ христіанской моралью и европейскимъ законодательствомъ. Но въ дѣйствительной жизни оба эти явленія существуютъ на протяженіи всей европейской исторіи и даже—какъ дѣтоубійство—проявляются въ еще болѣе жестокой формѣ. Дѣйствительный прогрессъ въ этомъ отношеніи замѣчается только съ XVIII вѣка, когда войны смягчаются, людоѣдство начинаетъ исчезать, а противъ дѣтоубійства принимаются серьезныя мѣры въ видѣ воспительныхъ домовъ, гдѣ младенцы умираютъ сами, но не умерщвляются.

Но кромѣ трехъ перечисленныхъ пріобрѣтеній съ дальнѣйшимъ развитіемъ человѣчества явились и новые факторы прогресса и ожесточенія—рабство, деспотизмъ, кровавыя религіи и проч. Это однако уже не относится къ нашей темѣ, такъ какъ мы занимаемся лишь первыми стадіями культуры. Въ нихъ, какъ мы видѣли, можно различать три періода: 1) *Мирный періодъ* третичнаго и древне-ледниковаго вегетаріанца; растительная пища, кроткіе нравы, отсутствіе войны, людоѣдства и дѣтоубійства; нашъ предокъ держится только сплоченностью, симпатіей, тѣснымъ союзомъ всѣхъ членовъ вида; онъ еще слишкомъ слабъ для внутренней войны и раздоровъ; 2) *Переходный періодъ*: переходъ къ плотоядной пищѣ, перемѣна фронта по отношенію къ животнымъ, война съ звѣрями, миръ съ людьми, возникновеніе новыхъ инстинктовъ жестокости и коварства, обращенныхъ пока только на животный

міръ; 3) *Хищный или военный періодъ*: плотоядная пища; война, людоѣдство, дѣтоубійство; человѣкъ обезпечилъ себѣ господство надъ животными своимъ умственнымъ превосходствомъ, такъ что внутренняя война не грозитъ болѣе гибелью виду, а, напротивъ, является факторомъ прогресса. Въ этомъ хищническомъ направленіи совершалось развитіе человѣчества почти до нашихъ дней, и только теперь, кажется, поворачиваетъ на новый путь.

IV.

Воспитаніе человѣчества.

Факторы прогресса: война, рабство, деспотизмъ.—Ихъ воспитательное значеніе.—Война—камертонъ прогресса.—Разложеніе солидарности подъ вліяніемъ войны.—Солидарность и дисциплина.—«Фондъ альтруистическихъ чувствъ».

Несостоятельность господствующаго взгляда на прогрессъ, какъ «постепенное смягченіе нравовъ», особенно рѣзко бросится въ глаза, если мы разсмотримъ факторы этого прогресса,—факторы, подъ вліяніемъ которыхъ развивалась цивилизація со времени обособленія воинственныхъ племенъ до XVIII столѣтія нашей эры.

Факторы эти, оказывается, такого рода, что неминуемо *должны* создавать, развивать и культивировать жестокость, низость и любовь къ мучительству, такъ что человѣкъ, стоящій въ концѣ долгаго пути, пройденнаго со временъ первобытной эпохи, *долженъ* быть гораздо болѣе коварнымъ, свирѣпымъ и бездушнымъ, чѣмъ его звѣроподобный предокъ.

«Высшіе аттрибуты человѣчества,—говоритъ Спенсеръ,—гораздо болѣе свойственны дикимъ народамъ, живущимъ изолированными парами въ своихъ лѣсахъ, чѣмъ членамъ обширной, прекрасно организованной націи, имѣющей чудесно выработанныя искусства, обширныя и глубокія знанія и безчисленныя примѣненія ихъ къ благосостоянію» *).

Иными словами: цивилизованный человѣкъ относится къ первобытному, какъ хорошо вымуштрованный тигръ къ дурно воспитанному ягненку; исторія цивилизаціи есть исторія постепенной утраты человѣкомъ «высшихъ аттрибутовъ человѣчества», постепенной утраты нравственности и развитія безнравственности (съ точки зрѣнія современной морали, конечно, которая требуетъ отъ человѣка «добрыхъ чувствъ», а не муштровки).

*) Спенсеръ. „Развитіе политическихъ учрежденій". Спб. 1882. С. 13.

Какъ видимъ, это взглядъ Руссо, отброшенчый наукой, какъ смѣшная фантазія; и высказываетъ его величайшій, точнѣйшій и объективнѣйшій соціологъ нашего времени,—только, къ сожалѣнію, мимоходомъ, не давая ему надлежащаго развитія.

Основные факторы прогресса, подъ вліяніемъ которыхъ воспитывалось человѣчество,—*война, рабство* и *деспотизмъ*.

Война создала государства; деспотизмъ укрѣплялъ ихъ, сковывая вмѣстѣ людей, непривыкшихъ къ подчиненію («народы дикіе любятъ независимость» etc.); рабство помогало ихъ дальнѣйшему развитію, давая правящимъ классамъ досугъ для оборудованія прогресса.

Эти факторы начали дѣйствовать съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ, перейдя отъ вегетаріанскаго режима къ охотѣ, а отъ охоты—къ войнѣ, научился убивать, ѣсть, грабить, порабощать себѣ подобныхъ.

Первичный типъ государства—военный типъ: другого способа возникновенія государствъ, кромѣ войны, не было; и дальнѣйшая ихъ исторія—исторія непрерывной борьбы военныхъ типовъ.

«Война выступаетъ на каждой страницѣ исторіи, какъ создательница и воспитательница человѣческаго рода» (Дрюммондъ) *).

Въ борьбѣ военныхъ типовъ одерживалъ верхъ наиболѣе крѣпко скованный, т. е. наиболѣе проникнутый деспотизмомъ (въ формѣ той или другой общественной іерархіи) и наиболѣе обезпеченный рабами, на счетъ которыхъ правящіе классы культивировали свои военныя доблести.

Этотъ процессъ развитія какъ нельзя лучше выясненъ Спенсеромъ, а любая исторія культуры или учебникъ всемірной исторіи иллюстрируетъ его.

Война между мелкими племенами создаетъ болѣе крупные аггрегаты, которые продолжаютъ взаимную грызню, пока не сформируется одно, два, три, десятокъ прочныхъ, крѣпко свя-

*) Сама война является результатомъ экономическихъ условій, порожденныхъ усиленнымъ размноженіемъ человѣчества послѣ побѣды надъ внѣшнимъ міромъ. Такимъ образомъ въ основѣ лежитъ «экономическій факторъ», но онъ дѣйствовалъ всегда посредствомъ войны: эта послѣдняя являлась орудіемъ общественныхъ трансформацій и воспитателемъ общества даже въ такихъ цивилизаціяхъ, какъ напр. греческая, представляющая наиболѣе «чистый» примѣръ послѣдовательнаго измѣненія общественной структуры, не осложненнаго «насильственными» вліяніями. Стало быть, мы можемъ—молчаливо подразумѣвая экономическую подкладку—разсматривать войну, какъ самостоятельный факторъ прогресса.

занныхъ государствъ,—эти рано или поздно гибнутъ подъ натискомъ новаго роя мелкихъ племенъ, среди которыхъ возобновляется та-же исторія.

Сотня скорпіоновъ глотаетъ другъ друга, жирѣетъ, раздувается, растетъ; наконецъ, остается одинъ, заглотавшій всѣхъ остальныхъ, чудовищный, осовѣвшій, отяжелѣвшій; откуда ни возьмись, врывается новая орава, разрываетъ его на клочки, затѣмъ обращается другъ противъ друга: вотъ исторія всѣхъ народовъ и государствъ, созидавшихъ и двигавшихъ впередъ цивилизацію.

«Государства воспитываются на постоянныхъ войнахъ и развиваются при помощи своего рода естественнаго подбора; они живутъ во взаимномъ соперничествѣ, благодаря которому одни переживаютъ другихъ, или уничтожаютъ, или покоряютъ своихъ соперниковъ» (Киддъ).

Правда, Спенсеръ противопоставляетъ военному типу промышленный, но, обращаясь къ исторіи за примѣрами, находитъ лишь немногія первобытныя племена, случайно оставшіяся въ сторонѣ отъ общаго движенія человѣчества и сохранившія мирный режимъ и благодушные нравы.

Промышленному типу въ Спенсеровскомъ смыслѣ (основанному на принципахъ: миръ, равноправность, свобода) не было мѣста въ прошлой исторіи человѣчества, и древнія промышленныя организаціи воспринимали характеръ окружающихъ военныхъ типовъ: хроническая война съ сосѣдями и злѣйшій деспотизмъ у себя дома (древнія и новыя торговыя республики: Карѳагенъ, Венеція и др.).

Въ Европѣ промышленныя организаціи возникаютъ съ среднихъ вѣковъ, но вліяніе ихъ сказывается серьезно лишь въ послѣднія два столѣтія.

Прибавимъ, что терминъ «промышленный» во всѣхъ отношеніяхъ неудаченъ, что впрочемъ признаетъ и самъ Спенсеръ. Странно въ самомъ дѣлѣ называть «промышленными»—племена эскимосовъ, веддаховъ, аиновъ, горные народцы Бенгала—вродѣ бодосовъ, дималовъ, лепчасовъ,—папуасовъ, арафуровъ и т. п. первобытныя племена, частью еще не вышедшія изъ охотничьей стадіи быта и приводимыя Спенсеромъ въ примѣръ «промышленнаго типа». Странно, далѣе, ставить на одну доску такіе радикально различные типы общественной организаціи, какъ первобытное коммунистическое племя съ его полнымъ отсутствіемъ индивидуализма и стремленія къ личной собственности, и промышленное общество вродѣ Кар-

фагена, гдѣ индивидуализмъ является основой быта, а страсть къ накопленію главнымъ стимуломъ, primum mobile дѣятельности.

Съ другой стороны промышленная организація сама по себѣ вовсе не ведетъ къ торжеству мира, гуманности, справедливости. Напротивъ, жадность, корыстолюбіе, страсть къ накопленію является лишнимъ стимуломъ войнъ, порабощенія, истребленія. Исторія финикійскихъ или итальянскихъ торговыхъ городовъ иллюстрируетъ эту истину достаточно яркими примѣрами.

Въ самой Европѣ промышленный типъ общества до недавняго времени ничуть не уступалъ военному по части несправедливостей всякаго рода. Что мы встрѣчаемъ въ Англіи недавнихъ столѣтій? Безправную массу населенія; колонизаціонную политику, которая сводится къ истребленію народовъ ради рынковъ; принципъ «уваженія къ собственности», доведенный до мономаніи, до однопредметнаго помѣшательства. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія смертная казнь полагалась за 200 слишкомъ преступленій; вѣшали за покражу вещи дороже 12 су. Нищихъ и бродягъ преслѣдовали съ остервенѣніемъ, доходя временами до повальныхъ, массовыхъ избіеній: при Генрихѣ VIII напр. повѣшено 38,000 нищихъ.

Если мы пересмотримъ примѣры, приводимые Спенсеромъ въ цитированной выше книгѣ (также въ «Соціологіи») для иллюстраціи того, что онъ называетъ промышленнымъ типомъ общественнаго устройства, то убѣдимся, что у нихъ лишь одна общая черта: мирный режимъ. Въ однихъ случаяхъ это случайно уцѣлѣвшій первобытный режимъ, когда-то общій для всего человѣчества (веддахи, эскимосы, бодосы, дималы и др.); въ другихъ онъ является результатомъ самыхъ разнообразныхъ историческихъ условій. Но вездѣ и всегда, у всѣхъ народовъ и расъ онъ ведетъ къ укрѣпленію солидарности; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ связанъ съ промышленной организаціей, primum mobile которой — корыстолюбіе — по существу антиобщественно, даже въ этихъ случаяхъ мирный режимъ ослабляетъ разлагающее дѣйствіе индивидуализма.

Обратное представляетъ режимъ военный.

А въ прошлой исторіи человѣчества мирный режимъ исчезаетъ уже на ступени первобытныхъ племенъ и затѣмъ уже почти не проявляется, по свидѣтельству самого Спенсера. Это исторія военнаго режима со всѣми его послѣдствіями, исторія военныхъ типовъ общественной организаціи и ихъ хронической распри.

Въ Европѣ хроническая война тянулась до начала XIX в. и лишь теперь замѣняется миромъ (вооруженнымъ). Даже теперешнее мирное состояніе въ значительной степени иллюзія: между собой воевать европейскимъ націямъ слишкомъ накладно, а съ дикарями не воюютъ: ихъ истребляютъ.

Деспотическая общественная іерархія съ подчиненіемъ лица лицу, ранга рангу, сословія сословію тоже лишь въ XIX вѣкѣ (исключая Англіи) начинаетъ замѣщаться равноправностью и подчиненіемъ закону, равно обязательному для всѣхъ. Рабство уничтожается втеченіе XVIII—XIX вѣковъ.

Къ какимъ-же результатамъ могло привести воспитаніе человѣчества подъ вліяніемъ такихъ факторовъ.

Мы уже знаемъ первый и капитальнѣйшій результатъ войны, явившійся какъ бы программой или ключемъ всего дальнѣйшаго развитія культуры. Повсюду, по всей землѣ, первобытный братскій режимъ, первобытное племя-община выродились въ деспотическую организацію подъ вліяніемъ войны, «пріучившей гнуться передъ вождемъ, сначала временнымъ, потомъ наслѣдственнымъ, и имѣвшей непосредственными послѣдствіями рабство плѣнныхъ, а затѣмъ и возникновеніе собственности, все болѣе и болѣе эгоистической»*),—словомъ, положившей начало «общественной дифференціаціи»: тиранніи господъ и страданіямъ рабовъ, самодурству аристократіи и раболѣпію массы, алчности богачей и зависти бѣдняковъ.

Здѣсь не лишнее будетъ сказать слова два объ одной очень распространенной банальности, одной изъ тѣхъ «азбучныхъ якобы-истинъ», составленныхъ a priori, которыя повторяетъ всякій попугай даже послѣ того, какъ онѣ опровергнуты фактами. «Война,—говорятъ нерѣдко,—вызывая необходимость сплоченія въ видахъ самозащиты, развивала и укрѣпляла солидарность между членами племени». А priori тезисъ кажется правдоподобнымъ; однако изслѣдованіе фактовъ уничтожило его. Оказывается, что война *не* развивала, а *разрушала* солидарность, замѣняя её дисциплиной, дрессировкой, муштровкой, безпрекословнымъ, неразсуждающимъ повиновеніемъ вождю, ничего общаго не имѣющимъ съ чувствами симпатіи, жалости, состраданія. Оказывается, что человѣкъ не могъ раздвоиться: сдѣлаться жестокимъ, хищнымъ, коварнымъ, безсовѣстнымъ въ отношеніи иноплеменниковъ, оставаясь въ то же время любвеобильнымъ, безкорыстнымъ, совѣстливымъ въ отношеніи къ

*) Letourneau. „Evolut. polit.“, p. 80.

единоплеменникамъ. Выражаясь словами Спенсера, «привычка къ насилію внѣ своего общества находится въ противорѣчіи съ привычкой не совершать насилій внутри общества» *).

Задавъ такимъ образомъ основной тонъ развитію обществъ, война продолжаетъ дѣйствовать въ томъ же духѣ. Она развиваетъ жестокость и равнодушіе къ страданіямъ, мало того— страсть къ рѣзнѣ и убійству. То общество одерживаетъ верхъ въ борьбѣ, которое проявляетъ наиболѣе увлеченія, страсти, пыла въ рѣзнѣ. Мало-по-малу развивается любовь къ войнѣ для войны, война—спортъ, война—развлеченіе, война—моціонъ. «Бранная *забава*», «ратная *потѣха*», «*тѣшиться* въ бояхъ» и т. п. выраженія характеризуютъ это отношеніе къ войнѣ, развивающееся по мѣрѣ движенія цивилизаціи. Оно проникаетъ во всѣ слои общества, забирается въ семью, отражается на повседневномъ обиходѣ жизни. Любимымъ развлеченіемъ мирныхъ гражданъ становится драка въ разныхъ формахъ: турниры, поединки, бои кулачные, палочные, бои быковъ, пѣтушьи, медвѣжьи; равно какъ сцены казни — публичная порка, повѣшеніе, гильотинированіе и т. п.; любимымъ развлеченіемъ дѣтей — тоже драка или игра въ разбойники, войну и т. п. Драться — рубить головы или, по крайней мѣрѣ, сокрушать носы и скулы—становится, наконецъ, потребностью человѣка, и такъ именно мы можемъ охарактеризовать европейца недавней эпохи: человѣкъ, у котораго, кромѣ потребностей ѣды, питья, сна и прочаго, въ высшей степени развита потребность драки.

Деспотизмъ, развивавшійся параллельно развитію военныхъ типовъ, долженъ былъ создавать съ одной стороны властолюбіе, которое сводится, въ сущности, къ желанію давить, гнуть, приструнивать себѣ подобныхъ, съ другой — раболѣпіе и затаенную злобу. Властолюбіе, страсть къ угнетенію, странное

*) Л. Е. Оболенскій, возражая на мои статьи („Новости“, 1898, № 268), приводитъ, въ числѣ прочей белиберды, и аргументъ о войнѣ, развивавшей будто бы внутреннюю солидарность. Оно бы ничего; но курьезно то, что почтенный авторъ въ подтвержденіе этого взгляда ссылается на „Развитіе политич. учрежд.“ Спенсера,—то именно сочиненіе, гдѣ означенный взглядъ *опровергнутъ самымъ рѣшительнымъ образомъ!* Еще курьезнѣе то, что сочиненіе Спенсера переведено подъ редакціей г. Оболенскаго и издано съ предисловіемъ этого послѣдняго! Хорошо же онъ понимаетъ книги, которыя редактируетъ. Конечно, такіе горе-оппоненты, какъ Л. Е. Оболенскій, составляютъ исключеніе; но подобныя исключенія ярко иллюстрируютъ силу затверженныхъ формулъ, противъ которыхъ я усиленно предостерегаю читателя.

удовольствіе, которое человѣкъ находитъ въ томъ, что всѣ вокругъ него дрожатъ, «пикнуть не смѣютъ», стоятъ на вытяжку, затаивъ дыханіе,—властолюбіе, такъ-же какъ и любовь къ дракѣ, не коренное, а пріобрѣтенное свойство человѣческой природы, продуктъ цивилизаціи. У тѣхъ немногихъ племенъ, которыя остались въ сторонѣ отъ общаго движенія человѣчества, этого свойства нѣтъ. Нѣтъ подчиненія (оно замѣняется добровольной кооперацією) и нѣтъ желанія подчинять.

Европейскіе миссіонеры должны были придумать для эскимосовъ новое слово «ноллегакъ», т. е. «господинъ», потому что въ эскимосскомъ языкѣ такого слова (а въ эскимосскихъ головахъ соотвѣтственнаго понятія) не оказалось.

Наконецъ, рабство развиваетъ и привычку къ дракѣ, и властолюбіе, и страсть къ мучительству, съ одной стороны, хитрость, низость и злобу—съ другой.

Это школа жестокости по преимуществу, такъ какъ она даетъ ежедневную, постоянную практику худшимъ инстинктамъ грубости и самодурства, злости и свирѣпости.

Съ этимъ врядъ ли кто будетъ спорить. Летурно замѣчаетъ, что рабство имѣло болѣе сильное развращающее дѣйствіе, чѣмъ каннибализмъ, именно вслѣдствіе *непрерывности* этого дѣйствія. Ингрэмъ, историкъ-оптимистъ во что бы то ни стало, объясняетъ развращающимъ дѣйствіемъ рабства безчеловѣчность древнихъ. «Какъ иначе объяснить эти двѣ прискорбныя черты характера древнихъ—суровость и жестокость?..» Это—«прискорбныя послѣдствія рабства».

А такъ какъ рабство сохранялось, развивалось и дѣйствовало до недавнихъ временъ, то его «прискорбныя послѣдствія» должны бы были повидимому сказываться и въ Европѣ—и притомъ сильнѣе, чѣмъ когда либо, потому что результаты продолжительнаго дѣйствія накопляются и растутъ. Но «свое не смердитъ», какъ говорится, и, вспомнивъ о жестокости «древнихъ», Ингрэмъ забываетъ о звѣрствѣ новыхъ, о походахъ Альбы, Тилли, Валленштейна, о завоеваніи Америки, о «нашествіи бѣлыхъ» со всѣми его гнусностями и проч., и проч.

Таковы факторы прогресса.

Дѣйствуя изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ вѣка въ вѣкъ, изъ тысячелѣтія въ тысячелѣтіе, эти факторы—война, рабство и деспотизмъ—должны воспитывать человѣчество въ духѣ свирѣпости, развивать и укрѣплять хищническіе задатки. «Привычки жизни, продолжаясь втеченіе многихъ поколѣній, дѣйствуютъ на складъ человѣческой натуры» (Спенсеръ).

Толкуя о возникновеніи общественнаго прогресса подъ вліяніемъ войнъ, Спенсеръ проводитъ параллель между обществами военнаго типа и немногими уцѣлѣвшими мирными племенами дикарей. На одной сторонѣ оказываются жестокость, мстительность, коварство, деспотизмъ и раболѣпіе, властолюбіе и низкопоклонство; на другой—«миръ и братская любовь», безусловная правдивость и честность, «полное отсутствіе жестокости, мстительности и насилія», уступчивость, отсутствіе господъ и рабовъ, начальниковъ и подчиненныхъ, властолюбія и раболѣпія, взамѣнъ которыхъ существуетъ добровольная взаимная помощь при всѣхъ работахъ.

Но военный типъ положилъ начало общественному прогрессу, дальнѣйшая исторія котораго заключается въ непрерывной борьбѣ военныхъ типовъ,—ясно, что контрастъ, указанный Спенсеромъ, долженъ былъ усиливаться съ теченіемъ времени. И дѣйствительно, обращаясь къ исторіи, мы видимъ неизмѣнный ростъ свирѣпости по мѣрѣ удаленія цивилизаціи отъ первобытнаго типа.

Наиболѣе близкіе къ первобытному типу—Перу, Египетъ, Китай—сохраняютъ еще многія человѣчныя черты; болѣе поздніе—Мексика, семитическія и древнія арійскія цивилизаціи (Финикія, евреи, Ассирія, халдейская цивилизація, Персія, Индія) превосходятъ ихъ жестокостью, безправіемъ массы, несправедливостью общественныхъ отношеній; но и они оставлены за флагомъ античнымъ міромъ въ эпоху расцвѣта римскаго владычества; наконецъ, пальму первенства въ отношеніи опустошительности войнъ, порабощенія массы, чудовищности изувѣрства, разнообразію пытокъ стяжали европейскія націи XVI—XVII вѣковъ.

Въ слѣдующихъ главахъ я мотивирую эту характеристику болѣе подробными данными; здѣсь же рѣчь идетъ собственно о факторахъ прогресса. Мы характеризуемъ школу, въ которую поступило человѣчество съ момента разложенія первобытныхъ племенъ-общинъ, и разбираемъ пока a priori, какихъ результатовъ можно ожидать отъ воспитанія въ такой школѣ.

Признавая эту школу школой озвѣрѣнія для древнихъ націй, нѣкоторые писатели пытаются сдѣлать исключеніе для европейцевъ, достигая этого съ помощью неимовѣрныхъ натяжекъ. Такъ напримѣръ, Киддъ *) пытается доказать, что развитіе новой цивилизаціи, не въ примѣръ прочимъ и прежнимъ,

*) Б. Киддъ. „Соціальная эволюція“. Спб. 1897.

происходило подъ вліяніемъ «фонда альтруистическихъ чувствъ, которымъ запаслась наша цивилизація», благодаря связанной съ нею религіозной системѣ. Благодаря этому «фонду», исторія европейскихъ государствъ является процессомъ «медленнаго разложенія военнаго типа», господствовавшаго раньше и достигшаго апогея въ римской имперіи.

Гдѣ-же однако обрѣтался этотъ фондъ альтруистическихъ чувствъ? Чувства не висятъ въ воздухѣ, чувствуютъ люди,— а исторія сообщаетъ намъ, какія чувства питали люди эпохи разложенія римской имперіи, великой грызни племенъ, смѣнившихъ классическій міръ, феодальной неурядицы и т. д., эпохи костровъ и застѣнковъ, опустошительныхъ войнъ, кровавыхъ религій, истребленія невѣрныхъ, еретиковъ, вѣдьмъ. Точно такъ-же странно называть «разложеніемъ» процессъ медленнаго созиданія военно-деспотическихъ государствъ, сформировавшихся къ XVI вѣку путемъ хронической войны. «Фондъ альтруистическихъ чувствъ» и «медленное разложеніе военнаго типа» оказываются такимъ образомъ пустопорожними словами. А на нихъ воздвигнута цѣлая теорія!

Характеристика военнаго (римскаго) типа, которую дѣлаетъ Киддъ, цѣликомъ примѣняется къ любому изъ европейскихъ государствъ: возникновеніе государства на почвѣ военныхъ предпріятій; военное происхожденіе правящихъ классовъ; глубокое презрѣніе къ низшимъ (чернь, смерды, виллены, быдло); рабство, какъ фундаментъ всей общественной постройки; обожаніе военныхъ доблестей и презрѣніе къ промышленнику, ремесленнику, торговцу; политика, какъ эксплоатація слабыхъ народовъ; деспотизмъ въ государствѣ и семьѣ,—все это доведено до высшаго расцвѣта Европой XVI—XVII вв.

Если можно говорить о «фондѣ альтруистическихъ чувствъ», то развѣ о томъ первичномъ фондѣ симпатіи, жалости, благодушія, котораго не могла вытравить цивилизація и который выражался въ семейной любви, сочувствіи къ роду, клану, племени и т. п., въ «борьбѣ за другихъ», по выраженію Друммонда. Но въ прошлый, хищническій или военный періодъ цивилизаціи и «борьба за другихъ» приняла хищническій характеръ»: душить ради *своей* семьи, *своего* сословія, *своего* народа другія семьи, сословія, народы. Альтруистическіе задатки приспособлялись къ развивавшемуся и распространявшемуся хищничеству, принимая форму семейнаго, сословнаго, національнаго эгоизма и являясь источникомъ новыхъ жестокостей.

«Медленное разложеніе военнаго типа» начинается только съ XVIII вѣка и является отрицаніемъ прошлаго,—не только прошлаго европейскихъ націй, но и всей прошлой исторіи человѣчества. Вмѣсто прежнихъ факторовъ прогресса—войны, рабства, деспотизма—выставляются діаметрально противуположные—миръ, свобода, равенство. Эти новые принципы дѣйствуютъ такъ недавно, что врядъ-ли даже теперь, въ концѣ XIX вѣка, можно говорить о дѣйствительномъ смягченіи нравовъ, объ измѣненіи натуры человѣка. Упомянутый выше Киддъ съ умиленіемъ отмѣчаетъ «чрезвычайную чувствительность общества у наиболѣе культурныхъ народовъ ко всякаго рода несправедливостямъ и страданіямъ». Дѣло Дрейфуса показываетъ, какого сорта эта чувствительность! Культурнѣйшее общество забавляется медленнымъ замучиваніемъ невиннаго, «la grande nation s'amuse...». Эта возмутительная исторія, быть можетъ, ярче всякой войны свидѣтельствуетъ, что современный культурный человѣкъ по натурѣ—палачъ.

Но европеецъ унаслѣдовалъ отъ долгаго періода военной цивилизаціи одно полезное качество — *дисциплину*, умѣнье держать себя въ ежовыхъ рукавицахъ. Это качество облегчаетъ поворотъ на новый путь и ускоряетъ развитіе новаго строя, основаннаго на новыхъ принципахъ. Война, рабство, насиліе, безправіе никому не выгодны; это уже понято; примѣры у насъ на глазахъ: Америка, страна наибольшей свободы,—страна милліардовъ; Испанія—обнищала сверху до низу. Современная наука и техника открыли новые способы матеріальнаго обогащенія, безконечно болѣе дѣйствительные, надежные и вѣрные, чѣмъ завоеваніе, грабежъ и хищничество. Господствующій нынѣ классъ, буржуазія, превосходно понимаетъ это и проводитъ реформы, опираясь на сочувствіе массы. Это дѣло разсудочное, результатъ пониманія выгоды, ради которой европеецъ сдерживаетъ свои хищническіе инстинкты. Но какъ же трудно ему дается это! Такія явленія, какъ дѣло Дрейфуса, взрывы антисемитизма, успѣхъ политики желѣза и крови, увлекшій писателей, ученыхъ, философовъ «идеальной» Германіи, расправы съ дикарями и пр., и пр. обнаруживаютъ подлинную натуру, «нутро» современнаго человѣка. Гуманность пока является для него тяжелой обязанностью, противъ которой онъ то и дѣло возмущается. Быть можетъ, въ дальнѣйшемъ будущемъ, подъ вліяніемъ новыхъ принциповъ, разовьются задатки альтруизма, раньше принимавшіе форму эгоистическихъ, семейныхъ, сословныхъ и національныхъ чувствъ,

и совершится перевоспитаніе человѣчества... Но будущее неизвѣстно. Что касается прошлаго, то еслибы не послѣднія полтора столѣтія, когда человѣчество, повидимому, отреклось отъ прежнихъ путей, отряхнуло прахъ отъ ногъ своихъ и принялось уничтожать все, что раньше заботливо развивало и культивировало,—еслибы не этотъ коротенькій промежутокъ времени, позволяющій надѣяться на лучшее будущее, то изученіе исторіи привело бы насъ къ самому безнадежному пессимизму. Воспитываясь въ школѣ войны, деспотизма и рабства и прогрессируя подъ вліяніемъ этихъ факторовъ, человѣчество могло только отучаться отъ человѣчности и пріобрѣтать дрессировку цѣною «высшихъ аттрибутовъ» своей природы.

V.

Двѣ гипотезы.

Цивилизованный человѣкъ—прирожденный преступникъ. — Причины торжества маниловской теоріи прогресса.—„Систематическое истязаніе“, какъ характеристика европейскаго воспитанія дѣтей, семейной жизни и проч.—Удовольствія, созданныя цивилизаціей.—Переживаніе хищниковъ, мстителей и т. п.—Характеристика первобытнаго человѣка.—Правильная классификація племенъ, какъ основа истинной теоріи прогресса.

Цивилизованный человѣкъ—прирожденный преступникъ: этотъ выводъ неизбѣжно вытекаетъ изъ защищаемаго мною взгляда на исторію культуры. Онъ не вполнѣ согласуется съ господствующими воззрѣніями; поэтому надо мотивировать его обстоятельнѣе.

Господствующій взглядъ на исторію цивилизація можно формулировать такъ: «цивилизація превратила хищнаго звѣря въ человѣка». Изъ сотни читателей девяносто девять (а можетъ быть и всѣ сто) подпишутся подъ этой формулой обѣими руками.

Противуположную формулу: «цивилизація превратила человѣка въ хищнаго звѣря» — огромное большинство публики назоветъ парадоксомъ.

Но точная наука накопила столько данныхъ въ пользу этого «парадокса», что скоро онъ станетъ азбучной истиной.

Не мѣшаетъ подчеркнуть одно обстоятельство. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о борьбѣ двухъ *гипотезъ*, долгое время остававшихся совершенно безпочвенными, лишенными всякой *фактической* основы. Большая публика и не подозрѣваетъ этого. Она воображаетъ—весьма наивно и довѣрчиво—будто «постепенное смягченіе нравовъ подъ вліяніемъ цивилизаціи» кѣмъ-то доказано, установлено и обосновано незыблемыми данными.

На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ и не было. Идея постепенной порчи (моральной) людей, высказывавшаяся издавна въ фантастической (легенды о «золотомъ вѣкѣ») или чисто апріорной (ученіе Ж.-Ж. Руссо) формѣ, была отвергнута вслѣдствіе своей бездоказательности и необоснованности. Въ качествѣ антитезы, естественно, водворилось противуположное ученіе о постепенномъ облагороживаніи дикаря, совпавшее къ тому-же съ дѣйствительнымъ поворотомъ къ облагороженію, къ человѣчности, къ серьезнымъ и кореннымъ реформамъ въ жизни Западной Европы.

Оно и утвердилось, какъ догматъ, не доказанный фактами, но тѣмъ охотнѣе принимаемый. Догматъ легче усвояется, чѣмъ научная теорія. Въ научной теоріи разберись поди, а тутъ дѣло ясно и убѣдительно: «всѣмъ извѣстно, что прогрессъ» и т. д., и т. д. «Всѣмъ извѣстно» сильнѣйшій изъ аргументовъ!

Но догматъ постепеннаго смягченія нравовъ не былъ доказанъ и не могъ быть доказанъ, потому что въ эпоху его водворенія (конецъ прошлаго столѣтія) не было данныхъ для доказательства. Не было этнографіи, изучившей современныхъ дикарей и разобравшей, какіе изъ нихъ представляютъ дѣйствительно «первобытный» типъ, какіе культурный и новѣйшій; не было исторіи въ современномъ смыслѣ (исторіи культуры, нравовъ, быта), собравшей и критически провѣрившей громаду фактовъ и возстановившей въ общихъ чертахъ ходъ развитія человѣчества съ древнѣйшихъ временъ. Не было доисторической археологіи, еще дожидавшейся Буше-де-Перта: антропологіи, вставшей на строго научную почву лишь въ трудахъ Брока, Вирхова и пр.; сравнительной анатоміи, только еще создававшейся трудами Добантона и Кювье. Не было, словомъ, никакихъ данныхъ для научнаго обоснованія и доказательства какой-бы то ни было изъ двухъ формулированныхъ выше гипотезъ.

Вслѣдствіе этого утвердилась та изъ нихъ, которая болѣе соотвѣтствовала духу времени, желаніямъ прогрессивной части общества, наконецъ—и въ этомъ, быть можетъ, главная причина успѣха и торжества маниловской теоріи прогресса,—фанаберіи культурнаго человѣка, самообожанію европейца, который даже гнуснѣйшія изъ своихъ преступленій, (напр. колонизаціонную дѣятельность въ Африкѣ, Америкѣ, Австраліи) не только называетъ, но и искренно считаетъ великими подвигами.

Въ одной изъ слѣдующихъ главъ я попытаюсь доказать, что прогрессъ былъ не только эволюціей жестокости, но и

эволюціей лицемѣрія; что названіе «сантиментальный тигръ», данное кѣмъ-то Робеспьеру, есть наилучшая характеристика европейца вообще.

Итакъ, маниловская теорія прогресса во всѣхъ отношеніяхъ пришлась по вкусу публикѣ. Чему хотѣлось вѣрить, тому и повѣрили,—тѣмъ крѣпче и тверже, что *знать* ничего нельзя было за непмѣніемъ данныхъ.

Теперь не то. Теперь этнографія, исторія, соціологія, доисторическая археологія, съ одной стороны, біологическія науки, съ другой,—накопили достаточно данныхъ, чтобы рѣшить, какія качества были присущи первобытному человѣку, какія пріобрѣтены съ цивилизаціей; какія развивались и укрѣплялись, какія ослабѣвали и атрофировались втеченіе вѣковъ и тысячелѣтій. И хотя гипотеза постепеннаго смягченія нравовъ еще господствуетъ по старой памяти, но уже лопнула по всѣмъ швамъ, такъ что скоро ея лохмотья разлетятся по вѣтру. Можно набрать не мало курьезнѣйшихъ противорѣчій, къ которымъ эта, на вѣру принятая, гипотеза приводитъ соціологовъ и историковъ культуры, упорно старающихся согласить ее съ фактами, говорящими въ пользу совершенно противуположной гипотезы. Мы уже приводили, и еще приведемъ, образчики этихъ противорѣчій.

Оказалось, что гипотеза постепеннаго смягченія нравовъ находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ данными тѣхъ наукъ, на которыхъ только и можетъ быть основано правильное ученіе о прогрессѣ.

Она расходится съ данными біологіи (сравнительной анатоміи и исторіи развитія), доказывающими, что хищность (и всѣ связанные съ нею свойства, инстинкты и наклонности) не есть первичное качество людей, а пріобрѣтена ими постепенно и сравнительно поздно.

Она расходится съ данными соціологіи, показавшей, что цивилизація развивалась подъ вліяніемъ такихъ факторовъ, которые должны были развивать и культивировать жестокость.

И, наконецъ, она расходится съ фактическими данными этнографіи и доисторической археологіи, которыя, при всей своей скудости и отрывочности, даютъ уже достаточно фактовъ въ пользу гипотезы «золотого вѣка».

Двѣ первыя группы доказательствъ мы разсматривали въ главахъ «Первые плоды просвѣщенія» и «Воспитаніе человѣчества», а теперь остановимся на третьей: попытаемся набросать образъ первобытнаго человѣка на основаніи этногра-

фическихъ данныхъ и устранить *кажущіяся* противорѣчія, которыя мѣшаютъ признать этотъ образъ истиннымъ.

Но сначала позволю себѣ напомнить вкратцѣ выводъ, къ которому мы пришли, разсматривая основные факторы прогресса:

Исторія человѣчества—исторія непрерывныхъ войнъ; въ войнахъ одолѣваетъ наиболѣе деспотическая и наиболѣе обезпеченная рабьимъ трудомъ организація; такимъ образомъ война, деспотизмъ и рабство являются тремя основными факторами, созидающими и подвигающими впередъ цивилизацію.

Подъ вліяніемъ этихъ факторовъ создаются и развиваются жестокость, мстительность, властолюбіе; мало-по-малу эти чувства укореняются въ людяхъ, пропитываютъ ихъ, если можно такъ выразиться, до того, что проникаютъ въ самыя мирныя, повседневныя занятія и составляютъ подкладку дѣтскихъ игръ, народныхъ развлеченій, воспитанія дѣтей и проч., и проч.

«Систематическое истязаніе»—такъ можно охарактеризовать дѣятельность европейцевъ прошлыхъ столѣтій, особливо XVI—XVII.

Воспитаніе дѣтей: «Розга умъ острить, память возбуждаетъ, и волю злую ко благу претворяетъ»—говоритъ европейская педагогія, и послушные ей родители сѣкутъ дѣтей безъ вины, «для порядка»; мало того, сѣкутъ трупъ ребенка, недостаточно сѣченнаго при жизни,—чтобъ ему легче было на томъ свѣтѣ (въ Европѣ въ ср. вѣка).

Супружескія обязанности: кодексъ Бомануара въ Европѣ, Домострой у насъ не только разрѣшаютъ,—рекомендуютъ мужу «учить» жену кулакомъ и плетью; моралисты разражаются филиппиками противъ мужей, не примѣняющихъ плети, какъ потатчиковъ женской гнусности.

Судебное слѣдствіе: пытки.

Правосудіе: мучительныя казни.

Религія: рекомендуетъ истязать и жечь еретиковъ и вѣдьмъ, избивать невѣрныхъ: сарациновъ, мавровъ, евреевъ, язычниковъ, даже христіанъ, если они не принадлежатъ къ католической церкви.

Развлеченія дѣтей и взрослыхъ: драки, истязаніе новичковъ, турниръ, дуэль, кулачный бой, травли всякаго рода, «великолѣпные автодафе», торговыя казни, надругательство надъ личностью (шуты, уроды, карлики).

Домоводство и хозяйство: выжимать сокъ изъ рабовъ и крѣпостныхъ, лущить зубы, разбивать физіономіи, «давать волю рукамъ». Обратите вниманіе, какую роль играютъ побои въ

пьесахъ Шекспира или Мольера. Ударить слугу такъ естественно, что никому и въ голову не придетъ порицать за это, называть дерущагося субъекта «драчуномъ», «буяномъ» и пр. Это просто баринъ, господинъ: «давать волю рукамъ» для него такъ-же естественно, какъ для фіалки благоухать.

Николай Ростовъ (въ «Войнѣ и Мирѣ» Толстого) дерется такъ, что разбиваетъ перстень у себя на рукѣ. Можно себѣ представить, каково приходилось физіономіямъ побиваемыхъ отъ такихъ ударовъ. По словамъ автора, это происшествіе не было исключительнымъ случаемъ; нѣтъ, Толстой упоминаетъ о «старой гусарской привычкѣ Ростова давать волю рукамъ». Ростовъ однако не зналъ за собой привычки истязать людей. Только подъ вліяніемъ жены онъ замѣтилъ въ одинъ прекрасный день, что занимается ни болѣе, ни менѣе, какъ гнуснѣйшимъ истязаніемъ. Замѣтилъ, устыдился и, какъ человѣкъ по натурѣ порядочный, отказался отъ этого постыднаго удовольствія. Но все же не могъ совладать съ собой вполнѣ и «раза два въ годъ забывался»... Между тѣмъ это человѣкъ долга и человѣкъ сильной воли, для котораго разъ принятое рѣшеніе свято и ненарушимо. Сколько же разъ въ годъ онъ забывался раньше, когда еще не давалъ себѣ зарока не драться и даже не замѣчалъ своей дурной привычки? Безъ сомнѣнія не менѣе двухъ разъ въ недѣлю. Сколько зубовъ онъ вылущилъ, сколько носовъ раскровянилъ, сколько фонарей насадилъ за свою долгую практику! Толстой, который въ своихъ прежнихъ романахъ держался стараго, ложнаго метода такъ называемой реальной литературы: подчеркивать хорошія и затѣнять дурныя стороны людей,—Толстой на протяженіи всего романа поворачиваетъ къ намъ своего героя его лучшими сторонами. О привычкѣ къ истязанію онъ упоминаетъ лишь мимоходомъ («Лаврушка былъ высѣченъ» и т. п.), или въ тѣхъ случаяхъ, когда драка оправдывается необходимостью защитить слабаго (столкновеніе съ крестьянами изъ за княжны Болконской), или наконецъ изображаетъ мордобой лишь для того, чтобы тутъ же заставить своего героя покаяться (упомянутая выше сцена разбиванія перстня о физіономію бурмистра).

«Натуралистъ», послѣдователь Зола, изобразилъ бы намъ Ростова иначе, соблюдая пропорціи въ описаніи хорошаго и дурного, и мы-бы увидѣли подлинный образъ *хорошаго* *) культур-

*) Потому что Ростовъ безспорно изъ лучшихъ людей своего времени и уступаетъ въ этомъ отношеніи лишь исключительнымъ личностямъ вродѣ Безухова и Болконскаго (Андрея).

наго человѣка, который изъ года въ годъ втеченіе многихъ лѣтъ подъ рядъ, неустанно, разъ или два въ недѣлю выбиваетъ зубы и кровянитъ физіономіи ближнимъ,—и дѣлаетъ это безъ дурныхъ намѣреній, по привычкѣ, повинуясь неодолимому позыву, прирожденной страсти истязать, вошедшей въ плоть и кровь, благодаря практикѣ сотенъ поколѣній, воспитывавшихся въ школѣ жестокости.

Но Ростовъ человѣкъ новаго времени, пытающійся отказаться отъ этой практики, а сто-двѣсти лѣтъ раньше и эта, и другія аналогичныя «привычки» практиковались безъ удержа. Развившись понемногу, шагъ за шагомъ, по мѣрѣ подъема со ступеньки на ступеньку цивилизаціи, онѣ кончили тѣмъ, что вошли въ натуру, сдѣлались естественными свойствами человѣка.

Иными словами, цивилизація надѣлила человѣка обширной группой новыхъ, пріобрѣтенныхъ чувствъ и доставила ему множество новыхъ, дотолѣ невѣдомыхъ, наслажденій и удовольствій, забавъ и развлеченій: наслажденіе убійствомъ, разрушеніемъ, уничтоженіемъ; наслажденіе местью, истязаніемъ дѣтей, зрѣлищами казни, пытки, драки; наслажденіе властью, угнетеніемъ, страхомъ и трепетомъ окружающихъ, скручиваніемъ въ бараній рогъ подчиненныхъ.

Какимъ-бы парадоксальнымъ ни казался этотъ выводъ, онъ неизбѣженъ: принимая посылки, надо принять и выводъ.—съ логикой ничего не подѣлаешь.

Жестокость развивалась, потому что въ борьбѣ народовъ переживали наиболѣе свирѣпые, находившіе удовольствіе въ рѣзнѣ и разрушеніи; такіе, для которыхъ пріятнѣйшимъ развлеченіемъ и моціономъ было

Руку ратную потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить...
Иль башку съ широкихъ плечъ
У татарина отсѣчь...

Мстительность развивалась, потому что народы, не умѣвшіе мстить, «должны были подвергаться постояннымъ безнаказаннымъ нападеніямъ, а въ силу этого были осуждены или постепенно исчезнуть, или искать убѣжища въ неудобныхъ для житья мѣстностяхъ. Слѣдовательно, среди такихъ условій *переживали непрощающіе*» (Спенсеръ).

Властолюбіе развивалось, потому что въ борьбѣ народовъ переживали наиболѣе деспотическіе.

Словомъ, переживали хищники, переживали мстители, пере-

живали угнетатели,—иными словами, переживали чувства, связанныя съ хищничествомъ, местью и угнетеніемъ.

Основа, корень всѣхъ этихъ чувствъ—война. Она сдѣлала «разрушеніе источникомъ удовольствія», подъ ея вліяніемъ «возникло наслажденіе отъ насильственнаго пользованія властью», подъ ея вліяніемъ «месть стала добродѣтелью, а уклоненіе отъ нея порокомъ» (Спенсеръ).

А война—возвращаемся къ исходному пункту—положила начало цивилизаціи и опредѣлила ея дальнѣйшее развитіе. «Цѣлый рядъ столкновеній между расами населилъ земной шаръ сильнѣйшими и былъ предварительною ступенью къ высокой цивилизаціи» (Спенсеръ), а эти сильнѣйшіе, карабкаясь на слѣдующія ступени, продолжали драться, драться и драться!

Fürsten hadern, Völker streiten,
Jeder will die Macht erbeuten,

вотъ ихъ исторія.

Стало быть, если наша точка зрѣнія вѣрна, первобытные люди, еще не тронутые военнымъ режимомъ, должны были отличаться отъ культурныхъ прежде всего отсутствіемъ хищности, мстительности и властолюбія; отсутствіемъ извѣстныхъ чувствъ, позднѣе вошедшихъ въ натуру человѣческую. Сравнительно съ культурными людьми они должны были представлять особую разновидность, которая, разумѣется, давно исчезла со всей почти поверхности земного шара. Къ счастью, остатки ея уцѣлѣли въ лицѣ очень немногихъ первобытныхъ племенъ, которымъ удалось, укрывшись въ недоступныя мѣстности, сохранить мирный режимъ первичныхъ стадій человѣчества. Къ нимъ мы и направимся.

II.

Изъ первобытныхъ племенъ, оставшихся въ сторонѣ отъ общаго движенія человѣчества, важнѣе всего для насъ цейлонскіе веддахи, какъ племя дѣйствительно первобытнѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ—и по степени культуры, и по типу расы, быть можетъ—древнѣйшему изъ всѣхъ, населяющихъ нынѣ земной шаръ *). Къ нимъ можно присоединить первобытныхъ монголовъ побережья залива Де-Кастри, описываемыхъ Лаперузомъ какъ племя, еще не вышедшее изъ первичной стадіи мелкихъ ордъ-семей. Они жили въ состояніи «благо-

*) Paul u. Fritz Sarasin. «Die Veddas von Ceylon». Wiesbaden. 1893.

душной анархіи», «en état d'anarchie bienveillante», по выраженію Летурно. Они не знали войны, принудительной организаціи, рабства, изувѣрства; никогда не ссорились и не дрались между собою; мужья не били женъ и не обременяли ихъ работой; берегли стариковъ и относились къ дѣтямъ съ непонятной для европейца нѣжностью.

Сюда-же относятся аины, значительно испорченные японцами, но все еще сохранившіе основныя черты своего первобытнаго характера: правдивость, кротость, незлобивость; нѣкоторыя горныя племена Бенгала: дималы, бодосы, лепчасы, санталы, часто упоминаемые Спенсеромъ; гольды и нѣкоторые другіе инородцы Сибири.

Всѣ эти народцы, осколки доисторическихъ расъ, могутъ служить типомъ человѣчества до-военной эры. Къ нимъ ближе всего подходятъ изъ остальныхъ племенъ эскимосы дальняго сѣвера, поражавшіе всѣхъ путешественниковъ мягкостью нравовъ, но уже съ зачатками племенной организаціи и междуплеменной вражды; бушмены, низшій въ культурномъ и антропологическомъ, высшій въ нравственномъ отношеніи типъ Африки; наименѣе культурныя племена готтентотовъ. Но эти племена съ зачатками культуры пріобрѣли уже зачатки тѣхъ качествъ, которыя культура развивала.

Что касается веддаховъ и имъ подобныхъ, то у нихъ мы находимъ полное отсутствіе извѣстныхъ инстинктовъ, чувствъ, привычекъ,—это буквально люди другой породы, которые намъ непонятны и которымъ мы непонятны. У нихъ нѣтъ войны и нѣтъ понятія о войнѣ; они «не умѣютъ» воевать, а могутъ только защищаться отъ нападенія, къ чему пріучены окружающими хищными племенами. Они не находятъ удовольствія въ войнѣ, не вѣдаютъ—жалкій народъ!—прелести нанесенія ударовъ, сокрушенія враговъ. Веддахи напр. извѣстны своей «робостью»; они прячутся, бѣгутъ отъ культурныхъ сингалезовъ, тамиловъ и европейцевъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ они поражаютъ своимъ безстрашіемъ, своимъ хладнокровнымъ, спокойнымъ мужествомъ: когда нужно защищать семью, когда драка неизбѣжна, веддахъ, не сморгнувъ, выступаетъ въ одиночку противъ пантеры, или страшнаго цейлонскаго медвѣдя-губача, или еще болѣе страшнаго и лютаго европейца.

Но онъ избѣгаетъ войны. Испанская (по словамъ Тургенева) поговорка: «мужчина долженъ быть свирѣпъ» повергла бы его въ недоумѣніе. Пѣсня Рагнара Лодброга (IX столѣтія: «Скучно живетъ, кто не раненъ въ бояхъ... Смолоду я учился

обагрять желѣзо кровью... кровавая роса сбѣгала съ мечей: я радовался этому, какъ будто возлѣ меня сидѣла любезная» и т. д.) или стихотвореніе Дениса Давыдова (XIX столѣтія: «Я люблю кровавый бой» и пр.) показались бы ему поэзіей чудовищъ, а не людей.

Имъ чужды даже простыя ссоры и драки: у нихъ нѣтъ этого развлеченія,—черта, сохранившаяся у многихъ племенъ, близкихъ къ первобытному состоянію. Такъ, алеуты, по словамъ Веньяминова, прожившаго въ ихъ средѣ десятки лѣтъ, никогда не дерутся и не ругаются, не бьютъ и не бранятъ дѣтей, такъ что и дѣти не умѣютъ браниться и драться. Такъ, отсутствіе ссоръ у эскимосовъ Сѣверо-Восточной Гренландіи поражаетъ европейскихъ путешественниковъ: цѣлый годъ напр. живутъ сто семей подъ одной кровлей въ общемъ домѣ, и за всё это время ни разу не возникаетъ не то что драки, а сколько нибудь крупнаго недоразумѣнія, перебранки. Это особенно рѣзко бросается въ глаза въ сравненіи съ европейцами, которые даже въ такихъ условіяхъ, окруженные опасностями, заброшенные въ пустыню, не могутъ не перегрызться и не надоѣсть другъ другу до чортиковъ.

У караибовъ, по словамъ Лаво, не бываетъ дракъ, а самое сильное наказаніе ребенка заключается въ томъ, что мать или отецъ брызнетъ ему въ лицо водою. Путешественники и миссіонеры прошлаго столѣтія — Лафито, Шарльвуа, Лаонтанъ — говорятъ то же самое о наиболѣе первобытныхъ племенахъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ.

Вообще эта черта—отсутствіе ссоры, *какъ развлеченія*,— весьма характерна для первобытныхъ племенъ. Противуположнымъ полюсомъ являются европейцы. Извѣстно, и часто указывалось съ удивленіемъ,—какую видную роль играютъ свары, ссоры, распри въ бытѣ политическихъ эмигрантовъ и ссыльныхъ; путешественниковъ, принужденныхъ долго жить въ пустынной мѣстности; пассажировъ корабля при затянувшемся плаваніи; экипажа, потерпѣвшаго крушеніе у пустынныхъ береговъ, и т. п. Пока есть дѣло, жизнь занята и наполнена, инстинкты распри заглушены; при бездѣльи они пробуждаются, и люди гуманные, просвѣщенные, справедливые не въ силахъ справиться съ этой въѣвшейся въ натуру потребностью злиться.

У дикарей не то, — и понятно почему. То разлагающее дѣйствіе войнъ, о которомъ говорятъ Спенсеръ и Летурно, сказывается лишь постепенно. Не такъ легко вытравить «фондъ альтруизма», накопленный тысячелѣтіями мирнаго режима Даже

войдя во вкусъ войны, даже пріобрѣтя способность доходить до лютаго звѣрства, дикарь еще не пропитывается этими инстинктами насквозь, до такой степени, чтобы проявлять ихъ, какъ говорится, по́ходя, во всѣхъ сферахъ быта. Напротивъ, долго еще кротость и миролюбіе остаются основами его обычной, повседневной жизни. Вотъ почему путешественники, миссіонеры, изслѣдователи, *долго* жившіе среди первобытныхъ дикарей, съ восторгомъ отзываются объ ихъ добротѣ и великодушіи и называютъ каждый знакомое ему племя «лучшимъ народомъ въ мірѣ». О карибахъ Лаво говоритъ: «доброта—сущность ихъ характера». Бушмены, по словамъ Лихтенштейна, Бурчеля, Моффата, — кротки, безкорыстны, вѣрны слову, заботливы къ больнымъ, раненымъ, нѣжны къ дѣтямъ, привѣтливы къ иностранцамъ и готовы дѣлиться послѣднимъ съ товарищемъ, гостемъ, путникомъ. Готтентоты миролюбивы, услужливы, «любятъ дарить и услуживать другъ другу; это одно изъ самыхъ главныхъ удовольствій готтентота», они «не знаютъ хитрости и безсовѣстности европейцевъ»; словомъ, «это самый любезный, щедрый и услужливый народъ, какой когда-либо существовалъ на землѣ» (Кольбенъ).

Бэтсъ, прожившій 11 лѣтъ въ бразильскихъ лѣсахъ и познакомившійся съ тамошними индѣйскими племенами, сообщаетъ по слухамъ о тѣхъ или другихъ недостаткахъ дикарей; но вотъ его *личныя* впечатлѣнія: «*Тапуйо*» — очень гостепріимны, вѣжливы, сильно привязаны къ своимъ семьямъ, репутацію неблагодарности заслужили у бѣлыхъ только тѣмъ, что «не цѣнятъ непрошенныхъ благодѣяній и... болѣе всего желаютъ, чтобы ихъ оставили въ покоѣ»; «*тукуна*»—пользуются репутаціей дикихъ и грубыхъ, но «я (Бэтсъ) нашелъ, что они смирный, добродушный народъ»; *мараγа*—радушны, веселы, дружелюбны, безкорыстно услужливы и внимательны; *кашлана* — «чрезвычайно смирный народъ»; *пассе*—кротки, честны, храбры на войнѣ, но миролюбивы, мягкіе характеромъ, «благородное племя дикарей»; *кукама* — «я (Бэтсъ) ни разу не слыхалъ между ними грубаго слова»; *мундуруку*—мягки, добродушны, поражаютъ отсутствіемъ ссоръ и дрязгъ, уступчивостью старшихъ младшимъ, замѣчательно вѣрно и свято хранятъ договоры. Даже о людоѣдахъ *махеронахъ*, которые будто-бы убиваютъ всѣхъ чужихъ, путешественниковъ, купцовъ и пр., Бэтсъ сообщаетъ, что единственный случай нападенія на бѣлыхъ, бывшій при немъ, былъ вызванъ самими бѣлыми, оскорблявшими женщинъ махерона; а захваченная въ плѣнъ дѣвушка

этого племени поразила Б. «своимъ хорошимъ характеромъ и добрымъ сердцемъ»*).

Понятно также, почему дикарь,—какой-нибудь ботокудъ или карибъ, попавшій въ среду европейцевъ, воспринявшій повидимому ихъ культуру, даже образованіе,—вдругъ, совершенно неожиданно, отрекается отъ новыхъ друзей, бросаетъ удобную квартиру и выгодную профессію и возвращается въ родные лѣса, къ дикой жизни. Это явленіе объясняютъ тупоуміемъ дикарей; не вѣрнѣе-ли объяснить его слишкомъ низкимъ нравственнымъ уровнемъ культурныхъ людей*), даже современныхъ? Ягненокъ, живя съ волками, тщетно пробуетъ «по волчьи выть», и въ концѣ бѣжитъ къ овцамъ. Представьте себѣ алеута, у котораго дѣти никогда не бранятся, не дерутся, не терпятъ побоевъ и не слышатъ брани,—въ культурной семьѣ, гдѣ то и дѣло сыплятся колотушки, раздаются визгъ и вой, звучные шлепки, свистъ розги; гдѣ сами ребятишки не могутъ затѣять игры, чтобъ не подраться... Вѣдь осатанѣетъ наконецъ человѣку такое зрѣлище!

Первобытный человѣкъ не знаетъ драки-забавы. Веддахъ напр. «не въ силахъ представить себѣ, какъ это можно ударить человѣка». Онъ не понимаетъ, какая въ этомъ сладость. Какъ видимъ, любой школьникъ культурнаго общества могъ-бы быть его учителемъ въ этомъ отношеніи.

А что сказалъ бы онъ, еслибъ ему сообщили, что есть націи—«краса и цвѣтъ человѣчества, носители высшихъ идеаловъ справедливости, гуманности, милосердія»,—у которыхъ хорошими людьми считаются субъекты, разсыпающіе сотнями оплеухи и зуботычины, «по привычкѣ», походя? (Считаются, или считались—потому что зуботычина, розга и пр. недавно еще примѣнялись во всей Европѣ въ качествѣ педагогическаго средства).

Этимъ первобытнымъ народамъ извѣстна лишь одна форма убійства, драки, кровопролитія: «въ состояніи необходимой обороны», какъ выражаются юристы; обороны отъ окружающихъ, болѣе культурныхъ людей.

---

*) Бэтсъ. «Натуралистъ на Амаз. рѣкѣ», стр. 40, 249, 268, 316, 395 и 411.

*) Это объясненіе я заимствую въ интересной книжкѣ: Dr. Mehemed Emin Efendi. «Kultur u. Humanität», Würzburg. 1897. Это остроумный и тонкій анализъ понятій „культуры“ и „гуманности“ въ ихъ теоретическомъ значеніи и практическомъ приложеніи въ бытѣ европейцевъ.

У нихъ нѣтъ деспотической іерархіи, классовъ, сословій, кастъ: полное, абсолютное равенство, фактическое и юридическое,—«это изумительно, но это дѣйствительно такъ» (Годжсонъ о бодо и дималахъ). Нѣтъ и рабства. Словомъ, нѣтъ никакихъ учрежденій, связанныхъ съ военнымъ режимомъ и служившихъ двигателями прогресса.

Нѣтъ изувѣрства: ихъ зачаточное суевѣріе еще не приняло кроваваго характера.

У нихъ нѣтъ злости: они добродушны, мягки, кротки, не знаютъ насилія и жестокости въ отношеніи единоплеменниковъ, сосѣдей, чужеземцевъ. Нѣтъ властолюбія и его антитезы—раболѣпія: веддахъ, лепчасъ и т. п. не подчиняются насилію и несправедливости, совершенно не выносятъ гнета и сами неспособны къ угнетенію, не понимаютъ, какое это удовольствіе «гнуть въ бараній рогъ».

Нѣтъ мстительности, несогласія рѣшаются «безъ злобы и драки», обиды прощаются и забываются. Чувства современнаго француза къ нѣмцамъ или англичанина, украшающаго статую Гордона вѣнкомъ съ надписью: «наконецъ, ты отомщенъ!», были-бы совершенно непонятны веддаху, аину, лепчасу. Этихъ жалкихъ людей можно раздражить нападеніемъ; но хранить, питать и лелѣять злобное чувство они рѣшительно не способны, хотя этого нельзя сказать о противоположныхъ чувствахъ: напримѣръ, веддахи «чувствительны и благодарны», не забываютъ услуги и въ этомъ отношеніи могли бы быть учителями культурныхъ людей.

Отсутствіе жестокости, злости и властолюбія проникаетъ всѣ сферы быта: въ семейныхъ отношеніяхъ нѣтъ деспотизма, мужчины и женщины равны; веддахъ, напримѣръ, никогда не бьетъ и даже не бранитъ жены; аины, лепчасы и пр. относятся къ женщинамъ «съ уваженіемъ и вниманіемъ». Отношеніе къ сыновьямъ и дочерямъ одинаковое; нѣтъ преимущества для мальчиковъ; дѣти воспитываются безъ наказаній. «Березовой каши» и въ поминѣ нѣтъ, и безъ сомнѣнія веддахъ пришелъ-бы въ негодованіе, если бы ознакомился съ европейской системой воспитанія дѣтей.

Отсутствіе жестокости, насилія и угнетенія естественно связано съ отсутствіемъ чувствъ, являющихся послѣдствіемъ насилія: коварства, подлости и пр. Веддахи «вошли въ притчу по своей правдивости и честности», айны «правдивы и пунктуально честны», госа можно довести до самоубійства сомнѣ-

ніемъ въ его честности, лепчасы «честны до мелочности», санталы «самые правдивые изъ людей» и т. д.

Понятно, что у такихъ людей не можетъ существовать и дѣйствительно не существуетъ серьезныхъ преступленій: дѣтоубійства, людоѣдства, истязанія женъ, гнусныхъ зрѣлищъ, тѣлесныхъ наказаній, пытокъ, казни, травли иновѣрцевъ...

Понятны и отзывы серьезныхъ изслѣдователей: «люди съ добрымъ сердцемъ» (Р. Вирховъ о веддахахъ), «совершенно очаровательный народъ» (лепчасы по Гукеру), у нихъ (бодо и джималовъ) «совершенно нѣтъ несимпатичныхъ качествъ»...

Словомъ, три основныя качества культурныхъ людей—хищность, мстительность и властолюбіе—и весь букетъ разнообразныхъ свойствъ, вытекающихъ изъ этой основы, невѣдомы первобытному человѣку.

Подчеркнемъ еще разъ важнѣйшую, по нашему мнѣнію, особенность первобытнаго типа: отсутствіе того, что можно назвать «сладострастіемъ жестокости». Обида, оскорбленіе могутъ вызвать вспышку гнѣва со стороны веддаха или айна: онъ можетъ вступить въ драку, убить; но онъ рѣшительно неспособенъ находить удовольствіе въ истязаніи. Онъ «не пытаетъ, не казнитъ», не забавляется чужими страданіями: это выражается не только въ крупномъ, но и въ мелочахъ: веддахи, напримѣръ, не умѣютъ дразнить, издѣваться и т. п.

Культурнымъ людямъ, наоборотъ, сладострастіе жестокости присуще, какъ видовая черта,—рѣшительно всѣмъ. Даже у лучшихъ она нѣтъ-нѣтъ да и проскользнетъ.

Я такъ объясняю себѣ ея происхожденіе. Съ переходомъ на военное положеніе, дикія племена мало-по-малу пріобрѣтали страсть къ войнѣ, которая уже на стадіи австралійцевъ начинаетъ обращаться въ *культъ*. Выше всего стали цѣнить смѣлость, равнодушіе къ страданіямъ, ранамъ, физической боли. Это повело къ обычаю «закаливанія», испытанія посредствомъ пытки. Мы находимъ этотъ обычай почти всюду у воинствующихъ дикарей: австралійцевъ, краснокожихъ и др. Юношей подвергаютъ посту, биченію и пр. въ видѣ экзамена на аттестатъ зрѣлости, кандидатовъ въ вожди испытываютъ огнемъ, ранами и т. д. При этомъ австралійцы, напр., относятся къ своимъ молодымъ людямъ крайне заботливо и внимательно; однако въ концѣ концовъ такой обычай долженъ развращать и явиться сѣменемъ пытки. Весьма естественно переносится онъ и на плѣнныхъ враговъ, сначала, быть можетъ, даже безъ особенной злости; просто изъ желанія испытать: выдержишь ли молъ то,

что мы можемъ выдержать? Потомъ, конечно, входятъ во вкусъ. Такъ возникъ гнусный обычай истязанія плѣнныхъ у краснокожихъ, даже у такихъ племенъ, которыя поражали наблюдателей гуманностью внутреннихъ отношеній, гостепріимствомъ, всегдашней готовностью помочь и услужить своему и чужому.

Война, великій бичъ культурнаго человѣчества, выдвинувъ на первый планъ жестокость, породила и сладострастіе жестокости. Естественно, что племенамъ до-военнаго режима оно совершенно невѣдомо.

Замѣтимъ, что положительныя качества первобытныхъ людей—добродушіе, привѣтливость, участіе— проявляются не только въ отношеніи единоплеменниковъ, но и въ отношеніи чужихъ людей, сосѣдей, путешественниковъ—которые находятъ у нихъ безкорыстную помощь, поддержку и гостепріимство. Это очень важное замѣчаніе, потому что относительно дикарей установился такой взглядъ: «моральныя предписанія, играющія роль у дикихъ племенъ, всегда относятся лишь къ ихъ собственному племени и соблюдаются только внутри племени» (Гельвальдъ). Это и вѣрно относительно громаднаго большинства современныхъ дикарей, потому что они уже находятся въ стадіи военнаго режима, который прежде всего создаетъ враждебное отношеніе къ иноплеменнику, а затѣмъ проникаетъ и во внутреннія отношенія: привычка къ насилію внѣ своего общества превращается въ привычку къ насилію внутри общества. Среди современныхъ дикарей мы застаемъ: 1) племена, у которыхъ высокая культура связана съ торжествомъ насилія внутренняго и межплеменнаго (фиджійцы, дагомейцы и др.); 2) менѣе культурные, болѣе первобытные народцы, удивляющіе путешественниковъ почти полнымъ отсутствіемъ насилія внутри племени, но всегда готовые къ насилію надъ иноплеменниками (нѣкоторыя племена папуасовъ, индѣйцевъ и др.); и наконецъ, 3) совершенно некультурныхъ, «доисторическихъ» веддаховъ, не знающихъ насилія ни надъ своими, ни надъ чужими.

Даже у сравнительно культурныхъ племенъ дикарей презрѣніе къ человѣческой личности не развилось еще до такой степени, какъ у европейцевъ. Почти всѣ они—краснокожіе, австралійцы, тасманійцы, полинезійцы—встрѣчали бѣлыхъ людей радушно, привѣтливо, гостепріимно,—за что и поплатились. Потому что европеецъ не способенъ уважать человѣка просто, какъ такового; онъ дѣлитъ человѣчество на людей и двуногій скотъ. Онъ, европеецъ, выработалъ цѣлый словарь такихъ тер-

миновъ, какъ «смерды», «хамы», «хамово отродье», «быдло», «халуи», «подлые люди», «черные люди», «чернь», «мужичье», «холопы» и пр., и пр.

Но объ этомъ смердящемъ плодѣ европейской цивилизаціи,— о презрѣніи къ личности, о неуваженіи къ человѣку, проявившемся такими яркими *дѣлами*, что ихъ не прикроютъ никакія слова, никакія *деклараціи* правъ — я еще буду говорить.

* * *

Имѣемъ ли мы право распространить на все первобытное человѣчество качества, присущія немногочисленнымъ и рѣдкимъ племенамъ вродѣ веддаховъ? Несомнѣнно. Во-первыхъ, къ этому ведетъ насъ дедуктивное разсужденіе: насиліе порождено военнымъ режимомъ; злобныя чувства, любовь къ разрушенію, мстительность и властолюбіе—продуктъ, созданіе войны; а намъ извѣстно, что военный режимъ водворился сравнительно очень поздно въ исторіи человѣчества, когда оно разсталось съ вегетаріанскимъ режимомъ и пріучилось сначала къ охотѣ—къ убиванію и поѣданію животныхъ, потомъ къ войнѣ—къ убиванію, поѣданію и порабощенію себѣ подобныхъ.

Во-вторыхъ, этнографія дала намъ прямое доказательство, уже приведенное и разобранное выше: она доказала всеобщность существованія первобытнаго племени-общины, организованной на началахъ безусловной солидарности, а подобная организація не могла бы развиться изъ *воюющихъ* ордъ.

Въ-третьихъ, упоминавшіяся выше немногочисленныя мирныя племена дѣйствительно принадлежатъ къ древнѣйшимъ типамъ человѣчества во всѣхъ отношеніяхъ: по антропологическому типу, по степени культуры, по стадіи общественнаго развитія.

Таковы въ особенности цейлонскіе веддахи. Одно время высказывалось предположеніе, что это племя—одичавшіе остатки когда-то культурной расы. Гипотеза эта совершенно уничтожена изслѣдованіями бр. Саразенъ, доказавшихъ, что веддахи представляютъ чистый, безпримѣсный обломокъ расы, предшествовавшей не только арійцамъ, растространившимся въ Индіи въ доисторическія племена, но и «дравидійцамъ», которые считаются аборигенами Индіи и населяли ее еще «раньше доисторическихъ» временъ. Имъ предшествовала раса, древность которой измѣряется уже не исторической, даже не археологической, а *геологической* мѣркой;—раса, по всей вѣроятности, являющаяся родоначальницей большинства, если не всѣхъ, ти-

новъ, населяющихъ землю. Въ недоступныхъ лѣсахъ Цейлона сохранился, какъ въ музеѣ, осколокъ этой расы въ чистомъ видѣ, на той-же ступени развитія, на томъ же мѣстѣ, гдѣ существовалъ онъ десятки, если не сотни тысячъ лѣтъ назадъ. Словомъ, это единственный хорошо изученный образчикъ дѣйствительно *первобытнаго* человѣчества съ его нравами и понятіями.

Горныя племена Бенгала—бодо, джималы, лепчасы и др.—также крайне древній типъ, предшествовавшій арійскому нашествію, айны—остатокъ аборигеновъ Японіи, когда-то широко распространенныхъ. Всѣ эти племена—осколки мирнаго человѣчества, истребленнаго воинствующимъ, сохранившіе свой мирный доисторическій режимъ,—и, какъ мы видѣли, всѣ они характеризуются одинаковымъ свойствомъ: неспособностью къ злобѣ.

Въ четвертыхъ — и это одинъ изъ важнѣйшихъ аргументовъ—если мы классифицируемъ дикія и варварскія племена по степени культуры, то на верхней ступени окажутся такія, какъ фиджійцы, дагомейцы, древніе мексиканцы, на нижней веддахи. Переходя постепенно отъ высококультурныхъ фиджійцевъ и дагомейцевъ къ менѣе культурнымъ племенамъ, мы замѣчаемъ, что параллельно убыванію культуры убываютъ и всѣ виды жестокости: воинственность, доходящая на высокихъ ступеняхъ культуры до обожанія войны, постепенно ослабѣваетъ, войны принимаютъ случайный характеръ, а у низшихъ типовъ исчезаютъ совсѣмъ. Такъ же ослабѣваетъ каннибализмъ, изувѣрство, страсть къ истязаніямъ, деспотизмъ, — словомъ, какъ уже сказано, съ убываніемъ культуры убываетъ свирѣпость, пока, наконецъ, мы не доберемся до «людей съ добрымъ сердцемъ»,—веддаховъ, не знающихъ ни культуры, ни войны, ни свирѣпости. Объ этой классификаціи, объ этой скалѣ племенъ намъ еще придется говорить подробнѣе. Она даетъ возможность прослѣдить эволюцію разныхъ видовъ жестокости и испорченности, «эволюцію безнравственности», достигающей кульминаціоннаго пункта въ европейскихъ цивилизаціяхъ. Пока замѣтимъ только, что это явленіе служитъ яснымъ и сильнымъ *фактическимъ* доказательствомъ справедливости нашего взгляда.

Мало того, согласившись, что первобытное, не воинствующее человѣчество принадлежало къ типу веддаховъ, а не къ типу фиджійцевъ, европейцевъ и т. п., мы неизбѣжно должны сдѣлать еще шагъ дальше. Тѣ немногіе обломки первобытныхъ

расъ, о которыхъ говорилось выше, хотя и сохранили свой мирный режимъ, но все-же сталкивались съ болѣе культурнымъ человѣчествомъ, которое гнало ихъ, преслѣдовало и вынуждало къ оборонѣ, т. е. къ насилію. Отсюда недовѣрчивость къ чужеземцамъ (которая однако быстро смѣняется участіемъ и привѣтливостью, разъ веддахъ убѣдился, что иноземецъ не грозитъ насиліемъ), ревность, съ какою веддахъ скрываетъ свою жену и дочь отъ чужихъ глазъ, и т. п. Извѣстная степень подозрительности, недовѣрчивости и раздражительности не могла не развиться при сношеніяхъ съ болѣе культурными племенами, вродѣ сингалезовъ, тамиловъ, арабовъ, англичанъ,—всегда готовыми къ оскорбленію, грабежу, насилію. Эта раздражительность не могла не отразиться и на внутреннихъ отношеніяхъ.

Двѣ вещи могутъ вызвать столкновеніе, доходящее до убійства, среди веддаховъ: посягательство на чужую жену и нарушеніе охотничьей территоріи. Уже изъ той ревности, съ какою веддахъ прячетъ свою жену отъ сингалеза или чужеземца вообще, можно заключить, что онъ опытомъ наученъ! Дѣйствительно, насиліе въ семейныхъ отношеніяхъ у веддаховъ отсутствуетъ, бракъ заключается по взаимной склонности, отношеніе къ женѣ совершенно не культурное: мужъ не бьетъ ея, не бранитъ, отдаетъ ей лучшіе куски; значитъ ревность нельзя объяснить семейнымъ деспотизмомъ. Только убѣдившись въ порядочности чужеземца, веддахъ вводитъ его въ свою семью съ полнымъ довѣріемъ. Но вольные нравы иноземцевъ, какъ видно, задѣли слегка и веддаховъ; при всемъ уваженіи къ браку и семьѣ случаются у нихъ посягательство на чужое семейное счастье; а такое посягательство веддахъ встрѣчаетъ топоромъ или стрѣлой.

Охотничью территорію веддахи дѣлятъ на участки между семьями, и забраться въ чужой участокъ нахрапомъ или тайкомъ считается гнуснѣйшимъ преступленіемъ. Веддахъ, готовый *добровольно* подѣлиться послѣднимъ кускомъ; веддахъ, къ которому укрываются нелюбимые имъ (за нечестность) сингалезы, почему-либо принужденные бѣжать отъ своихъ согражданъ, —укрываются, такъ какъ увѣрены, что при всей антипатіи къ нимъ онъ встрѣтитъ ихъ привѣтомъ и ласками,—этотъ самый веддахъ, безкорыстный, великодушный, деликатный и чувствительный,—способенъ встрѣтить стрѣлой нарушителя территоріи. Эта излишняя суровость — частью оборотная сторона той идеальной честности, благодаря которой веддахи вошли

въ притчу у сосѣдей, частью, конечно, результатъ гоненій и грабежей, которымъ они подвергались со стороны культурныхъ племенъ, вытѣснявшихъ ихъ въ недоступныя чащи. Но эта грабительская наклонность культурной публики не могла не сообщаться—бѣсъ соблазна силенъ—кое-кому изъ веддаховъ, чѣмъ и объясняются случаи столкновеній изъ за нарушенія территоріи. Итакъ, эволюція жестокости, совершавшаяся на всемъ земномъ шарѣ, не захватила этихъ племенъ, но все-же слегка задѣла ихъ. И мы имѣемъ полное основаніе думать, что ихъ основныя качества доброты, человѣчности, незлобивости проявлялись у первобытнаго человѣчества въ еще болѣе чистомъ, не загрязненномъ злобою видѣ, чѣмъ теперь. Когда веддахи были окружены такими-же, какъ они, не знающими насилія племенами, тогда, конечно, не было мѣста для убійства даже «въ состояніи необходимой обороны», потому что не отъ кого было обороняться.

VI.

Золотой вѣкъ.

Глубина и сила альтруистическихъ чувствъ у первобытныхъ людей.—Кажущаяся широта гуманности культурнаго человѣка.—Альтруизмъ въ пустую и альтруизмъ дѣятельный.

I.

Если въ отношеніи злобныхъ чувствъ первобытное человѣчество характеризуется отрицательно, *отсутствіемъ* жестокости, мстительности, властолюбія, то нельзя сказать того же о противоположныхъ чувствахъ. Было бы совершенной ошибкой утверждать, какъ это дѣлаютъ иногда, что первобытный человѣкъ характеризуется неспособностью къ сильнымъ чувствамъ вообще; что, напримѣръ, сегодня онъ нѣженъ къ ребенку, а завтра продастъ его за красную тряпку или нитку бусъ; что, «не отличаясь дѣятельной зложелательностью», онъ «имѣетъ очень мало дѣятельной благожелательности» (Спенсеръ).

Нѣтъ ничего несправедливѣе подобной характеристики, и странно, что такой глубокій и проницательный изслѣдователь, какъ Спенсеръ, повторяетъ этотъ легкомысленный отзывъ поверхностныхъ наблюдателей. Отзывъ этотъ основанъ на анекдотахъ объ огнеземельцѣ, убившемъ ребенка за какой то пустякъ (Байронъ), о неграхъ, продающихъ своихъ дѣтей, и т. п. Но, во-первыхъ, эти разсказы относятся главнымъ образомъ къ племенамъ, уже достигшимъ высокой культуры (негры тропической Африки), да вдобавокъ еще развращеннымъ европейцами. Во-вторыхъ, нельзя ставить всякое лыко въ строку, хоть бы и дикарямъ; нельзя судить по исключительнымъ случаямъ о нормальномъ обиходѣ жизни, по отдѣльнымъ негодяямъ о нравственности цѣлаго племени. Дѣло въ томъ, что у племенъ, достигшихъ извѣстной стадіи культуры, вступившихъ въ военную фазу развитія,—у такихъ племенъ, какъ австралійцы,

напримѣръ, съ ихъ сложной клановой организаціей, зачатками аристократической касты и т. п.—уже начинается внутреннее разложеніе, *начинаются преступленія*, появляются злодѣи и негодяи. Нельзя же судить о народѣ по преступникамъ. Никто не скажетъ, ссылаясь на процессъ Скублинской и ей подобныхъ, что всѣ европейскія женщины—чудовища, или, ссылаясь на профессію калѣченія дѣтей (практиковавшуюся и практикуемую по нынѣ въ Европѣ), что всѣ европейцы—гнусные изверги. А о дикаряхъ судятъ именно такъ. «Австралійцы убиваютъ дѣтей, чтобы натравить ихъ мясомъ удочку»—обобщаетъ Летурно клевету какого то европейскаго враля, и подобная характеристика повторяется серьезно. О европейцахъ никто этого не скажетъ, а между тѣмъ въ примѣненіи къ нимъ подобныя характеристики гораздо справедливѣе, потому что, независимо отъ собственно такъ называемыхъ преступленій, множество преступныхъ, съ точки зрѣнія первобытнаго человѣка, дѣйствій, привычекъ, повадокъ вѣлось въ натуру европейца. Напримѣръ, веддахъ и алеутъ съ полнымъ основаніемъ могли бы назвать европейцевъ недавняго времени «истязателями дѣтей», потому что отецъ, *не* примѣнявшій розги, былъ въ Европѣ рѣдкимъ исключеніемъ.

Это построеніе общихъ характеристикъ на основаніи анекдотовъ—важный источникъ ошибокъ и противорѣчій въ сужденіяхъ о дикарѣ. Противъ него одно средство: опираться на изслѣдованія людей, долго жившихъ съ дикарями и имѣвшихъ возможность узнать ихъ нормальный повседневный обиходъ и опредѣлить типъ средняго дикаря.

Вотъ, если мы обратимся къ показаніямъ такихъ изслѣдователей, то увидимъ нѣчто совсѣмъ не соотвѣтствующее вышеприведенной характеристикѣ Спенсера. Не только у тѣхъ немногихъ племенъ, обломковъ первобытнаго человѣчества, которымъ удалось сохранить до-военный режимъ, но и у большинства воинствующихъ дикарей, еще не вступившихъ на третью и высшую стадію общественнаго развитія (дифференціація племени на господъ и рабовъ и т. д., какъ у дагомейцевъ, фиджійцевъ и друг.),—мы встрѣчаемъ чувства симпатіи, дружбы, состраданія, участія въ такой интенсивной степени, какой не достигаютъ они даже у европейцевъ конца XIX столѣтія, не говоря о прошлыхъ вѣкахъ. Развѣ лишь исключительные люди изъ нашей среды могутъ поравняться въ этомъ отношеніи съ рядовымъ веддахомъ, эскимосомъ и т. п. En masse мы такъ привыкли равнодушно относиться къ чужимъ

страданіямъ, что спокойно проходимъ мимо голоднаго, нищаго, оборваннаго.

Не то у первобытныхъ людей, соединенныхъ «взаимною братскою любовью». Взаимная помощь развита у нихъ въ высшей степени. Готтентотъ, убившій звѣря, не примется за ѣду, *какъ бы ни былъ голоденъ*, пока не созоветъ остальныхъ членовъ клана. Европеецъ, кушая устрицы въ бельэтажѣ, не подумаетъ позвать на обѣдъ сосѣда, умирающаго съ голоду въ подвалѣ. У кого же больше «дѣятельной благожелательности»?

Бушменка, спасшая отъ голодной смерти Моффата, скормивъ ему свой скудный запасъ муравьиныхъ личинокъ, проявила конечно не «очень малую» благожелательность,—особенно, если мы примемъ въ разсчетъ, что это великодушіе проявилось въ отношеніи представителя враждебнаго племени, охотившагося на бушменовъ, какъ на «черную дичь». Но есть одна оптическая иллюзія, которая путаетъ наши сужденія о подобныхъ вещахъ и о которой сейчасъ будетъ рѣчь.

Тасманіецъ, австраліецъ, огнеземелецъ, эскимосъ и т. п., раздобывшись дичью, получивъ въ подарокъ горсть муки, лоскутъ матеріи, дѣлятъ добычу между всѣми членами группы. Принципъ солидарности до такой степени въѣлся въ ихъ натуру, что уже вступивъ на путь индивидуализма, «сбереженія и пріумноженія», они долго не могутъ отдѣлаться отъ инстинкта безкорыстія и отвращенія къ наживѣ. Напримѣръ, эскимосъ западнаго берега Гренландіи (болѣе цивилизованный), накопивъ много добра, лодокъ, орудій и проч., дѣлитъ его между всѣми единоплеменниками. Тотъ же обычай существуетъ у многихъ другихъ племенъ *): лишь мало-по-малу онъ смѣняется обычаемъ дѣлить имущество умершаго между членами клана; еще позднѣе—обычаемъ уничтоженія и погребенія вещей вмѣстѣ съ покойникомъ; этотъ послѣдній обычай сохраняется подъ конецъ въ символической формѣ, какъ переживаніе (напр., у китайцевъ сожиганіе бумажныхъ домиковъ и т. п. на могилѣ покойника) **).

*) Подробности можно найти въ „Эволюціи собственности“ Летурно.

**) Обычай разрушенія и порчи вещей, погребаемыхъ вмѣстѣ съ покойникомъ, объясняли желаніемъ снабдить духъ умершаго *духами вещей*, необходимыхъ ему въ загробной жизни. Но это объясненіе не выдерживаетъ критики, во-первыхъ, потому, что обычай разрушенія вещей умершаго мы находимъ у племенъ, еще не додумавшихся до такой остроумной и законченной системы анимизма, какую создали антропологи нашего вѣка (и никогда не читавшихъ Тэйлора); во-вторыхъ, потому что мы имѣемъ возможность прослѣдить на дѣлѣ всѣ звенья цѣпи: пол-

Чувство солидарности, отвращеніе къ корыстолюбію, укоренившіяся до такой степени, что только рядъ ступеней культуры (т. е. тысячелѣтія по меньшей мѣрѣ) могъ искоренить ихъ,—неужели это «очень мало»?

Алеутъ, по словамъ Веньяминова, въ случаѣ голода, прежде всего заботится о дѣтяхъ, самъ голодая по недѣлямъ и доходя до полнаго почти изнуренія. Объ аинахъ Буссе говоритъ: «дѣтей любятъ и балуютъ. Они всегда одѣты лучше родителей... все щегольство аиновъ состоитъ въ одеждѣ дѣтей ихъ»—и далѣе: «по утру приходилъ ко мнѣ аинъ съ ребенкомъ-дѣвочкой 3 лѣтъ. Я подарилъ ей мячикъ и сахару. Отецъ радовался больше ребенка. Аины вообще очень любятъ дѣтей своихъ и весьма нарядно одѣваютъ ихъ, обвѣшивая бусами и мѣдными вещицами». Чтобъ захватить въ плѣнъ бушменку, европейскіе работорговцы всегда старались овладѣть ребенкомъ, зная, что мать сама пойдетъ за нимъ...

Глубина и серьезность чувства, иллюстрируемыя этими примѣрами (ихъ можно бы умножить до безконечности), вполнѣ гармонируютъ съ тѣмъ фактомъ, что у всѣхъ мало-мальски культурныхъ народовъ, начиная отъ стадіи австралійцевъ и кончая Европой конца XIX вѣка, практикуется *систематическое* дѣтоубійство, а у первобытныхъ веддаховъ дѣтоубійство вовсе не существуетъ.

Правдивость и честность первобытнаго человѣка такъ же глубоки и неискоренимы, какъ ихъ безкорыстіе. Алеутъ никогда не измѣняетъ слову. Одинъ изъ нихъ подарилъ Веньяминову рыбину. Миссіонеръ уѣхалъ, позабывъ подарокъ. Затѣмъ наступило голодное время. Тѣмъ не менѣе алеутъ, питаясь мхомъ и корой, не притронулся къ рыбѣ, и сохранилъ ее до возвращенія миссіонера. Госа можно довести до самоубійства, сомнѣваясь въ его честности (Дальтонъ). Честность веддаха, какъ уже упомянуто, вошла въ пословицу. Это человѣкъ, у котораго слово никогда не расходится съ дѣломъ. Обманъ возбуждаетъ въ немъ глубокое презрѣніе. Ихъ антипатія къ сингалезамъ возникла изъ-за того, что эти послѣдніе, гораздо болѣе культурные, чѣмъ веддахи, порядкомъ уже искусились по части пройдошества (Саразинъ). Бушмены и готтентоты отличаются честностью и правдивостью (Лихтенштейнъ, Бурчель, Моффатъ).

ная общность имуществъ—періодическій дѣлежъ накопленнаго добра—дѣлежъ и уничтоженіе послѣ смерти владѣльца—уничтоженіе послѣ смерти владѣльца.

Летурно, упоминая о безусловной честности дикарей, замѣчаетъ, что она ограничивается членами клана или племени: въ отношеніи чужихъ дикарь мошенничаетъ, не стѣсняясь. Но это замѣчаніе опровергается фактами, которыхъ можно набрать достаточно у самого Летурно. Честность веддаха, алеута, лепчаса и т. п. не знаетъ различія между своими и чужими: объ этомъ свидѣтельствуютъ упомянутые выше изслѣдователи. Отзывъ Летурно—неправильное обобщеніе, полученное путемъ сваливанія въ одну кучу самыхъ разнообразныхъ типовъ культуры: отъ веддаховъ до фиджійцевъ. Но у племенъ, достигшихъ уже европейскаго типа общественнаго устройства (дифференцировка племени на касты, сословія и пр.), являются и зачатки европейской морали, требующей соблюденія извѣстныхъ правилъ поведенія по отношенію къ своимъ и допускающей полную безсовѣстность въ отношеніи чужихъ. Этого «раздвоенія морали» нѣтъ безусловно лишь у самыхъ первобытныхъ племенъ, какъ веддахи.

Глубоко укоренившійся альтруизмъ—дѣятельный, выражающійся въ постоянной помощи ближнимъ,—упорная, неисправимая честность, безкорыстіе, кротость, «деликатность и чувствительность», поражающія европейца,—все это не вяжется съ цитированной выше характеристикой Спенсера, изображающей дикаря какимъ-то флюгеромъ, готовымъ повернуться въ ту или другую сторону отъ малѣйшаго вѣтерка. Напротивъ, въ веддахѣ поражаютъ упорство и неизмѣнность честности, правдивости, деликатности, симпатіи, свидѣтельствующія о глубинѣ и силѣ этихъ чувствъ. И надо прибавить—о широтѣ этихъ чувствъ, такъ какъ они распространяются на всѣхъ вообще людей, а не только на «своего человѣка».

Но они распространяются только на тѣхъ людей, съ которыми веддахъ въ данную минуту имѣетъ дѣло. Онъ не питаетъ «любви къ человѣчеству», да и не можетъ питать, потому что нѣтъ у него представленія о человѣчествѣ. Онъ можетъ лишь дѣлиться послѣднимъ съ тѣми, кто окружаетъ его, помогать имъ, стоять за нихъ, и такъ проводить всю жизнь въ подвигѣ «дѣятельной благожелательности»; но онъ не провозгласитъ тоста «за благо грядущихъ поколѣній» и не произнесетъ пламенной рѣчи о мѣрахъ къ устраненію пауперизма... Вотъ тутъ то и является оптическая иллюзія, о которой я говорилъ выше. Глубокій, интенсивный, неискоренимый альтруизмъ веддаха, бушмена, эскимоса кажется намъ узкимъ, ничтожнымъ, мизернымъ, въ сравненіи съ нашимъ собствен-

нымъ широкимъ альтруизмомъ, охватывающимъ все человѣчество—прошедшее, настоящее и будущее. Мы не замѣчаемъ, что этотъ нашъ альтруизмъ широкъ, да мелокъ. Мы постоянно смѣшиваемъ интеллектуальный элементъ нравственности съ эмоціональнымъ. Интеллектуальный элементъ у первобытнаго человѣка низведенъ до минимума, моральная сторона его природы выражается въ *чувствахъ* симпатіи и жалости къ окружающимъ людямъ и проявляется исключительно въ *дѣйствіяхъ* на пользу этихъ людей. У насъ, наоборотъ, интеллектуальный элементъ разросся, эмоціональный сократился чуть не до полнаго исчезанія. Мысли, образы, картины, благородныя рѣчи, возвышенные принципы—но не живые люди—затрогиваютъ чувствительную сторону нашей природы, вызываютъ въ насъ проявленія жалости, горести, симпатіи и проч., но всегда *въ пустую*, безъ послѣдствій. Мы «плачемъ надъ бѣдной Офеліей», сочувствуемъ датскому принцу, британскому королю, человѣчеству, народу, Европѣ, Америкѣ, дикарямъ, грядущимъ поколѣніямъ, Гектору и Андромахѣ,—всѣмъ, кромѣ непосредственно близкихъ къ намъ людей. Мимо нищаго на улицѣ мы проходимъ равнодушно: намъ жалокъ только нищій на сценѣ.

Словомъ, суррогатъ чувствъ, фальсификація альтруизма почти совершенно вытѣснили въ насъ подлинныя чувства, дѣйствительный альтруизмъ.

Какъ жизнь веддаха или эскимоса—сплошь дѣятельный альтруизмъ, такъ жизнь европейца—средняго, порядочнаго человѣка—дѣятельный эгоизмъ. Что дѣлаетъ всю жизнь чиновникъ, адвокатъ, профессоръ, литераторъ и проч.? Карьеру! Добивается денегъ, оклада или гонорара; сначала маленькаго, потомъ больше, потомъ еще больше. Сначала квартирки, потомъ квартиры съ мягкой мебелью, съ зеркалами,—дальше больше; аппетитъ никогда не утоляется. Альтруизмъ его выражается исключительно въ словесности всякаго рода; а дѣятельный альтруизмъ ограничивается пожертвованіемъ грошей въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, да и тѣ сплошь и рядомъ приходится вытягивать съ помощью благотворительныхъ баловъ и концертовъ.

«Но онъ работаетъ для человѣчества, и его работа принесетъ больше пользы, чѣмъ еслибъ онъ роздалъ имущество нищимъ и вздумалъ жить по веддахски». А это другой вопросъ. Насчетъ пользы можно спорить, и споръ этотъ рѣшатъ только тѣ самыя грядущія поколѣнія, которыя ее увидятъ (либо нѣтъ). Но я не филиппики пишу, а пытаюсь выяснить фактическую

разницу двухъ типовъ. Культурный человѣкъ работаетъ для человѣчества, но работа его выражается въ созиданіи собственной карьеры: онъ съ глубокимъ равнодушіемъ смотритъ на горе окружающихъ и живетъ въ свою утробу, скопляя вокругъ себя побольше добра, которое пригодилось бы сотнямъ его ближайшихъ нищихъ, голодныхъ, обездоленныхъ сосѣдей.

Первобытный человѣкъ не выноситъ горя окружающихъ, дѣлится съ ними всѣмъ, что добудетъ; жертвуетъ для нихъ всѣмъ, не исключая жизни. При такомъ режимѣ нѣтъ и не можетъ быть дѣленія на сытыхъ и голодныхъ, имущихъ и неимущихъ: всѣ сыты или всѣ голодны, всѣ имущи или всѣ неимущи.

Еслибъ современные европейцы какимъ-либо чудомъ вдругъ восприняли чувства бушмена или веддаха (сохранивъ свой интеллектъ), разомъ были-бы рѣшены всѣ соціальные вопросы, и воцарился-бы снова «золотой вѣкъ»! Но такихъ превращеній «вдругъ» не дѣлается, а путемъ медленнаго развитія они совершаются. Задача современной цивилизаціи: сохранивъ интеллектъ европейца, вернуться къ нравственному типу первобытнаго человѣка.

* * *

Интенсивный, глубокій, дѣятельный альтруизмъ первобытнаго человѣка, разумѣется, не съ неба свалился. Тотъ или другой типъ развивается подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій. Условія существованія первобытнаго человѣчества вели къ выработкѣ высокаго нравственнаго типа. Въ до-военный періодъ своего существованія человѣчество держалось противъ внѣшнихъ невзгодъ исключительно внутренней сплоченностью. Въ то время естественный подборъ сохранялъ группы, въ которыхъ взаимная помощь доходила до высшей степени. Переживали наиболѣе самоотверженные, наиболѣе сострадательные, наиболѣе любящіе. Человѣкъ былъ такъ слабъ, такъ много людей погибало отъ дикихъ звѣрей, отъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, что, если-бы къ этому присоединились еще внутренніе раздоры, родъ человѣческій исчезъ-бы съ лица земли. И то непонятно, какъ онъ ухитрился уцѣлѣть. Мы знаемъ, что и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи тигры начисто истребляютъ цѣлыя поселенія и заставляютъ выселяться людей, вооруженныхъ и защищенныхъ неизмѣримо лучше, чѣмъ современникъ мамонта и пещернаго медвѣдя. Какъ-же могъ уцѣлѣть первобытный человѣкъ, не знавшій лука и стрѣлъ, отра-

вленныхъ коній, хитрыхъ ловушекъ и капкановъ, въ эпоху, когда земля кишмя кишѣла хищниками вродѣ пещернаго тигра или пещернаго медвѣдя, въ сравненіи съ которымъ нашъ бурый медвѣдь—то-же, что́ пудель передъ бульдогомъ.

Современный индусъ давно утратилъ первобытную сплоченность; тигръ похищаетъ одного за другимъ жителей деревни, а уцѣлѣвшіе могутъ только трепетать и ждать своей очереди. Первобытные люди, при нападеніи на одного, выходили всѣ, толпою, съ дубьемъ, съ головнями, съ голыми руками и одолѣвали или отпугивали звѣря.

Мало-по-малу первобытный человѣкъ додумался до оружія, капкановъ и пр. и обезпечилъ себѣ побѣду надъ звѣрьемъ. Обстоятельства измѣнились. Симпатія, самоотверженіе перестали играть прежнюю роль. Наоборотъ, побѣда надъ животными обезпечила настолько сильное и быстрое размноженіе людей, что война обратилась внутрь, началось соперничество изъ-за кусковъ. Кстати-же человѣкъ напрактиковался въ убійствѣ, преслѣдуя звѣрей. Это измѣненіе условій измѣнило и характеръ естественнаго подбора, который сталъ теперь сохранять наиболѣе воинственныхъ, хищныхъ и свирѣпыхъ. Наступилъ военный періодъ развитія человѣчества, слишкомъ хорошо знакомый намъ, характеризующійся образованіемъ крѣпкосплоченныхъ, болѣе или менѣе крупныхъ, государствъ.

Предшествовавшій ему мирный періодъ отличается, напротивъ, безформенностью общественныхъ аггрегатовъ. Это мирныя группы людей, вродѣ современныхъ веддаховъ, аиновъ и т. п., которыя сходятся и расходятся, соединяются и раздробляются, смотря по обстоятельствамъ, безъ всякаго принужденія. Соединенная внутри узами симпатіи, дружбы и жалости, группа простираетъ эти чувства и на внѣшнія отношенія, не дѣлая разницы между «едино» и «иноплеменниками». Нѣтъ раздѣленія на своихъ и чужихъ, на друзей и враговъ, на ближнихъ и дальнихъ,—всѣ свои, всѣ друзья, всѣ ближніе.

Какъ-бы ни было жалко и плачевно состояніе людей въ ту далекую первобытную эпоху, но въ отношеніи *чувствъ*, двигавшихъ людьми и опредѣлявшихъ человѣческія отношенія, ее можно назвать «золотымъ вѣкомъ».

Человѣкъ еще не вкусилъ отъ древа познанія добра и зла; онъ былъ просто, естественно добръ, потому что не откуда ему взять было злобныхъ чувствъ. Лишь много позднѣе, съ развитіемъ интеллекта, позналъ онъ добро и зло, создалъ нравственность и безнравственность; для нравственности от-

велъ мѣсто на прописяхъ, а безнравственность удержалъ для житейскаго обихода.

Въ сущности, этотъ взглядъ не такъ рѣзко отличается отъ господствующихъ воззрѣній, какъ можетъ показаться читателю. Спенсеръ *), напримѣръ, высказываетъ совершенно категорически: «Первыя ступени цивилизаціи неизбѣжно обусловливаютъ относительную безчеловѣчность». Но это утвержденіе уже подразумѣваетъ признаніе трехъ періодовъ въ исторіи культуры: 1) періодъ благодушія и человѣчности, по крайней мѣрѣ относительныхъ, предшествующій первымъ ступенямъ цивилизаціи; 2) періодъ постепеннаго озвѣрѣнія, соотвѣтствующій этимъ первымъ ступенямъ; 3) періодъ возврата къ человѣчности, начавшійся на (какихъ именно?) позднѣйшихъ ступеняхъ. Тѣмъ не менѣе, Спенсеръ съ проніей отзывается о «людяхъ, полагающихъ, что цивилизація есть попятное движеніе и что древнія общества принадлежали къ высшему типу, чѣмъ наши».

Я пытаюсь точнѣе опредѣлить характеръ каждаго изъ этихъ періодовъ и ихъ границы. Оказывается, что первый изъ нихъ характеризуется полнымъ отсутствіемъ безчеловѣчности, порожденной войною, и обнимаетъ періодъ отъ третичной эпохи до (приблизительно) конца древняго каменнаго вѣка; втеченіе второго—безчеловѣчность зарождается и развивается подъ вліяніемъ войнъ, а продолжительность этого періода—съ конца древняго каменнаго до XVI—XVII вѣковъ нашей эры; наконецъ, третій періодъ, возврата къ человѣчности, характеризуемый отмѣной рабства, пытокъ и пр., еще очень коротокъ и сказывается замѣтно лишь съ XVIII столѣтія.

Втеченіе мирнаго первичнаго періода человѣчество тоже не стояло на мѣстѣ; оно развивалось по-маленьку, но развитіе это совершалось въ духѣ альтруизма, потому что альтруистическія чувства были главнымъ, сильнѣйшимъ и могущественнѣйшимъ орудіемъ въ борьбѣ съ внѣшними условіями.

Да, былъ такой періодъ въ исторіи человѣчества, когда успѣхъ достигался не соперничествомъ—военнымъ или промышленнымъ—а совмѣстной работой; когда стимулами, побуждавшими къ дѣятельности, были не честолюбіе, властолюбіе, жадность и пр., а желаніе помочь ближнему; когда естественный подборъ сохранялъ не самыхъ хищныхъ, коварныхъ и свирѣпыхъ, а самыхъ безкорыстныхъ, искреннихъ и добрыхъ.

*) „Развитіе политич. учрежд.“, с. 12.

Только благодаря огромной продолжительности этого періода, накопился такой прочный запасъ альтруистическихъ чувствъ, что вся послѣдующая исторія съ тысячелѣтіями хронической войны, насилія, крови, огня, желѣза не могла ихъ выкурить; а у такихъ племенъ, какъ веддахи, эти чувства сохранились почти въ полной силѣ, несмотря на сосѣдство воинствующаго человѣчества. Если, несмотря на систематическое воспитаніе въ духѣ жестокости, человѣчество еще не окончательно озвѣрѣло и, можетъ быть, найдетъ въ себѣ силу отречься отъ военнаго режима,—то этимъ оно обязано давно забытому «золотому вѣку».

Но намъ еще остается устранить кое-какія кажущіяся противорѣчія, мѣшающія многимъ признать этотъ взглядъ.

VII.

Эволюція жестокости.

Классификація дикихъ племенъ.—Прогрессъ, какъ эволюція людоѣдства.

Чуткій къ неправдѣ, укоренившейся подъ благовидными формами культурныхъ учрежденій, быта, морали,—Руссо пришелъ къ отрицательному взгляду на цивилизацію. Онъ дѣйствовалъ чисто апріорнымъ путемъ. Анализируя различныя стороны культурнаго быта и всюду встрѣчая ложь и бездушіе, онъ отбрасывалъ ихъ одну за другой и, такимъ образомъ, получилъ въ остаткѣ человѣка, свободнаго отъ всякой культуры, т. е. первобытнаго, т. е. дикаря, который оказался вмѣстѣ съ тѣмъ свободнымъ отъ неразлучныхъ съ культурой хищности, подлости, жестокости. Но этотъ идеальный и отвлеченный образъ, повидимому, совершенно расходился съ дѣйствительностью. Подлинный дикарь, настоящій первобытный (какъ думали) человѣкъ, фиджіецъ или карайбъ оказался людоѣдомъ и хищникомъ, сродни европейскимъ конквистадорамъ.

Ученіе объ «идеальномъ дикарѣ» было отброшено, какъ химера.

Съ тѣхъ поръ однако наши свѣдѣнія о «первобытныхъ» племенахъ настолько расширились, что явилась возможность болѣе правильной постановки вопроса, которая и приводитъ къ оправданію взгляда Руссо. Надо только избѣгать двухъ ошибокъ, которыя однако постоянно дѣлаются соціологами. Во-первыхъ, нельзя *огуломъ* противопоставлять дикарей европейцамъ, какъ первобытное человѣчество цивилизованному. Во-вторыхъ, для сравненія съ дикарями не слѣдуетъ брать современную Европу, находящуюся въ переходномъ періодѣ (отрекшуюся повидимому отъ военнаго режима), а надо обратиться къ Европѣ XVI—XVII вв., представляющей увѣнчаніе и наиболѣе яркое выраженіе военнаго періода цивилизаціи.

Если бы кто-нибудь, характеризуя цивилизованныя націи,

вздумалъ соединить подъ рубрикой «цивилизованные»: современныхъ французовъ, галловъ, скифовъ, сарматовъ, современныхъ русскихъ, нѣмцевъ, вандаловъ, норманновъ, древнихъ бриттовъ, современныхъ англичанъ,—нелѣпость этой классификаціи, а стало быть и вздорность основанныхъ на ней характеристикъ, формулъ и схемъ, — бросилась бы въ глаза всякому.

Но характеристики дикарей и схемы «постепеннаго смягченія нравовъ» основываются на классификаціи еще болѣе нелѣпой. Даже Летурно, пытающійся въ своихъ многочисленныхъ «Эволюціяхъ» прослѣдить постепенное развитіе тѣхъ или другихъ сторонъ быта, отъ низшихъ стадій культуры до высшихъ, забываетъ объ этой скалѣ племенъ, разъ дѣло коснется общихъ выводовъ. Загляните, напримѣръ, въ главу «Morale bestiale» его «Эволюціи морали». Тутъ въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ перемѣшаны веддахи, эскимосы, бушмены, фиджійцы и пр., какъ представители стадіи отервенѣлаго людоѣдства, безпощадно истребительной войны и т. п.,—стадіи, которую Летурно во что бы то ни стало желаетъ навязать первобытному человѣчеству. Распредѣлите указанныя имъ племена въ послѣдовательномъ порядкѣ, переходя отъ наименѣе культурныхъ къ болѣе и болѣе цивилизованнымъ,—вы увидите, что *данныя*, приводимыя Летурно, буквально перевертываютъ его характеристику: то, что онъ навязываетъ первобытному человѣчеству, оказывается конечнымъ результатомъ долгаго развитія и высокой культуры.

Въ этомъ отношеніи—какъ «доказательство отъ противнаго»—сочиненія Летурно имѣютъ очень важное значеніе, и мнѣ часто придется ссылаться на нихъ.

Ставить въ одну рубрику такія племена, какъ напр. веддахи, бушмены, айны съ одной и фиджійцы, дагомейцы, зулусы съ другой стороны—ошибка болѣе грубая, чѣмъ приводить въ примѣръ цивилизованныхъ націй современныхъ англичанъ и древнихъ англо-саксовъ. У англо-саксовъ, германцевъ, вандаловъ и проч. имѣлись зачатки всѣхъ учрежденій, развившихся въ современной Европѣ, тогда какъ у веддаховъ еще нѣтъ и зародыша тѣхъ учрежденій, понятій, обычаевъ, какія мы находимъ у дагомейцевъ.

Здѣсь я попытаюсь представить лишь самый бѣглый очеркъ правильной классификаціи племенъ и вытекающихъ изъ этой классификаціи выводовъ.

Всѣ вообще «дикія» и «варварскія» племена можно рас-

предѣлить по степени цивилизаціи въ длинный рядъ, въ началѣ котораго стоятъ первобытные цейлонскіе веддахи, въ концѣ— высоко цивилизованные аггрегаты, вродѣ фиджійцевъ, дагомейцевъ или истребленныхъ европейскими завоевателями націй Перу и Мексики.

Переберемъ по порядку различныя части свѣта. Въ Америкѣ мы находимъ на самой низкой степени развитія эскимосовъ дальняго сѣвера и огнеземельцевъ, уже организованныхъ въ племена и кланы, но еще не знающихъ частной собственности, классовъ, кастъ и т. п. и стоящихъ на уровнѣ древняго каменнаго вѣка по степени культуры; по антропологическому типу это также древнѣйшія изъ американскихъ народностей. Отъ нихъ мы переходимъ, путемъ постепенныхъ градацій, черезъ дикія бродячія племена Патагоніи и наиболѣе отсталыя трибы индѣйцевъ къ болѣе культурнымъ народцамъ вродѣ нутка-колумбійцевъ, апачей, гварановъ и др. (съ зачатками рабства, аристократіи, съ наслѣдственными вождями); отъ нихъ также постепенно къ начезамъ, майямъ и др. народамъ съ зачатками государственности въ современномъ смыслѣ, и наконецъ добираемся до вѣнца американской цивилизаціи *): государствъ Перу (инки) и Мексика (ацтеки). Замѣтимъ, что Мексика по типу общественнаго развитія представляетъ шагъ впередъ сравнительно съ Перу **).

Пропасть почти неизмѣримая отдѣляетъ эти высокія цивилизаціи, сформировавшіяся путемъ тысячелѣтней борьбы племенъ, цѣлаго ряда «антропологическихъ наслоеній», послѣдовательныхъ завоеваній и организовавшіяся окончательно около XII вѣка нашей эры,—пропасть, почти неизмѣримая, отдѣляетъ ихъ отъ первобытныхъ эскимосовъ. По степени культуры мексиканцы отличаются отъ эскимосовъ С.-В. Гренландіи примѣрно такъ же, какъ Московское государство XV—XVI вѣка отъ доисторическихъ людей Ладожскаго побережья.

Въ самомъ дѣлѣ, цивилизаціи ацтековъ и инковъ немногимъ уступаютъ европейскимъ той же эпохи. Сложная общественная іерархія, наслѣдственная аристократія, ремесленные цехи, рабы, крѣпостные; раздѣленіе судебной и административной властей; регулярная армія, раздѣленная на полки, батальоны, роты; интендантство; ордена, знамена; госпитали, провіантскіе

*) Я имѣю въ виду дикарей до нашествія европейцевъ, уничтожившихъ $^{9}/_{10}$ туземнаго населенія въ трехъ частяхъ свѣта.

**) Летурно. „Эвол. собств." с. 348.

магазины, телеграфическіе огни; почта, полиція; кадастръ, географическія карты, календарь, организованная статистика; города, крѣпости, дворцы, храмы, астрономическія колонны, горное дѣло, ткацкое, ювелирное, гончарное и другія искусства и ремесла; организованная торговля, ярмарки; цвѣтущее земледѣліе (2 хлѣбныхъ растенія, 5 красильныхъ, 5 волокнистыхъ 3 наркотическихъ, 4 корнеплода; много овощей, садовыхъ и пряныхъ растеній) съ плодосмѣномъ, искусственнымъ орошеніемъ, минеральными удобреніями; астрономическія наблюденія при помощи астрономическихъ инструментовъ.

Но эти высокія цивилизаціи, особливо Мексика,—результатъ долгаго военнокультурнаго процесса—представляютъ и верхъ свирѣпости: массовыя человѣческія жертвы, хроническая завоевательная война, людоѣдство по страсти (Мексика), свирѣпыя пытки и казни и т. п., уступая въ этомъ отношеніи лишь европейцамъ; если же мы начнемъ спускаться отъ нихъ къ первобытнымъ эскимосамъ и огнеземельцамъ, то замѣтимъ постепенное убываніе всѣхъ видовъ свирѣпости.

Перейдемъ въ Африку. Здѣсь, отъ низшаго и первобытнѣйшаго (древнѣйшаго по антропологическому типу, по стадіи общественнаго развитія и степени культуры) типа бушменовъ, не знающихъ войны, людоѣдства, рабства, истязанія женщинъ, не имѣющихъ ни одежды, ни хижинъ, ни земледѣлія, ни скотоводства, мы послѣдовательно переходимъ черезъ болѣе культурныя племена готтентотовъ, затѣмъ кафровъ-скотоводовъ, кафровъ-земледѣльцевъ, къ «сливкамъ негритянской расы» *), къ людоѣдамъ фанамъ, апинджамъ, момбутту, къ свирѣпымъ дагомейцамъ, ашантіямъ и т. п. И здѣсь мы видимъ пропасть почти неизмѣримую между обломкомъ доисторической Африки, бушменами, и высококультурными цивилизаціями Дагомэ или Монбутту. У этихъ «высшихъ разновидностей черной породы» мы встрѣчаемъ и сложную общественную іерархію, и рабовъ, и крѣпостныхъ, и сословія, и законы, организованную полицію, армію, тюрьмы; города, дороги, мосты, заставы, каналы; земледѣліе (20 видовъ растеній въ Дагомэ); ремесла; искусства.

И хотя въ Африкѣ многовѣковое вліяніе цивилизованныхъ націй—европейскихъ и мусульманскихъ—устроившихъ изъ этой страны отъѣзжее поле для «the black fellow shooting» (охота на черныхъ), страшно развратило туземцевъ, но и этимъ рас-

*) Мы имѣемъ въ виду собственно негритянскую Африку, оставляя въ сторонѣ арабскія государства.

тителямъ малолѣтнихъ неудалось привести всѣ африканскія племена къ одному знаменателю, не удалось сгладить разницы нравственныхъ типовъ, соотвѣтствующихъ различнымъ типамъ культуры. Дѣйствительно, поднимаясь отъ благодушныхъ и кроткихъ бушменовъ къ свирѣпымъ монбутту или дагомейцамъ, мы видимъ постепенный ростъ всѣхъ формъ свирѣпости.

Обратимся теперь къ обширной области, охватывающей Австралію, Полинезію и дикую (папуасскую) Меланезію. Здѣсь культуртрегеромъ является полинезіецъ, создавшій цивилизацію Фиджи, Новой Каледоніи, Новой Зеландіи и т. п. Высшимъ типомъ и образцомъ этой цивилизаціи можно считать фиджійскую. Правда, Фиджи относятъ къ Меланезіи (Папуасіи), но ея культура создана полинезійскими переселенцами, которые принесли сюда (также въ Новую Зеландію, на Соломоновы острова и пр.) людоѣдство и феодальную организацію уже втеченіе нашей эры. Такъ что эти цивилизаціи можно считать послѣднимъ словомъ полинезійской культуры.

Здѣсь мы опять-таки находимъ сложную феодальную іерархію съ общимъ сюзереномъ (на Фиджи), лѣстницей вассаловъ, сословіями рабовъ, крѣпостныхъ и свободныхъ простолюдиновъ; организованныя арміи, крѣпости, монетную единицу, интенсивное земледѣліе съ искусственнымъ орошеніемъ, террасами, минеральными туками (удобреніе золой, торфомъ, известкованіе почвы толчеными морскими раковинами) и спеціальными культурами (масличныя, пряныя, крахмальныя растенія); мореходство, лодки, вмѣщающія до 300 человѣкъ; изящные и тонкіе разноцвѣтные ткани, ковры, маты; большіе красивые дома, рисунки, поэтическіе гимны, миѳы, легенды; спеціалистовъ-парикмахеровъ, художниковъ-татуировщиковъ. Мы находимъ у нихъ систематическую, регулированную «Zweikindersystem»—послѣднее слово европейскаго семейнаго начала—и спеціалистокъ дѣтоубійцъ, занимающихся истребленіемъ лишнихъ младенцевъ. Наконецъ, у нихъ существуетъ культъ разврата, съ сладострастными пѣснями и плясками, почти не уступающій нашей «psychopathia sexualis».

Если принять въ соображеніе, что эта цивилизація развилась на островахъ, заброшенныхъ среди океана (обстоятельство, крайне невыгодное для развитія, такъ какъ съуживаетъ кругозоръ), при отсутствіи металловъ и другихъ минеральныхъ богатствъ, сыгравшихъ такую важную роль въ развитіи нашей техники; если имѣть въ виду, съ какими ничтожными средствами достигнуты такіе громадные результаты, то врядъ-ли

можно поставить этихъ «дикарей» ниже европейцевъ по умственной энергіи.

Какъ мы уже замѣтили, фиджійская цивилизація съ ея высокой культурой, свирѣпыми войнами, людоѣдствомъ по страсти развилась и сформировалась сравнительно очень поздно, втеченіе нашей эры (т. е. послѣ Р. Х.), въ связи съ разселеніемъ индонезійцевъ въ Полинезіи.

Такимъ образомъ она является не первобытной, даже не варварской ступенью развитія, а вѣнцомъ долгаго процесса, продуктомъ послѣдовательныхъ завоеваній, смѣшенія многихъ типовъ, и сформировавшейся окончательно лишь въ новѣйшую эпоху.

Если мы вздумаемъ перейти отъ этихъ свирѣпыхъ дикарей къ веддахамъ, то придется сдѣлать громадный скачокъ. На одной сторонѣ—у фиджійцевъ—высокая культура, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (земледѣліе, техника тканей) не уступающая европейской; на другой—у веддаховъ—отсутствіе всякой культуры. И параллельно этому—на одной сторонѣ воплощенная свирѣпость, на другой—воплощенное добродушіе. Переходныя звенья: папуасскія племена Новой Гвинеи и др., австралійцы, тасманійцы. Постепенная убыль культуры сопровождается постепенной убылью свирѣпости, усиленіемъ альтруизма.

Во всѣхъ трехъ областяхъ (Новый Свѣтъ, Африка, Океанія) встрѣчаемъ одно и то же: максимумъ культуры—минимумъ свирѣпости; максимумъ доброты—минимумъ культуры. Вездѣ развивавшаяся втеченіе тысячелѣтій культура завершилась расцвѣтомъ свирѣпости; если же отъ мексиканцевъ, дагомейцевъ и монбутту, фиджійцевъ и маорисовъ мы будемъ спускаться внизъ, черезъ патагонцевъ и эскимосовъ, бушменовъ и готтентотовъ, австралійцевъ и тасманійцевъ, то, параллельно умаленію культуры, замѣтимъ умаленіе жестокости, а на послѣдней ступени встрѣчаемъ «благородныхъ и чувствительныхъ, деликатныхъ и безупречно честныхъ» цейлонскихъ веддаховъ.

Итакъ, для правильнаго сужденія о культурномъ и первобытномъ человѣкѣ, надо поставить на одной сторонѣ цивилизаціи фиджійцевъ, перуанцевъ, мексиканцевъ, дагомейцевъ, европейцевъ XVI в., а на другой—цейлонскихъ веддаховъ или японскихъ аиновъ и сравнить: кто лучше?

А у соціологовъ даже такихъ, какъ Спенсеръ, разъ зайдетъ рѣчь о сравненіи дикаря съ культурнымъ человѣкомъ, тотчасъ является на сцену, съ одной стороны, фиджіецъ, пожирающій непріятеля и закусывающій собственнымъ младенцемъ, дого-

меецъ, устраивающій паркеты изъ череповъ, мексиканскій жрецъ, приносящій въ жертву сотню-другую плѣнниковъ,—а съ другой—европеецъ типа Гладстона, размышляющій о вѣчномъ мирѣ и исцѣленіи соціальныхъ золъ.

* * *

Переберемъ теперь различныя проявленія жестокости и прослѣдимъ ихъ постепенное развитіе отъ первобытныхъ до культурныхъ племенъ.

Начнемъ съ *людоѣдства.*

Въ Америкѣ мы вовсе не находимъ людоѣдства у эскимосовъ дальняго сѣвера и встрѣчаемъ лишь случайное людоѣдство (въ моменты голода) у огнеземельцевъ, патагонцевъ; какъ спорадическое явленіе, каннибализмъ существовалъ, кажется, и у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ: гуроновъ, ирокезовъ, криковъ. У болѣе культурныхъ (земледѣліе, зачатки рабства, наслѣдственной аристократіи) гварановъ, моксовъ, чикитосовъ людоѣдство уже обыкновенное явленіе; но не изъ страсти къ человѣчинѣ, а изъ мести и суевѣрія (пожирая врага, думаютъ воспринять его храбрость), практикуемое только надъ плѣнными врагами; у нутка-колумбійцевъ (организованное рабство, наслѣдственная деспотическая власть, сравнительно высокая культура) и полуцивилизованныхъ нагуаковъ, начезовъ и др. рабы уже откармливаются для стола, и каннибализмъ существуетъ какъ страсть; наконецъ у мексиканцевъ (ацтековъ) мы находимъ каннибализмъ-гастрономію, каннибализмъ-страсть, любовь къ человѣчинѣ, какъ къ лакомству. Ради человѣческаго мяса предпринимаются войны, плѣнники тысячами приносятся въ жертву богамъ, но боговъ собственно только по губамъ мажутъ: имъ преподносятъ сердце жертвы, а тѣло съѣдается жертвователями и жрецами. Но кромѣ плѣнниковъ богамъ приносили въ жертву (такимъ же порядкомъ: съѣдая трупъ) и рабовъ, и преступниковъ. Предназначенныхъ на съѣденіе сначала откармливали. На походѣ же ѣли враговъ безъ всякихъ церемоній, даже не считая нужнымъ прикрыть это религіей.

Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ, заправскимъ каннибализмомъ: не отъ голода и не изъ суевѣрія (религія тутъ служила только прикрышкой). Случайное у огнеземельцевъ или патагонцевъ, людоѣдство превращается въ дурную привычку у гварановъ, и въ страсть у цивилизованныхъ мексиканцевъ.

У дикихъ, некультурныхъ индѣйцевъ-криковъ существо-

валъ обычай вырѣзать и съѣдать сердце убитаго врага, чтобы воспринять его храбрость.

У высоко цивилизованныхъ ацтековъ существовалъ обычай вырѣзать и жертвовать богамъ сердце плѣнника (раба, преступника), *а тѣло съѣдать*!

Само собой напрашивается объясненіе: возникшій подъ вліяніемъ суевѣрія обычай съѣдать сердце (или глазъ, или пить кровь) убитаго врага съ теченіемъ времени развился въ каннибализмъ.

Летурно, наоборотъ, усматриваетъ въ обычаѣ криковъ пережитокъ, *остатокъ* каннибализма. Объясненіе довольно таки странное: на *позднихъ* ступеняхъ культуры мы встрѣчаемъ расцвѣтъ, а на болѣе *древнихъ*, болѣе *ранних*ъ — остатокъ, воспоминаніе! Очевидно здѣсь болѣе подходитъ терминъ «зачатокъ». Зачатокъ, развившійся вмѣстѣ съ развитіемъ культуры.

Ту же послѣдовательность мы замѣчаемъ въ Африкѣ. У бушменовъ и готтентотовъ нѣтъ людоѣдства, у кафровъ (базутосовъ, мантатіевъ и др.) оно встрѣчается въ голодные годы или во время войнъ, изъ мести; у культурнѣйшихъ негритянскихъ племенъ, у высшихъ разновидностей—фановъ, апинджей, акахле, момбутту, маньюмовъ, ніамъ-ніамъ—оно вошло въ повседневный обиходъ. Это людоѣды-гастрономы; они ѣдятъ плѣнныхъ, ѣдятъ рабовъ, ѣдятъ покойниковъ, покупаютъ и вымѣниваютъ трупы у сосѣднихъ племенъ; предпринимаютъ войны, чтобъ добыть человѣчины; предпочитаютъ ее всякому другому мясу.

То же въ Океаніи. У веддаховъ нѣтъ людоѣдства, у тасманійцевъ оно случалось лишь подъ вліяніемъ голода, у австралійцевъ имѣетъ спорадическій характеръ (отъ голода, въ войнахъ), у болѣе культурныхъ папуасскихъ племенъ тоже случается не часто, когда ужъ очень подъ ложечкой засосетъ и захочется мясной пищи; наконецъ каннибализмъ по страсти, каннибализмъ повседневный мы находимъ у фиджійцевъ, новокаледонцевъ, новозеландцевъ, гавайцевъ, самоанцевъ, новогебридцевъ, на Соломоновыхъ островахъ. Тутъ войны предпринимаются ради человѣческаго мяса; торгуютъ трупами; ѣдятъ плѣнныхъ, рабовъ, подданныхъ, преступниковъ, собственныхъ престарѣлыхъ родителей; всякое сколько нибудь крупное торжество сопровождается каннибальской пирушкой; любители даютъ мясу тронуться («faisander»), а не ѣдятъ его свѣжимъ; различаютъ разные сорта человѣчины; выработали способы

солки, копченія, приправы (лимонный сокъ и т. п.), подходящей къ этому кушанью.

Вотъ общій *фактъ*, установленный этнографіей для обѣихъ Америкъ, Африки, Австраліи и Океаніи: людоѣдство развивается вмѣстѣ съ развитіемъ культуры. Нельзя указать ни одного племени людоѣдовъ по страсти, стоящаго на первобытной стадіи развитія (стадія «анархическихъ ордъ» по терминологіи Летурно). Даже у племенъ, вступившихъ уже на слѣдующую ступень (организованное, подраздѣленное на кланы племя) развитія, мы находимъ лишь спорадическое, болѣе или менѣе случайное людоѣдство. Оно бываетъ подъ вліяніемъ голода, — но эту форму каннибализма нельзя назвать настоящимъ людоѣдствомъ: она существовала, какъ намъ извѣстно, и у европейцевъ, до XIX вѣка включительно. Бываетъ въ военное время (австралійцы), но по крайней мѣрѣ не практикуется внутри племени.

И наконецъ, разъ мы встрѣчаемъ людоѣдство - *страсть*, людоѣдство, вошедшее въ повседневный обиходъ и практикуемое не только надъ врагами, но и надъ единоплеменниками (преступниками, подданными, рабами и просто покойниками),— мы находимъ и дифференцировку племени на касты, сословія, господъ и рабовъ. Таковы нутка-колумбійцы, анагуаки, мексиканцы, фаны, ашинджи, монбутту, фиджійцы, гавайцы, суматранскіе батты и проч. Каннибализмъ - страсть присущъ лишь высшему типу общественнаго устройства: дифференцированному племени, т. е. государству, — типу, создавшемуся подъ вліяніемъ войнъ.

Ясно, что еслибъ каннибализмъ былъ присущъ первобытному человѣчеству и исчезалъ съ успѣхами культуры, то мы нашли бы обратную прогрессію: каннибализмъ-страсть у низшихъ и первобытнѣйшихъ; случайный каннибализмъ у высшихъ и культурнѣйшихъ племенъ.

Итакъ, *по скольку можно судить на основаніи данныхъ этнографіи*, каннибализмъ появился довольно поздно въ исторіи развитія человѣчества, преуспѣвалъ постепенно и параллельно успѣхамъ культуры, и достигъ наивысшаго развитія въ цивилизаціяхъ, которыя ближе стоятъ къ типу европейскихъ, античныхъ и восточныхъ государствъ, чѣмъ къ типу первобытнаго племени.

То же говорятъ намъ данныя доисторической археологіи, о чемъ я уже упоминалъ выше.

Попробуйте примирить эти факты съ утвержденіями, вродѣ слѣдующаго:

«Отвращеніе отъ употребленія человѣческаго мяса не есть нѣчто врожденное, но лишь постепенно пробуждается въ человѣческой природѣ, благодаря успѣхамъ цивилизаціи» (Гельвальдъ). Это не мѣшаетъ цитированному автору соглашаться, что людоѣдство было болѣе распространено въ позднѣйшую, неолитическую, чѣмъ въ древнѣйшую палеолитическую эпоху, и что каннибалы вообще превосходятъ культурой племена, гнушающіяся людоѣдства. Вотъ образчикъ противорѣчій, къ которымъ приводитъ современныхъ историковъ культуры стремленіе во что-бы то ни стало примирить гипотезу постепеннаго смягченія нравовъ съ фактами, опровергающими ее.

Подобныя же разсужденія мы встрѣчаемъ у Летурно. Находя каннибализмъ, какъ случайное явленіе, у нѣкоторыхъ полинезійскихъ племенъ (напр. у нукагивцевъ съѣданіе убитаго врага изъ мести, у таитянъ тоже и съѣданіе глаза врага, чтобъ воспринять храбрость и силу послѣдняго), онъ усматриваетъ въ этомъ явленіи остатокъ первобытнаго «звѣрскаго каннибализма», и даже придумываетъ весьма остроумную теорію постепеннаго уничтоженія каннибализма, благодаря женщинамъ: сначала мужья запретили имъ (изъ жадности) участвовать въ каннибальскихъ пиршествахъ; вслѣдствіе этого женщины отвыкли отъ каннибализма, получили къ нему отвращеніе, передали это отвращеніе дѣтямъ по наслѣдству, и такъ, мало-по-малу, каннибализмъ исчезъ *).

У большинства племенъ женщины не участвуютъ въ войнѣ; по теоріи Летурно, онѣ должны бы были проникнуться отвращеніемъ къ ней, передать это отвращеніе дѣтямъ и водворить на землѣ вѣчный міръ... На дѣлѣ мы видимъ *культъ войны*, преуспѣвающій до нашей эпохи.

Вообще женщины у большинства племенъ и націй были устранены отъ *активнаго* участія въ такихъ общественныхъ функціяхъ, какъ пытки, казни, войны и проч. Это не мѣшало имъ гордиться военными подвигами мужей или любоваться «великолѣпными ауто да фе» и т. п. зрѣлищами.

Не вѣрнѣе-ли будетъ такое объясненіе: каннибализмъ возникаетъ подъ вліяніемъ суевѣрія и мстительныхъ чувствъ; сначала ему предаются только мужчины, потомъ привыкаютъ и женщины. На Нукагивѣ, гдѣ каннибализмъ только что началъ

*) Letourneau. «Evolution de la morale», p. 98 и сл.

возникать, женщины относятся къ нему съ отвращеніемъ; въ Новой-Зеландіи, гдѣ онъ вошелъ въ обычай, онѣ участвуютъ въ каннибальскихъ пирушкахъ. Замѣтимъ, что Нукагива по типу общественнаго развитія значительно первобытнѣе Новой Зеландіи или Фиджи.

Но объясненія, пока они висятъ на воздухѣ, дешево стоятъ. А какое больше согласуется съ вышеуказаннымъ *общимъ фактомъ*, обнаруженнымъ этнографіей: фактомъ постепеннаго усиленія каннибализма по мѣрѣ перехода отъ первобытныхъ типовъ къ культурнымъ?

Не всѣ культурныя племена, не всѣ цивилизаціи сопровождаются каннибализмомъ. Даже въ Америкѣ и Африкѣ большая часть племенъ и націй (въ томъ числѣ и многія цивилизаціи: Перуанская, Дагомэ, Ашанти и др.) его не знали или знали какъ спорадическое явленіе. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: именно потому, что каннибализмъ не былъ первичнымъ явленіемъ, свойственнымъ всему человѣчеству; именно потому, что онъ явился (какъ страсть) очень поздно въ исторіи человѣчества,—именно потому онъ и остался удѣломъ сравнительно немногихъ цивилизацій. По всей вѣроятности онъ возникъ изъ суевѣрія (каннибализмъ случайный, отъ голода, врядъли могъ развиться въ постоянную привычку); но суевѣріе принимало различныя формы у различныхъ націй.

Но если каннибализмъ-страсть присущъ *не всѣмъ* цивилизаціямъ, то все же онъ присущъ *только* цивилизаціямъ (нѣкоторымъ), только высоко-культурнымъ типамъ Америки, Африки, Океаніи, представляющимъ увѣнчаніе долгаго историческаго процесса.

На чемъ же основано мнѣніе, приписывающее остервенѣлый, постоянный каннибализмъ всему вообще первобытному человѣчеству?

На фактахъ этнографіи? Они опровергаютъ эту гипотезу!

На фактахъ доисторической археологіи? Они также опровергаютъ ее!

Остаются легенды, сказки, миѳы (напр. миѳъ о Кроносѣ; разсказы о лестригонахъ и циклопахъ въ «Одиссеѣ» и т. п.), нѣкоторые обряды, суевѣрія, обычаи, въ которыхъ усматриваютъ символическое переживаніе каннибализма, сообщенія древнихъ писателей (Страбона, Плинія, Геродота и др.) о племенахъ людоѣдовъ.

Но все это лишь «косвенныя улики», которыя могли бы

имѣть значеніе въ связи съ прямыми, фактическими, а сами по себѣ не могутъ служить основой теоріи.

Легенды, сказки, миѳы, обряды, заклинанія и проч. передавались отъ народа къ народу. Мы знаемъ, что уже въ доисторическія времена происходили «переселенія народовъ»: расы смѣшивались, обмѣнивались продуктами своего творчества. Почти всѣ существующія расы, кромѣ развѣ веддаховъ, представляютъ смѣшанный типъ. Стало быть еще въ доисторическія времена происходилъ обмѣнъ миѳами, легендами, сказками, обрядами. Одно какое-нибудь племя каннибаловъ могло подать поводъ къ сказкамъ и легендамъ, распространявшимся мало-по-малу и принимавшимъ своеобразный, самостоятельный оттѣнокъ и характеръ у различныхъ племенъ. Мы знаемъ напр., что персидскія сказанія о Рустемѣ отразились въ русскихъ былинахъ, итальянскія новеллы превратились въ сказки о Бовѣ и Еруслановѣ, поэмы Гомера попали въ «Тысячу и одну ночь» и т. п. Въ старыя времена происходило то же самое.

Также и смутныя сообщенія древнихъ писателей, лѣтописцевъ, преданій (напр. о людоѣдствѣ у древнихъ египтянъ или евреевъ) въ огромномъ большинствѣ случаевъ основываются на слухахъ и розсказняхъ, къ которымъ могли подать поводъ отдѣльные случаи каннибализма.

Гипотезу должно основывать прежде всего на фактахъ. А факты—относящіеся къ современнымъ или недавноисчезнувшимъ племенамъ, равно какъ и къ племенамъ доисторическимъ—говорятъ въ пользу защищаемаго мною воззрѣнія.

На этомъ бы можно и покончить о людоѣдствѣ; но не могу не прибавить нѣсколько словъ по поводу гипотезы Летурно и проч. Какъ мы видѣли выше, Гельвальдъ высказываетъ ее и тутъ же опровергаетъ, самъ того не замѣчая. Точно такъ-же Летурно съ удивленіемъ отмѣчаетъ фактъ каннибализма у культурныхъ ацтековъ, «очевидно, искусственно привитаго къ ихъ культурѣ» (какъ это можно искусственно привить каннибализмъ—непонятно), хотя самъ же сообщаетъ рядъ подобныхъ фактовъ относительно культурнѣйшихъ расъ Африки и Полинезіи.

Чѣмъ объяснить подобныя противорѣчія? Тутъ главную роль играетъ вліяніе заученныхъ схемъ. Теорія постепенной замѣны каннибализма рабствомъ такъ гармонируетъ съ общимъ ученіемъ о прогрессѣ. И она весьма логична: сначала ѣли враговъ, потомъ—когда перешли къ земледѣлію и скотовод-

ству—нашли болѣе выгоднымъ пользоваться ими какъ работниками.

Это образчикъ книжной теоріи, логичной на бумагѣ и опровергаемой жизнью, у которой своя логика. На дѣлѣ то невыгодность каннибализма *не* уничтожила его, разъ онъ вошелъ въ привычку. Она могла только *ограничить* его, превративъ человѣчину въ лакомство, въ рѣдкій предметъ гастрономіи,—*и этимъ самымъ усиливъ пристрастіе къ человѣчинѣ*—какъ было напр. въ Мексикѣ. Цвѣтущая цивилизація ацтековъ требовала труда рабовъ, поэтому ихъ щадили; но каннибализмъ отъ этого не ослабѣлъ, скорѣе принялъ еще болѣе страстный характеръ. Только угощались не часто, по праздникамъ, убивая для этого плѣнниковъ, преступниковъ, непокорныхъ рабовъ.

Такъ дикари-скотоводы рѣже ѣдятъ мясо, чѣмъ дикари-охотники; не потому что меньше любятъ мясо, а потому что жалѣютъ скотъ и рѣшаются зарѣзать корову или быка только въ торжественномъ случаѣ.

Но какъ развитіе скотоводства не уменьшило охоты къ мясной пищѣ, такъ развитіе рабства—у тѣхъ племенъ, гдѣ существовалъ каннибализмъ—не уменьшило любви къ человѣчинѣ. «Зачѣмъ вамъ рабы, если вы ихъ не ѣдите?»—спросилъ царекъ Апинджей у одного путешественника, и этотъ вопросъ уничтожаетъ гладкія формулы соціологовъ. Этотъ вопросъ показываетъ, что рабство не замѣнило каннибализма тамъ, гдѣ онъ существовалъ, а скорѣе поддержало и глубже укоренило его.

И если бы каннибализмъ, какъ постоянная привычка, существовалъ у европейцевъ на какой-либо стадіи ихъ развитія, то безъ сомнѣнія онъ сохранился бы и до нашихъ дней. Отвергнутый религіей, моралью, принципами, онъ уцѣлѣлъ бы на практикѣ. Что могло помѣшать этому? Всѣ другія мерзости—пытки и казни, изувѣрство и нетерпимость, истязаніе дѣтей и женщинъ—сохранялись и развивались въ Европѣ; почему же эта исчезла? Если сирдаръ Китченеръ добивалъ раненыхъ подъ Омдурманомъ, проявивъ такимъ образомъ нравственность зулуса, то что могло бы помѣшать ему зажарить добитаго раненаго и угоститься котлетами изъ человѣчины, еслибъ у него была охота къ этому блюду?

Но *этой* дурной привычки никогда не было у европейцевъ, какъ и у многихъ другихъ племенъ и націй. Тамъ же, гдѣ она возникла, она развивалась, какъ мы видѣли выше, такимъ же порядкомъ, какъ и всѣ прочіе виды свирѣпости.

VIII.

Эволюція жестокости.

(Продолженіе).

Прогрессъ, какъ эволюція войны. — Прогрессъ, какъ эволюція дѣтоубійства и истязанія дѣтей.—Прогрессъ, какъ эволюція рабства женщины.—Улучшенія законодательства, какъ результатъ ухудшенія нравовъ.—Эволюція отцеубійства.

Мы занялись каннибализмомъ съ нѣкоторой обстоятельностью, потому что эта дурная привычка считается многими соціологами характерной для первобытнаго человѣчества по преимуществу: Летурно даже характеризуетъ первичную, самую раннюю фазу моральнаго развитія человѣчества необузданнымъ людоѣдствомъ. Мы видѣли, что это невѣрно, что необузданное людоѣдство выработалось и созрѣло вмѣстѣ съ другими плодами культуры.

Если же исключить эту дурную привычку изъ нравовъ первобытнаго человѣка, то останутся такія проявленія жестокости, какъ война, рабство, казни, пытки и т. п., которыя и въ изложеніи историковъ оптимистовъ оказываются относительно позднимъ явленіемъ.

Поэтому, я ограничусь лишь самымъ бѣглымъ обзоромъ этихъ формъ жестокости, предоставляя читателю самому провѣрить мои взгляды детально, — но провѣрить, соблюдая тотъ принципъ классификаціи, о которомъ говорено выше, не смѣшивая подъ общимъ, ничего не значущимъ, названіемъ «дикарей» или «варваровъ» типы, отстоящіе другъ отъ друга дальше, чѣмъ современные французы или англичане отъ древнихъ кельтовъ и бриттовъ.

Война и *воинственность*, любовь къ рѣзнѣ, дракѣ, побоищамъ, неизбѣжно вырождающаяся въ сладострастіе жестокости, были невѣдомы первобытному человѣчеству. Аргументы приведены выше и повторять ихъ незачѣмъ.

Приведемъ только еще образчикъ противорѣчій, къ кото-

рымъ приводитъ соціологовъ старая апріорная теорія «прогресса—смягченія нравовъ». Летурно въ предисловіи къ своей книгѣ «La guerre dans les diverses races humaines» объясняетъ, почему онъ озаглавилъ это произведеніе просто «La guerre» («Война»), а не «L'évolution de la guerre» («Эволюція войны»). Потому что «эволюціи» войны не было: война—фактъ первичный, состояніе войны присуще первобытному человѣку. Это сказано на первой страницѣ, а на второй мы читаемъ. «тѣмъ не менѣе у человѣка противоестественная страсть къ военной рѣзнѣ *развилась* до необычайной, исключительной степени, далеко *превзойдя* все, что можно наблюдать у животныхъ» («La guerre», p. VI).

«Развилась, «далеко превзошла», т. е. пережила продолжительную эволюцію.

Мало того, немного дальше Летурно замѣчаетъ, что первобытнымъ человѣческимъ обществамъ войны были чужды, какъ современнымъ эскимосамъ крайняго сѣвера, и что, судя по даннымъ этнографіи, «первыя войны были простыми юридическими возмездіями, обыкновенно не кровопролитными (peu sanglantes) и регламентированными, какъ дуэль».

Таковы первобытныя войны, но походы Альбы, Тилли, Наполеона и пр. совсѣмъ не таковы; стало быть, эволюція войны дѣйствительно совершалась.

Такъ фактическій изслѣдователь побиваетъ сторонника апріорной, на вѣру принятой теоріи!

Наконецъ, перейдя къ описанію войны у различныхъ племенъ, Летурно окончательно забываетъ свои замѣчанія насчетъ войны, какъ первичнаго акта, и установляетъ по крайней мѣрѣ три фазиса въ «эволюціи войны»: 1) *отсутствіе войны* въ древнѣйшій, первобытный періодъ, когда «отсутствіе соперничества за средства къ существованію дѣлало войну излишней» («La guerre», p. 50); 2) *войны юридическаго характера*, «не съ цѣлью истребленія сосѣдняго клана», а въ видахъ возмездія за обиду, имѣющія характеръ скорѣе турнира, чѣмъ войны, почти или вовсе безкровныя; и наконецъ, 3) *войны опустошительныя*, *истребительныя*, *завоевательныя*, соединенныя съ культомъ бранной забавы и всевозможными жестокостями.

Изъ современныхъ племенъ лишь очень немногія не знаютъ, не любятъ, избѣгаютъ войны: веддахи, бушмены, эскимосы, бодосы, дималы, санталы и другія горныя племена Бенгала, аины, гольды.

У огнеземельцевъ, тасманійцевъ, австралійцевъ, наиболѣе отсталыхъ папуасскихъ племенъ, нѣкоторыхъ индѣйцевъ, готтентотовъ войны бываютъ изъ за нарушенія территоріи, изъ за мести (австралійцы напр. приписываютъ смерть своихъ вождей колдовству сосѣдняго племени: поводъ къ войнѣ). Но мы еще не находимъ на этой стадіи *культа* войны: войны-спорта, войны-потѣхи, войны-благороднѣйшаго занятія и назначенія человѣка. Точно такъ-же не находимъ мы у этихъ племенъ истязанія плѣнныхъ, мучительствъ и пытокъ для забавы. У австралійцевъ войны регламентированы, какъ поединокъ, сраженія происходятъ въ заранѣе назначенныхъ мѣстахъ; если у одной стороны не хватаетъ оружія, другая снабжаетъ ее всѣмъ необходимымъ, чтобы вести бой въ равныхъ условіяхъ. Бой кончается часто безъ единой жертвы, или съ однимъ-двумя убитыми. По мнѣнію Летурно («La guerre», 51) это древній, палеолитическій типъ войны. Въ Австраліи онъ начинаетъ исчезать и «нѣкоторые кланы практикуютъ *уже* звѣрскую войну», съ засадами, обманомъ, безпощаднымъ убійствомъ,—словомъ, войну культурнаго типа. Но грубая жестокость этихъ передовыхъ представителей австралійскаго племени, считающихъ дозволительнымъ и похвальнымъ изъ мести (vendetta) убить любого представителя враждебнаго племени—мужчину, женщину, ребенка безразлично, — еще не развилась въ утонченное, гастрономическое звѣрство позднѣйшихъ стадій, такъ мѣтко охарактеризованное въ классическихъ изреченіяхъ Вишневецкаго (« *Убивайте ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ*!») и Тилли (« *Надо же солдатамъ позабавиться*! *).

У австралійцевъ однако уже являются *зачатки* культа войны: битвы между племенами устраиваются иногда повидимому просто для забавы, для развлеченія,—причемъ однако и заканчиваются безъ кровопролитія.

Низшія племена Африки—бушмены и готтентоты—также отличаются миролюбіемъ. Бушмены, загнанные, травимые, какъ дичь, культурными племенами голландцевъ, кафровъ и пр., отвѣчаютъ иногда на это нападеніями и грабежами. У готтентотовъ войны бываютъ, но играютъ второстепенную роль въ

---

*) Слова, сказанныя по взятіи Магдебурга, когда къ Тилли обратились съ просьбой прекратить звѣрства ландскнехтовъ, которые насиловали женщинъ и дѣвушекъ; швыряли младенцевъ въ огонь или, вздѣвъ на копья, поджаривали какъ на вертелѣ; сжигали церкви съ укрывшимся въ нихъ населеніемъ и проч., и проч.

ихъ жизни и имѣютъ оборонительной характеръ. Только кафры уже вошли во вкусъ войны.

На болѣе поздней стадіи развитія: у воинственныхъ южноамериканскихъ племенъ, у большинства сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, у кафровъ, у полинезійцевъ мы встрѣчаемъ уже настоящій культъ войны. Война прославляется въ пѣсняхъ, гимнахъ, сказкахъ, въ произведеніяхъ устной и письменной литературы. Война становится назначеніемъ «благороднаго» человѣка; мирный трудъ — занятіе презрѣнное, удѣлъ «бабъ», рабовъ, простонародья. Появляются военные трофеи: скальпы, отрѣзанные носы, уши, половые органы («фаллотомія» у древнихъ евреевъ, египтянъ, современныхъ абиссинцевъ), головы, ожерелья изъ зубовъ, челюстей, череповъ и т. п. Позднѣе они замѣняются болѣе приличными символами побѣды (знамена, орлы и проч.), что къ сожалѣнію не смягчаетъ военныхъ звѣрствъ. Съ культомъ войны связано появленіе наслѣдственныхъ вождей, зачатковъ аристократіи, рабства и т. п., равно какъ и пытокъ, истязаній, «забавъ» въ смыслѣ Тилли (истязанія плѣнныхъ у краснокожихъ, военныя свирѣпости у кафровъ, фиджійцевъ, дагомейцевъ и т. п.).

«Долгая практика войны» создаетъ «инстинкты разрушенія; убиваютъ ради убійства, вредятъ безъ надобности, изъ удовольствія вредить» (Letourneau. «La guerre», p. 52). Словомъ, это новый рядъ чувствъ, новое психическое состояніе, непонятное и недоступное эскимосу, готтентоту, австралійцу, которые если и берутся за оружіе, то лишь скрѣпя сердце.

Отъ стадіи краснокожихъ, кафровъ, полинезійцевъ до новѣйшихъ временъ, культъ войны господствуетъ и расцвѣтаетъ у культурнѣйшихъ націй въ культурнѣйшія эпохи ихъ развитія. Индѣецъ прославляетъ военныя доблести и презираетъ того, кто ни разу не отличился въ бою; зулусъ восхваляетъ свирѣпость своего Наполеона: «О, владыко земли и неба, ты теменъ, какъ ночь, и возвышаешься, какъ гора, пожирая другихъ!»; полинезіецъ хвалится своей свирѣпостью: «мое знамя... приводитъ всѣхъ въ трепетъ и ужасъ... О! это знамя гнѣва, знамя необузданнаго бѣшенства, сокрушающаго и побѣждающаго враговъ!»

Рагнаръ Лодброгъ въ знаменитой пѣснѣ излагаетъ profession de foi средневѣковой Европы: «Скучно жить тому, кто не раненъ въ бояхъ. Человѣкъ долженъ идти на человѣка, долженъ нападать, долженъ отражать». Англійское общество восторгается героемъ, который:

... «убьетъ шесть или семь дюжинъ шотландцевъ и, умывъ потомъ руки, говоритъ за завтракомъ женѣ: «не по сердцу мнѣ такая мирная жизнь; мнѣ нужна работа!»—«Кроткій мой Гарри,—спрашиваетъ жена,—сколько человѣкъ убилъ ты сегодня?»—«Напоить мою буланую лошадь!»—крикнетъ онъ въ отвѣтъ женѣ, а потомъ, часъ спустя прибавитъ: «Пустяки, всего штукъ четырнадцать, не больше... Сущая бездѣлица!»

Не мудрено, что такой законченный душегубъ являлся зеркаломъ, въ которое глядѣлись

Всѣ юноши, стараясь подражать
Въ достоинствахъ ему и недостаткахъ...
Въ немъ образцомъ служило все: походка,
Обычаи, привычки боевыя
И развлеченія, не исключая
Неровностей его крутого нрава.
Онъ разомъ былъ и книгою, и снимкомъ,
И зеркаломъ, и отраженьемъ сходство
Съ нимъ цѣну и значенье придавало!
Онъ чудомъ былъ между людьми, достройнымъ
Восторженныхъ похвалъ и поклоненій *).

Наконецъ Лермонтовъ усматриваетъ въ чудовищномъ душегубствѣ Наполеона I «ризу чудную могущества и славы, которой васъ (французовъ) онъ одѣвалъ».

Читатель не затруднится прибавить къ этимъ цитатамъ сотни другихъ.

Аксессуарная часть войны—всевозможныя мучительства—возникнувъ на стадіи индійцевъ, кафровъ, полинезійцевъ — также развивается. Въ примѣръ образцовой свирѣпости приводятся соціологами всегда одни и тѣ-же племена: дагомейцы, ашантіи, фиджійцы, новозеландцы, новокаледонцы, древніе мексиканцы и т. п. высшіе типы такъ называемой варварской цивилизаціи. Но у тѣхъ же Летурно («La guèrre dans les diverses races». Paris, 1895), Гельвальдовъ и т. п. вы найдете заявленія въ томъ смыслѣ, что «нѣтъ ничего свирѣпѣе» войнъ древне-восточныхъ деспотовъ, войнъ античныхъ, войнъ европейскихъ эпохи Кортецовъ, Альбъ, Тилли и пр.

Въ главѣ «Эпоха избіенія младенцевъ» мы соберемъ не-

---

*) Шекспиръ „Генрихъ IV„—Пѣсня Рагнара Лодброга цитируется у Тьерри. „Исторія завоеванія Англіи норманнами“, т. 1, с. 82. Образчики полинезійскихъ и кафрскихъ гимновъ у Крживицкаго, „Антропологія“.

большой букетъ фактовъ, показывающихъ, что европейское завоеваніе превзошло гнусной жестокостью, холоднымъ бездушіемъ и абсолютной безсовѣстностью все ранѣе извѣстное въ этомъ отношеніи; здѣсь же не будемъ вдаваться въ подробности. Во всякомъ случаѣ изученіе современныхъ племенъ вполнѣ гармонируетъ съ мнѣніемъ, отрицающимъ существованіе войны у первобытныхъ людей. У низшихъ типовъ человѣчества война и теперь отсутствуетъ; у болѣе культурныхъ, но еще не вышедшихъ изъ стадіи племени-общины, имѣетъ случайный характеръ; и лишь у высшихъ типовъ мы находимъ *культъ* войны со всѣми послѣдствіями: разгулъ свирѣпости, истязанія для забавы.

Дѣтоубійство отсутствуетъ у первобытнѣйшихъ веддаховъ. Насчетъ ближайшихъ къ нимъ племенъ — бушменовъ, огнеземельцевъ, эскимосовъ и пр.—данныя болѣе скудны; повидимому однако у этихъ дикарей дѣтоубійство или вовсе отсутствуетъ, или имѣетъ случайный характеръ (убійство уродливыхъ новорожденныхъ, убійство одного изъ близнецовъ). *Систематическое* дѣтоубійство существуетъ отъ стадіи австралійцевъ до современныхъ европейцевъ включительно (см. вышесообщенныя данныя Ад. Бертильона), такъ что говорить объ улучшеніи нравовъ въ этомъ отношеніи не приходится. Какъ видимъ, фактическія данныя этнографіи и въ этомъ случаѣ по меньшей мѣрѣ не противорѣчатъ нашей теоріи прогресса.

Истязаніе дѣтей. Этнографы говорятъ намъ объ отсутствіи жестокихъ наказаній у веддаховъ, бушменовъ, эскимосовъ, аиновъ, алеутовъ, австралійцевъ, папуасовъ, у всѣхъ дикарей сѣверной Америки отъ Гренландіи до Огненной Земли включительно (исключеніе составляли только цивилизаціи Перу и Мексики), у австралійцевъ, папуасовъ, бушменовъ, у многихъ сибирскихъ инородцевъ.

Даже у воинственныхъ дикихъ племенъ мы находимъ лишь зачатки будущей системы истязанія дѣтей въ формѣ упоминавшагося уже «испытанія» выносливости и мужества юношей или отроковъ голодомъ и болѣе или менѣе мучительной болью. Но эти испытанія практикуются уже въ отроческомъ или юношескомъ возрастѣ и имѣютъ общественный характеръ, собственно-же тѣлесныхъ наказаній не примѣняется у громаднаго большинства дикихъ племенъ. Австралійцы «никогда не наказываютъ дѣтей»; то-же мы находимъ у большинства негритянскихъ племенъ; у большинства меланезійцевъ и поли-

незійцевъ, гдѣ дѣти «получаютъ извѣстное практическое воспитаніе, но не испытывая ни малѣйшаго принужденія». Южноамериканскіе дикари (патагонцы, арауканы, карайбы и пр.) не только не наказываютъ, но и не бранятъ дѣтей, удовлетворяютъ ихъ малѣйшія желанія и «готовы терпѣть ради нихъ всевозможныя лишенія»; сѣверо-американскіе индѣйцы никогда не примѣняютъ тѣлесныхъ наказаній, только племена, обращенныя въ христіанство европейцами, восприняли розгу въ числѣ прочихъ благъ культуры.

Вообще, до распространенія европейцевъ по бѣлу свѣту, на значительномъ протяженіи земного шара господствовала система воспитанія, которую мы, люди конца XIX вѣка, считаемъ идеаломъ, пока еще далеко не достигнутымъ: воспитаніе безъ принужденія, безъ насилія, безъ наказаній и безъ побоевъ. Она господствовала въ Америкѣ отъ Гренландіи до Огненной Земли, исключая лишь цивилизаціи Центральной Америки, въ Австраліи, и у многихъ племенъ Африки, Азіи, Меланезіи и Полинезіи.

Только съ распространеніемъ европейской культуры весь земной шаръ огласился свистомъ розги.—Розга одинъ изъ плодовъ просвѣщенія, принесенный европейцами дикарямъ, и эпоху послѣднихъ 4 столѣтій можно назвать «Эпохой Всемірнаго Сѣченія Дѣтей».

Только у высшихъ культурныхъ племенъ и націй, до европейцевъ недавняго времени включительно, мы находимъ *систематическое истязаніе*, какъ основу и суть воспитанія отъ самыхъ раннихъ лѣтъ до зрѣлости. Сокрушай ребра, нагибай выю его съ юности—принципы эти всѣмъ извѣстны, равно какъ и богатый списокъ наказаній, лишь нынѣ изгоняемыхъ изъ школьнаго и семейнаго обихода.

Какъ видимъ, и здѣсь совершалась эволюція, гармонирующая съ нашей схемой.

Что касается «преступныхъ», т. е. недозволенныхъ закономъ или обычаемъ, истязаній или убійствъ, то здѣсь невозможно построить какую-либо схему. Мы знаемъ, что «противуестественные отцы и матери» попадаются у дикарей; мы знаемъ изъ судебныхъ процессовъ или изъ такихъ изслѣдованій, какъ «Противуестественныя матери» Ферріани, что онѣ не рѣдкость и въ нашемъ обществѣ. Гдѣ ихъ больше? Ферріани говоритъ, что это явленіе гораздо болѣе обычное, чѣмъ думаютъ, потому что лишь незначительное число истязателей попадаетъ подъ судъ (въ книгѣ его фигурируютъ матери,

прижигающія дѣтей каленымъ желѣзомъ, заставляющія ихъ ѣсть нечистоты въ наказаніе за неопрятность, втыкающія булавки въ тѣло и т. п.),—и постепенное учащеніе подобныхъ процессовъ подтверждаетъ его выводъ. Но точной статистики для настоящихъ и прошлыхъ временъ въ этомъ отношеніи нѣтъ и быть не можетъ.

Теоретически же ясно, что истязаніе, введенное *въ систему*, въ повседневный обиходъ, въ родительскую обязанность, должно было à la longue развращать людей и принимать у отдѣльныхъ лицъ патологическій, противоестественный характеръ. По мѣрѣ того какъ воспитаніе принимало все болѣе и болѣе жестокій характеръ, по мѣрѣ того какъ жестокость въ отношеніи дѣтей внѣдрялась въ натуру человѣка, должны были учащаться и крайнія проявленія жестокости, возрастать процентъ преступныхъ, «противоестественныхъ» родителей.

Повторяемъ, этотъ выводъ теоретическій, но онъ неизбѣжно вытекаетъ изъ *факта*, установленнаго точными изслѣдованіями: факта *отсутствія истязаній въ первобытномъ* воспитаніи дѣтей и *систематическаго истязанія, какъ основы культурной педагогіи*. (Ср. Letourneau. «L'évolution de l'éducation». Paris, 1898).

Угнетеніе женщинъ. Систематическое истязаніе женщинъ начинается очень рано; вѣроятно у большинства племенъ онѣ первыя испытали на себѣ послѣдствія начавшагося подъ вліяніемъ войны огрубѣнія нравовъ и явились первыми рабами. Мягкое обращеніе съ женами мы находимъ у веддаховъ, у первобытныхъ монголовъ, описанныхъ Лаперузомъ, у бушменовъ, у наиболѣе дикихъ племенъ готтентотовъ (у болѣе культурныхъ уже развивается купля-продажа женщинъ), у эскимосовъ, у аиновъ: все, какъ видимъ, первобытнѣйшія племена. У австралійцевъ жена уже раба мужа, и побои составляютъ основу семейнаго счастья; то-же мы находимъ у большинства племенъ и націй на всѣхъ послѣдующихъ стадіяхъ культуры. У негровъ Габуна «въ каждой хижинѣ виситъ плетка для поученія жены»; у нашихъ предковъ въ каждомъ теремѣ имѣлась плеть для той-же цѣли, почему-то носившая названіе «дуракъ» *). *Систематическое* истязаніе, возведенное въ правило, въ принципъ, въ священный долгъ и обязанность мужа, —такъ можно охарактеризовать отношеніе къ женщинѣ, практикуемое болѣе или менѣе культурными расами отъ высшихъ

*) Костомаровъ. „Очеркъ домашней жизни и нравовъ велик. народа".

типовъ негритянской расы до европейцевъ недавняго времени. Негры не бьютъ, а «учатъ» женъ, чтобы внушить имъ правила добродѣтели; тотъ-же способъ обученія рекомендуется кодексомъ Бомануара, Домостроемъ, поученіями старыхъ моралистовъ...

„Бей бабу, бей!
Дуру бабу бей!
На свой обычай
Переворочай!“

Вотъ формула семейнаго счастья, созданная культурой воинствующаго человѣчества. Я слѣдую мнѣнію Спенсера, который приписываетъ торжество этого принципа разлагающему вліянію войнъ, перенесшихъ привычку бить и гнуть въ нѣдра семьи и развившихъ презрѣніе къ женщинамъ, большею частью не участвовавшимъ въ войнахъ. Спенсеръ подкрѣпляетъ свой взглядъ сравненіемъ семейнаго быта воинствующихъ и мирныхъ племенъ. Но у насъ есть болѣе прямое и общее доказательство ухудшенія женской участи съ развитіемъ культуры.

Какъ бы ни были преувеличены теоріи первобытной «гинекократіи», древняго владычества женщинъ (я разумѣю взгляды Бахофена и его послѣдователей), но и самые крайніе противники этихъ теорій, какъ напр. Летурно, не могутъ отрицать, что съ такъ называемой материнской семьей были связаны довольно существенныя права женщинъ и въ домашнемъ бытѣ, и въ общественной жизни. Стараясь всячески умалить значеніе матріархата въ этомъ смыслѣ, Летурно все-таки приходитъ къ заключенію, что «материнская семья даетъ обыкновенно женщинамъ и матерямъ болѣе или менѣе серьезныя преимущества» *). Относительную свободу и равноправность женщинъ въ Древнемъ Египтѣ, въ Абиссиніи, у туареговъ, наировъ и друг. онъ объясняетъ именно остатками материнской семьи.

Слѣды же материнской семьи онъ находитъ у всѣхъ племенъ и націй земного шара, кромѣ персовъ. Вездѣ она предшествовала отцовской (патріархальной) семьѣ, уничтожившей всѣ преимущества, связанныя съ первой, и «освятившей рабство женщины».

Въ настоящее время многіе изслѣдователи (Старке, Вестермаркъ и др.) высказываются въ пользу различнаго происхожденія семьи у различныхъ народностей. У однихъ материнская

*) Letourneau. „Evolution du mariage“, Paris, 1888. p. 410.

семья не заходила дальше простого счета по матери (материнскій родъ), у другихъ принимала форму настоящаго матріархата, почти «гинекократіи». Но во всякомъ случаѣ отцовская семья съ полновластнымъ владыкой-мужемъ и полнымъ порабощеніемъ женщины вездѣ, у всѣхъ племенъ и расъ, явилась финаломъ, увѣнчаніемъ долгаго процесса развитія. На этотъ счетъ всѣ изслѣдователи согласны. А отцовская семья—максимумъ подчиненія женщины. Даже при самыхъ несовершенныхъ формахъ материнскаго рода положеніе женщины было легче, чѣмъ позднѣе, при патріархатѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе обычаи и обряды, сохранившіеся напр. у крестьянъ (русскихъ и инородцевъ) и свидѣтельствующіе о преобладающей роли матери въ семейныхъ дѣлахъ, объ ограниченіи власти мужа родичами жены, о почестяхъ, воздававшихся родоначальницамъ, о большей свободѣ женщинъ и пр. «Утративъ свои права въ дѣйствительной жизни, женщина сохраняетъ ихъ въ обрядахъ, исполняемыхъ въ силу традиціи, но возникновеніе которыхъ слѣдуетъ отнести къ отдаленной древности, къ другому порядку родственной, семейной и общественной организаціи». (Харузинъ. «Очерки первобытнаго права. I. Семья и родъ». Москва, 1898. Стр. 95) *).

Такимъ образомъ, по единогласному свидѣтельству изслѣдователей, исторія семьи есть исторія порабощенія женщины.

Сопоставивъ этотъ общій фактъ съ данными относительно перечисленныхъ выше наиболѣе первобытныхъ племенъ (веддахи и пр.), мы приходимъ къ убѣжденію, что первыя ступени прогресса сопровождались эволюціей рабства женщины. Этнографія даетъ достаточное основаніе къ такому мнѣнію.

Ну, а дальше что было? Улучшалось ли положеніе женщины въ крупныхъ аггрегатахъ, въ древне-восточныхъ, античныхъ, европейскихъ государствахъ?

Петруччіо (въ «Усмиреніи строптивой») такъ характеризуетъ положеніе женщины въ его эпоху:

„Ты—собственность моя, я—твой владыка.
Моя земля ты, домъ и дворъ, посуда,

*) Г. Харузинъ высказывается противъ крайностей Бахофена, Моргана и др. и съ большимъ скептицизмомъ относится къ мнѣнію о преимуществахъ материнской семьи; однако изъ приводимыхъ имъ фактовъ видно, что женщинамъ во всякомъ случаѣ было легче и вольнѣе въ болѣе древнихъ организаціяхъ, чѣмъ въ отцовской семьѣ (ср. l. c. стр. 88, 92, 95, 103, 105, 114).

Ты—поле, житница, моя ты лошадь,
Мой волъ, оселъ—ну, словомъ, все мое!"

И подтверждаетъ это практическими доказательствами, истязая жену голодомъ и безсонницей до превращенія ея въ рабыню, готовую по его приказу называть солнце мѣсяцемъ, старика дѣвицей, кривляться или читать проповѣди и т. п.

Летурно опровергаетъ Петруччіо, характеризуя постепенное улучшеніе женской участи слѣдующей формулой:

«Начавъ съ положенія вьючнаго скота, домашняго животнаго, женщина становится невольницей, затѣмъ служанкой, затѣмъ подданной мужа, наконецъ несовершеннолѣтней» *).

Эта формула, этотъ наборъ словъ—очень характерный, типичный образчикъ ходячихъ, легкозапоминаемыхъ, портативныхъ формулъ и схемъ прогресса, которыя держатся тѣмъ упорнѣе, чѣмъ легче ихъ затвердить.

Разберите, что собственно значатъ эти слова: *домашнее животное—невольница—служанка — подданная — несовершеннолѣтняя?* Что такое невольникъ, какъ не человѣкъ, поставленный въ положеніе домашняго животнаго? Что такое подданный на извѣстной стадіи общественнаго развитія, какъ не рабъ, домашнее животное и слуга,—все вмѣстѣ? Нѣмецкіе корольки прошлаго столѣтія—напр. ганноверскіе—продавали своихъ подданныхъ на убой заграницу, поставляли «пушечное мясо» воинственнымъ государямъ,—какъ охарактеризовать положеніе этихъ подданныхъ? А положеніе несовершеннолѣтняго при господствѣ извѣстныхъ воззрѣній («мое дитя! хочу съ кашей ѣмъ» и проч.) развѣ не является состояніемъ раба, подданнаго и по просту вещи?

А Летурно ставитъ эти слова рядкомъ, точно они имѣютъ какой-нибудь опредѣленный, законченный *объективный* смыслъ и выражаютъ реальное улучшеніе женской участи.

На дѣлѣ-то Петруччіо былъ правъ! Съ того момента, какъ отцовская семья «освятила»—по выраженію Летурно—«рабство женщины», положеніе этой послѣдней оставалось по существу одинаковымъ на всѣхъ дальнѣйшихъ ступеняхъ цивилизаціи (исключая немногіе и притомъ древнѣйшіе типы, вродѣ Египта, сохранившіе остатки материнской семьи), вплоть до Европейской XVI—XVII вѣка. Это—положеніе вещи, «res», которой мужъ владѣетъ, какъ своей собственностью.

*) Летурно. „Соціологія", изд. Павленкова. Спб. 1896, стр. 112.

А «dominium est jus utendi et *abutendi* re sua» *), говоритъ римское право.

Европеецъ эпохи Петруччіо имѣлъ право сдѣлать изъ своей жены хозяйку, служанку, работницу, куклу, одалиску—какъ ему заблагоразсудится. Могъ держать подъ замкомъ, могъ и выпускать на волю. Могъ бить кулакомъ, плетью, палкой—только не до смерти, не убивая на мѣстѣ. Но онъ имѣлъ полную возможность усахарить ее до смерти или принудить побоями къ постриженію въ монастырь, что и случалось весьма нерѣдко. Право безконтрольнаго наказанія фактически есть право жизни и смерти, т. е. максимумъ обладанія.

Итакъ, европеецъ пользовался фактическимъ правомъ жизни и смерти надъ женой, а насколько онъ практиковалъ это право, можно судить уже потому, что теперь, въ наше время, когда положеніе женщинъ значительно улучшилось, и законъ даетъ имъ серьезныя гарантіи и возможность искать и находить судъ и защиту,—теперь въ культурнѣйшихъ государствахъ ежегодно возникаютъ тысячами дѣла о жестокомъ обращеніи и истязаніи женъ. Что же было въ XVI—XVII вѣкѣ, когда мораль *предписывала* жестокое обращеніе, законъ *разрѣшалъ* вгонять побоями въ гробъ, а нравы выносили и одобряли изысканнѣйшія пытки и страшнѣйшія казни?

Напомню еще разъ, что судить о нравственномъ состояніи человѣчества нужно по его *дѣламъ*, по даннымъ быта, фактамъ жизни. Не мало грубыхъ ошибокъ происходитъ оттого, что историки заключаютъ объ улучшеніи нравственнаго состоянія людей по успѣхамъ отвлеченной морали или улучшенію законовъ и т. п. Въ Европѣ законъ воспрещаетъ дѣтоубійство; тѣмъ не менѣе оно практикуется систематически; стало быть, европейцы ничуть не выше въ этомъ отношеніи любого изъ древнихъ или варварскихъ народовъ.

Мало того, улучшенія законовъ—какъ-бы это ни казалось страннымъ на первый взглядъ—очень часто служатъ доказательствомъ *ухудшенія* нравовъ, пониженія моральнаго уровня. Извѣстный минимумъ альтруизма необходимъ для существованія общества; и когда свирѣпость, необузданный произволъ, угнетеніе грозятъ уничтожить даже этотъ минимумъ и привести къ полному разложенію общества,—послѣднее спохватывается и пытается ввести расходившееся звѣрство хоть въ какія ни-

*) „Владѣніе есть право пользованія и *злоупотребленія* своей вещью".

будь рамки. Такъ, въ Римѣ цезарей отношеніе господъ къ рабамъ утратило всякій слѣдъ человѣчности: рабовъ давятъ, какъ таракановъ, пытаютъ забавы ради, бросаютъ живьемъ на съѣденіе муренамъ и проч.; возстанія рабовъ становятся хроническими, грозятъ существованію государства... Сознаніе вѣчно грозящей опасности начинаетъ тревожить правящій классъ; сенатъ отклоняетъ проектъ объ особой одеждѣ для рабовъ, такъ какъ, получивъ особую одежду, они могутъ пересчитать господъ. Сначала республика думаетъ умалить опасность, усиливая строгости: за убійство господина начинаютъ казнить всѣхъ рабовъ, находившихся подъ одной кровлей съ убійцей. Но глупость этой мѣры, способной только усилить раздраженіе и усугубить опасность, скоро становится очевидной для всѣхъ. Издается рядъ законовъ, пытающихся ограничить произволъ и тиранію господъ. Однако историки хоть и усматриваютъ въ этихъ законахъ доказательство гуманнаго направленія Нерона, Тиверія и т. п., но признаются, что фактическое положеніе рабовъ очень мало улучшилось отъ гуманныхъ мѣръ, не затрагивавшихъ сути дѣла, самаго источника жестокости. И во всякомъ случаѣ никто не скажетъ, что положеніе рабовъ въ этотъ періодъ было лучше, чѣмъ въ Гомеровскую эпоху, не знавшую никакихъ гуманныхъ законовъ.

Успѣхи отвлеченной морали, улучшенія законодательства надо всегда сличать съ данными быта, чтобы судить объ ихъ значеніи.

У кабиловъ (въ Алжирѣ) женщинамъ предоставлено «право возстанія», т. е. право уйти отъ мужа, когда его жестокость превосходитъ всякую мѣру. У сосѣднихъ арабскихъ племенъ такого права нѣтъ. Можно бы думать, что кабилы опередили сосѣднія племена по части уваженія къ женщинѣ. Наоборотъ, у нихъ она лишена всякихъ правъ и порабощена мужемъ, въ отличіе отъ сосѣднихъ племенъ, у которыхъ женщины пользуются нѣкоторой свободой, имущественными правами и проч. *). Но крайняя степень порабощенія у кабиловъ заставила принять хоть какую нибудь мѣру противъ черезчуръ звѣрскихъ послѣдствій этого порабощенія.

Въ средніе вѣка шальная, хроническая рѣзня заставила церковь установить такъ называемый «Божій миръ»—дни, въ которые запрещалось сражаться. Есть историки, которые усматриваютъ въ этомъ успѣхъ идеи мира (Комаровскій. Успѣхи идеи мира, с. 20), не замѣчая, что эта мѣра, напротивъ, вы-

*) Letourneau. „Evol. du mariage".

звана была хронической, грозившей самому существованію общества, достигшей апогея рѣзней.

Итакъ, обращаясь къ даннымъ быта, мы видимъ, что рабство женщины, установившееся на сравнительно поздней ступени развитія (какъ показываютъ остатки материнской семьи у современныхъ племенъ), не улучшается и въ Европѣ до послѣднихъ столѣтій.

Мало того, Европа ухудшила его, взваливъ на женщину добавочный грузъ: служеніе добродѣтели. Древнія цивилизаціи болѣе или менѣе равнодушно относились къ половой распущенности собственно, карая лишь нарушеніе права собственности мужа. Сохранивъ право собственности, европеецъ прибавилъ къ нему обѣтъ цѣломудрія, обязательный однако лишь для женщины. Уваженіе къ добродѣтели побудило его взвалить отвѣтственность за грѣхъ исключительно на слабыхъ, невинныхъ и наименѣе виновныхъ. Какъ бы ни относиться къ этому съ точки зрѣнія половой морали собственно, но съ точки зрѣнія гуманности отношеніе европейцевъ къ женщинамъ является болѣе жестокимъ, менѣе человѣчнымъ, чѣмъ отношеніе древнихъ цивилизацій.

Здѣсь не лишнее будетъ указать на книжку Энгельса: «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства». Энгельсъ (мнѣнія котораго тождественны съ мнѣніями Маркса)— представитель теоріи историческаго матеріализма. Всѣмъ извѣстны формулы «экономическаго основанія» и «политическихъ, юридическихъ и проч. надстроекъ». Опредѣляющимъ факторомъ исторической жизни является война за утробные интересы, борьба классовъ, ожесточенная, безпощадная, въ которой всѣ средства хороши. Такъ совершалась исторія со времени разложенія первобытныхъ общинъ. Результатомъ должно было явиться постепенное пониженіе нравственнаго уровня людей, эволюція всѣхъ формъ жестокости, алчности и подлости. Но большинство послѣдователей Маркса и Энгельса не принимаютъ этого вывода: быть послѣдовательнымъ и доходить до конца не такъ-то легко! Сами Энгельсъ и Марксъ не задавались задачей прослѣдить этическое развитіе человѣчества; но, поскольку они затрагивали этотъ предметъ, ихъ выводы вполнѣ гармонируютъ съ излагаемымъ здѣсь воззрѣніемъ. Такъ, Энгельсъ излагаетъ исторію семьи, какъ эволюцію рабства женщины.

«Представленіе о томъ, будто бы женщина при возникновеніи общественнаго строя была рабою мужчины, есть одна изъ самыхъ нелѣпыхъ идей... у всѣхъ дикарей женщина нетолько свободна, но даже занимаетъ почетное положеніе» (II. с., стр. 53).

Работа, возложенная на женщинъ, вовсе не свидѣтельствуетъ объ ихъ угнетеніи: «племена, у которыхъ женщины принуждены работать гораздо больше, чѣмъ сколько имъ слѣдуетъ работать по нашему представленію, на самомъ дѣлѣ часто относятся къ женщинѣ съ несравненно бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ европейцы». (Ib. 54).

«Отмѣна материнскаго права была *всемірно историческимъ низложеніемъ женщины*. Мужчина завладѣлъ браздами правленія въ домѣ; женщина была лишена своего почетнаго положенія, обращена въ содержанку, въ рабу прихоти мужчины» (Ib. 64).

Что принесла съ собою отцовская семья? «Право невѣрности» для мужа и «болѣе строгое, чѣмъ прежде», наказаніе женіной невѣрности; «укоренившееся со времени моногаміи грубое обращеніе съ женщинами»; «продажу дѣтей отцомъ—первый плодъ моногаміи»; фабрикацію евнуховъ для охраны женщинъ; преслѣдованіе половой свободы, которое однако «нисколько не тяготѣетъ на причастныхъ къ дѣлу мужчинахъ, но лишь на однѣхъ женщинахъ».

Энгельсъ иллюстрируетъ свои положенія примѣромъ Греціи, различая три эпохи: древнѣйшую, отразившуюся въ миѳологіи, когда женщина еще занимала сравнительно свободное и уважаемое положеніе, героическую, когда «мы находимъ ее (женщину) уже униженною преобладаніемъ мужа и конкурренціей невольницъ», но когда она все же «пользовалась бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ женщина третьяго періода: періода цивилизаціи».

Но исторія любой націи являетъ ту же картину: Китай, гдѣ рабство женщины осуществилось постепенно къ эпохѣ Конфуція; Индія, гдѣ положеніе ея было несравненно вольготнѣе въ эпоху Ведъ, чѣмъ въ позднѣйшую эпоху Ману; Египетъ, гдѣ остатки материнскаго права исчезали очень медленно, но все таки исчезали; Мексика и Перу, законы которыхъ сохранили слѣды бывшаго материнскаго права; мусульманскія государства, если сравнить ихъ съ бытомъ номадовъ-бедуиновъ, у которыхъ женщина фактически почти равна мужчинѣ; античныя цивилизаціи; европейскія, если сравнить положеніе женщины у древнихъ славянъ, германцевъ, кельтовъ и пр. съ эпохой Бомануара или Сильвестра.

Единственнымъ исключеніемъ является непродолжительный періодъ цезарей въ Римѣ, когда самая распущенность, дошедшая до полной разнузданности нравовъ, привела къ извѣстнымъ льготамъ для женщинъ.

Равнымъ образомъ у всѣхъ рѣшительно племенъ и націй сохранились, какъ уже упомянуто, обряды, обычаи, свидѣтельствующіе объ исчезнувшемъ материнскомъ правѣ, соединявшемся если не съ почетнымъ и вліятельнымъ, то съ *менѣе* униженнымъ и безправнымъ положеніемъ женщины.

Но если такъ, то одного этого факта уже достаточно для подтвержденія нашей теоріи прогресса. Угнетеніе женщины— школа жестокости болѣе общая, чѣмъ рабство (потому что рабовъ имѣютъ не всѣ члены общества). И если изслѣдованіе фактовъ приводитъ къ заключенію, что это угнетеніе осуществилось, какъ продуктъ цивилизаціи; что лишь въ концѣ долгаго историческаго процесса одна половина рода человѣческаго поработила другую, то это одно заставляетъ сказать: «прогрессъ былъ эволюціей жестокости».

Отцеубійство и покиданіе стариковъ. «Дикарямъ», «первобытнымъ людямъ» ставятъ въ укоръ возмутительный обычай отдѣлываться отъ стариковъ (также больныхъ, слабыхъ), убивая ихъ или бросая на произволъ судьбы.

Летурно даже излагаетъ относящіеся сюда факты въ главѣ о «morale bestiale», т. е. морали, которая, по его мнѣнію, характеризуетъ первобытнѣйшее человѣчество.

Разсмотримъ эти факты.

Покиданіе дряхлыхъ стариковъ на произволъ судьбы мы находимъ у *бушменовъ*, *эскимосовъ*, *якутовъ*, *готтентотовъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстные и достойные вѣры изслѣдователи говорятъ намъ о мягкихъ нравахъ этихъ племенъ, объ ихъ заботливости и вниманіи къ *старикамъ*, больнымъ, раненымъ товарищамъ. Какъ объяснить это противорѣчіе? Кропоткинъ объясняетъ случайное покиданіе стариковъ безвыходнымъ положеніемъ *). Небольшая орда, существованіе которой зависитъ отъ быстроты передвиженія, въ голодную минуту, когда гибель грозитъ всѣмъ, оставляетъ, скрѣпя сердце, дряхлаго или слабого (такъ поступаютъ и европейцы при подобныхъ же обстоятельствахъ), тѣмъ болѣе, что, при глубокой, доходящей до самоотверженія солидарности дикарей, самъ старикъ или больной требуетъ этого, не желая служить обузой для товарищей. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ культуры и огрубѣніемъ нравовъ, это явленіе, вначалѣ случайное и вызываемое печальной необходимостью, могло у нѣкоторыхъ племенъ принять систематическій характеръ. И точно, *систематическое* по-

*) „L'assistance mutuelle chez les sauvages". „R. Sc." 1891. I. № 24.

киданіе или убійство стариковъ мы встрѣчаемъ у культур нѣйшихъ племенъ эскимосскаго типа: чукчей, коряковъ, камчадаловъ—убійство стариковъ съ ихъ согласія и по ихъ требованію; у кафровъ-мачаписовъ; у нутка-колумбійцевъ съ ихъ далеко зашедшей общественной дифференціаціей (покиданіе стариковъ на голодную смерть даже при обиліи съѣстныхъ припасовъ); у новокаледонцевъ, фиджійцевъ, баттовъ (племя, имѣющее литературу, законы, всеобщее обученіе)—убійство и съѣданіе стариковъ съ согласія послѣднихъ.

Къ этимъ немногимъ племенамъ, быть можетъ, можно прибавить еще нѣсколько, если поискать хорошенько; но вообще это явленіе оказывается крайне рѣдкимъ; у громаднаго большинства дикихъ племенъ мы находимъ почтеніе и вниманіе къ старикамъ, заботливость о больныхъ и раненыхъ.

Такимъ образомъ «систематическое отцеубійство»—явленіе гораздо болѣе исключительное, чѣмъ даже каннибализмъ, и еще менѣе годится для общей характеристики какой либо стадіи морали.

Тѣмъ не менѣе оно подтверждаетъ нашъ взглядъ на прогрессъ, какъ «эволюцію жестокости». Какъ мы сейчасъ видѣли, систематическое убиваніе или забрасываніе стариковъ существуетъ лишь у сравнительно культурныхъ или высококультурныхъ племенъ.

Что касается случайныхъ явленій въ этомъ родѣ, то безъ сомнѣнія они знакомы не только бушменамъ, но и всѣмъ племенамъ и націямъ. Во всякомъ случаѣ въ той формѣ, какъ мы встрѣчаемъ ихъ у бушменовъ, они не свидѣтельствуютъ о жестокости этихъ послѣднихъ и о возмутительномъ отношеніи къ старымъ и слабымъ.

Случайныя отцеубійства и обиды, наносимыя старикамъ, не составляютъ рѣдкости и въ Европѣ (вспомнимъ «Короля Лира»). Исторія феодальныхъ родовъ—Меровинговъ, Каролинговъ, Плантагенетовъ и проч.—кишитъ отце-, сыно-, брато-, дяде- и проч. убійствами. Кто сравнитъ семейные нравы средневѣковой (да и новѣйшей) Европы съ нравами хотя бы тѣхъ же бушменовъ, тотъ будетъ знать, какого мнѣнія ему держаться на этотъ счетъ!

Итакъ, семейные нравы—поскольку они выражаются въ такихъ явленіяхъ, какъ *дѣтоубійство*, *истязаніе дѣтей*, *угнетеніе женщинъ*, *отцеубійство*—обнаруживаютъ ту же эволюцію жестокости, какъ и *людоѣдство* и *война*.

IX.

Эволюція жестокости.

(Окончаніе).

Прогрессъ, какъ эволюція изувѣрства.—Прогрессъ, какъ эволюція суевѣрія.—Прогрессъ какъ эволюція рабства, деспотизма, пытокъ и казней.—Заключеніе.

Переходимъ теперь къ такимъ формамъ жестокости, позднаго (сравнительно) появленія которыхъ въ исторіи человѣчества ни одинъ историкъ не оспариваетъ. Я разумѣю изувѣрство, рабство, деспотизмъ, пытки, казни.

Подъ общимъ терминомъ «изувѣрство» я соединю *жестокіе погребальные обряды* (человѣческія жертвоприношенія на могилахъ), *человѣческія жертвы богамъ*, *истребленіе колдуновъ*, *истребленіе еретиковъ и иновѣрцевъ*.

Всѣ эти явленія могли возникнуть лишь на довольно высокой стадіи умственнаго развитія. Судя по раскопкамъ доисторической археологіи, человѣческія жертвы, закланіе и погребеніе рабовъ въ могилѣ вождя и т. п. появляются не ранѣе неолитическаго вѣка и развиваются, распространяются втеченіе бронзоваго и желѣзнаго.

Наиболѣе первобытныя изъ современныхъ племенъ не знаютъ человѣческихъ жертвъ вообще и кровавыхъ погребальныхъ обрядовъ въ частности. Мы не встрѣчаемъ ихъ у веддаховъ, бушменовъ, гуахарибовъ, ботокудовъ и пр.—вообще у племенъ, не вышедшихъ изъ стадіи «анархическихъ ордъ».

Не знаютъ ихъ огнеземельцы, эскимосы, аины, не разъ упоминавшіяся мирныя племена Бенгала, тасманійцы и др. племена, сохранившія еще мирный первобытный режимъ, или хоть и воюющія, но не дошедшія до культа войны.

У эскимосовъ напр. уже довольно затѣйливыя суевѣрія (колдуны-«ангекоки»; заклинанія; человѣкъ состоитъ изъ души, тѣла и имени; есть загробная жизнь); но мирный режимъ этихъ дикарей не могъ придать ихъ суевѣріямъ свирѣпаго характера.

У болѣе культурныхъ и болѣе воинственныхъ племенъ мы уже находимъ человѣческія жертвы, хоть изрѣдка. Легче перечислить племена, у которыхъ нѣтъ этого обычая, чѣмъ назвать тѣ, у которыхъ онѣ случаются. Во всякомъ случаѣ у огромнаго большинства дикихъ племенъ онѣ не имѣютъ особенно чудовищнаго характера, не достигаютъ размѣра массовыхъ гекатомбъ. Систематическій характеръ (обязательное убиваніе плѣнника, слуги, раба, жены на могилѣ вождей, человѣческія жертвы по большимъ праздникамъ) онѣ принимаютъ у нѣкорыхъ наиболѣе культурныхъ индѣйскихъ (нутка-колумбійцы), африканскихъ (кафры), полинезійскихъ (Фиджи) племенъ, но максимальнаго развитія достигаютъ лишь въ нѣкоторыхъ цивилизаціяхъ: *Ашанти*—массовыя человѣческія жертвы по смерти короля, постоянныя человѣческія жертвы по случаю сбора ямса, начала жатвы, застоя торговли и пр., и пр.

Дагомэ: массовыя гекатомбы женъ, евнуховъ, солдатъ, заклинателей, рабовъ на могилѣ короля; человѣческія жертвы (иногда по нѣсколько тысячъ) по случаю побѣды; ежегодное отправленіе курьеровъ на тотъ свѣтъ.

Ацтеки (древняя Мексика): ежегодно тысячами человѣческія жертвы (въ иные годы до 100,000 человѣкъ; впрочемъ здѣсь дѣйствовало нестолько изувѣрство, сколько страсть къ человѣчинѣ).

Перу: массовыя (до 1000 чел.) жертвы на могилѣ короля и членовъ его дома (инки).

Во всѣхъ этихъ цивилизаціяхъ массовыя человѣческія гекатомбы имѣютъ постоянный, систематическій характеръ, онѣ вошли въ обычай, утвердились и практикуются періодически.

Бываютъ грандіозныя гекатомбы и у менѣе культурныхъ племенъ; напр. у зулусовъ знаменитый полководецъ и правитель Чака, человѣкъ, уступавшій въ отношеніи свирѣпости только славнѣйшимъ европейскимъ вождямъ: Кортецамъ, Альбамъ, Вишневецкимъ,—ввелъ было массовыя жертвы, но съ его смертью онѣ и прекратились.

Какъ въ отношеніи людоѣдства, такъ и здѣсь, постепенно переходя отъ культурнѣйшихъ племенъ къ болѣе дикимъ, мы замѣчаемъ постепенное смягченіе нравовъ, ослабленіе изувѣрства. Такъ, ближайшія къ Перуанской и Мексиканской, цивилизаціи майевъ, начезовъ и др. еще отличаются обильными человѣческими жертвами. Въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ

практикуются онѣ у нутка-колумбійцевъ, каранбовъ и др., и исчезаютъ у дикихъ огнеземельцевъ и эскимосовъ.

Въ Африкѣ мы находимъ въ государствахъ Бенинъ, Катунгъ, въ Вуадаэ, Габунѣ еще довольно основательныя (до нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ) гекатомбы; болѣе скромныя и случайныя у кафрскихъ племенъ; наконецъ только зачатокъ жертвы—царапанье лица, отрѣзаніе сустава мизинца и т. п. въ знакъ скорби о покойникѣ—у первобытныхъ готтентотовъ и кафровъ.

У культурныхъ фиджійцевъ, гавайцевъ и другихъ полинезійцевъ постоянно убивали рабовъ или женъ на могилѣ вождей; у австралійцевъ человѣческія жертвы случаются лишь изрѣдка, у еще ниже стоявшихъ тасманійцевъ—только зачатокъ жертвы (царапанье лицъ и пр.).

Что касается до истребленія колдуновъ, еретиковъ и иновѣрующихъ, то эти формы изувѣрства, какъ уже замѣчено выше, достигли максимальнаго развитія въ Западной Европѣ. Врядъ ли кто станетъ спорить съ этимъ. Религіозныя войны чужды вообще дикарямъ и являются достояніемъ цивилизацій. Семитическія цивилизаціи древняго міра (евреи, финикійцы, ассирійцы) заложили основу нетерпимости, въ такомъ совершенствѣ разработанной европейцами. Инквизиція—совершенно оригинальное и новое европейское изобрѣтеніе, замѣчаетъ Летурно.

Преслѣдованія колдуновъ, случайныя и имѣющія скорѣе характеръ защиты отъ (воображаемыхъ) злодѣяній, принимаютъ агрессивный характеръ, превращаются въ систематическое разыскиваніе, выслѣживаніе и травлю колдуновъ и вѣдьмъ у европейцевъ. И нестолько колдуновъ, сколько вѣдьмъ: здѣсь тоже проявилась специфическая черта европейской жестокости: доѣзжать по преимуществу слабаго!

Различныя цивилизаціи культировали различныя формы изувѣрства. Перу, Мексика, Ашанти, Дагомэ—человѣческія жертвы при погребеніи и вообще; мусульманскія и европейскія цивилизаціи—истребленіе иновѣрцевъ; европейскія—истребленіе иновѣрцевъ и травлю колдуновъ. Можно спорить о томъ, что лучше, кому отдать пальму первенства—жрецу Гуитцилопохтли или Торквемадѣ?—но невозможно отрицать того, что различныя формы изувѣрства развиваются съ развитіемъ культуры и достигаютъ высшаго расцвѣта въ цивилизаціяхъ, увѣнчивающихъ собою долгій историческій процессъ.

* * *

Здѣсь я сдѣлаю небольшое отступленіе по поводу европейскаго изувѣрства. Ожесточенное, до мономаніи доходящее разыскиваніе и преслѣдованіе колдуновъ и вѣдьмъ находится въ связи не только съ крайней жестокостью нравовъ, но и съ развитіемъ суевѣрій, достигшимъ кульминаціоннаго пункта въ Европѣ XVI вѣка.

Эта область интеллектуальной дѣятельности — суевѣрія, предразсудки, миѳы, баснословіе всякаго рода—также развивалась и прогрессировала по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи, такъ что исторію умственнаго развитія человѣчества до послѣднихъ столѣтій можно назвать эволюціей суевѣрія. Точныя знанія пріобрѣтались и накоплялись *эмпирическимъ* путемъ, сохраняя характеръ узко-техническій (успѣхи земледѣлія, искусствъ и ремеслъ, фактическія наблюденія и открытія алхимиковъ, врачей и т. п.),—но такъ называемая философская часть науки, состоящая нынѣ изъ законовъ и обобщеній, долгое время исчерпывалась дикими фантазіями.

Правда, уже античный міръ въ лицѣ Архимедовъ, Аристотелей, Гиппарховъ и пр. пытался устранить фантастическій элементъ изъ области знаній и выработать точные *методы* изслѣдованія, но эти попытки и въ свое-то время не повліяли на общее состояніе умовъ, на такъ называемый «духъ времени», а позднѣе были забыты. Въ области мысли, какъ и въ моральной сферѣ, наблюдаются два теченія: единичные умы отрѣшаются болѣе или менѣе отъ фантазированія массы и пытаются встать на почву критической мысли, но развитіе массы идетъ своимъ путемъ, и неудержимый приливъ суевѣрія, поднимаясь и расширяясь, топитъ въ своихъ мутныхъ волнахъ свѣтлыя идеи и гаситъ едва зажегшійся свѣтильникъ критической мысли. То же видимъ и въ античномъ мірѣ, если сравнимъ неоплатониковъ съ философами Эллады или Плинія съ Аристотелемъ.

Только въ XVI вѣкѣ работы Коперниковъ, Везали, Бэконовъ и пр. кладутъ основы критическаго метода, который мало по малу если не вытѣсняетъ вполнѣ суевѣрія, то во всякомъ случаѣ, къ концу XVIII вѣка, получаетъ господство въ области интеллектуальной дѣятельности, вліяетъ на духъ времени, вырабатываетъ пріемы изслѣдованія, которые можетъ усвоить самый дюжинный умъ.

Но эта реакція критической мысли, ея начало, попытки Коперниковъ и Везаліевъ реформировать зданіе науки совпадаютъ съ апогеемъ суевѣрія. Вопреки ходячему мнѣнію о господствѣ суевѣрія въ средніе вѣка (въ тѣсномъ смыслѣ), наи-

большаго расцвѣта и господства достигаетъ оно въ эпоху XIV—XVII столѣтій.

«Науки» этого времени представляютъ изъ себя не что иное, какъ разработанное, систематизированное, вѣками накопленное суевѣріе.

Таковы: *демонологія*, наука о бѣсахъ, о способахъ узнавать ихъ присутствіе, о методахъ ихъ изгнанія и одолѣнія, расцвѣтшая въ XV столѣтіи («Молотъ вѣдьмъ» Шпренгера изд. 1487 г.); *астрологія* съ ея гороскопами; *алхимія* съ поисками философскаго камня и жизненнаго эликсира; *медицина* ятрохимиковъ (Парацельса и Гельмонта) съ ученіями о микрокосмѣ, о таинственныхъ силахъ вещей, о симпатическихъ средствахъ и т. п., скопище всей чепухи, измышленной классическими, восточными, арабскими, еврейскими врачами. Таковы же ботаника, зоологія, геологія, географія, этнографія,—словомъ, описательныя науки того времени съ повѣствованіями объ Эльдорадо, о людяхъ съ песьими головами, о чудесной мандрагорѣ, о тритонахъ, сиренахъ, лѣсныхъ сатирахъ, многоглавыхъ змѣяхъ, огненныхъ саламандрахъ, василискахъ, убивающихъ взглядомъ, и пр., и пр.

Весь вздоръ, скопившійся въ старыхъ легендахъ и сказкахъ, въ выдумкахъ древнихъ и новыхъ путешественниковъ,—воспринимается учеными той эпохи съ тѣмъ большимъ довѣріемъ, чѣмъ онъ нелѣпѣе. Никогда еще принципъ «credo, quia absurdum» не владѣлъ такъ умами, какъ въ эпоху Парацельсовъ и Кардановъ, и никакая старая баба не поравняется съ ними въ легковѣріи.

Достаньте и просмотрите какой-нибудь старинный фоліантъ, напр. «Thierbuch» (Зоологію) Гесснера, одного изъ «отцовъ точной науки» (XVI в.), у котораго уже сказывается стремленіе къ точному изслѣдованію и провѣркѣ фактовъ. Передъ вами замелькаютъ фигуры и описанія чудовищъ: женщинъ съ рыбьими хвостами, трехглавыхъ змѣевъ съ коронками на головахъ и т. п. Ни въ какихъ сказкахъ вы не найдете такого обилія фантастическихъ образовъ, какъ въ этихъ фоліантахъ, отмѣчающихъ собою разомъ кульминаціонный пунктъ эпохи суевѣрія и начало эпохи критической мысли.

Высокообразованный человѣкъ эпохи XIV — XVI вѣковъ охарактеризованъ Шекспиромъ въ образѣ Оуэна Глендаура, о которомъ одинъ изъ его друзей говоритъ:

...онъ посвященъ
Въ чудеснѣйшія таинства науки;

а грубый и ограниченный, но не лишенный природнаго здраваго смысла Перси Готспоръ возражаетъ на это, непочтительно сравнивая Глендаура съ старой бабой, и жалуясь, что тотъ совсѣмъ доѣхалъ его

...нелѣпыми разсказами своими
О муравьѣ да о кротѣ, а также
О Мерлинѣ помѣшанномъ, о странныхъ
Пророчествахъ его да о драконахъ,
О воронахъ да о безперой рыбѣ,
О кроткомъ львѣ, о ползающихъ кошкахъ...
...Такъ цѣлыхъ девять
Часовъ подъ рядъ вчера онъ поименно
Мнѣ исчислялъ бѣсовъ, ему подвластныхъ.

Эта эволюція суевѣрія, совпадая съ эволюціей жестокости, безъ сомнѣнія способствовала развитію изувѣрства, какъ въ исторіи Европы, такъ и раньше.

Историки культуры изображаютъ намъ первые шаги умственнаго развитія человѣчества, какъ эволюцію суевѣрій (анимизмъ, фетишизмъ, миѳологіи, повѣрья и проч.), но тотъ же характеръ оно сохраняло до послѣднихъ столѣтій европейской цивилизаціи: накопленіе эмпирическихъ знаній и разработка, систематизація разныхъ видовъ суевѣрія въ качествѣ «философской» части науки.

Нерѣдко объясняютъ современныя суевѣрія (спиритическія увлеченія, телепатія, ясновидѣніе и проч.), какъ явленія *атавизма*, возврата къ умственному состоянію первобытныхъ дикарей-фетишистовъ. Это объясненіе такъ же нелѣпо, какъ объясненіе преступленій возвратомъ къ свирѣпости первобытнаго веддаха.

Атавизмъ есть возвратъ къ явленію, давно исчезнувшему или сократившемуся до рудимента, зачатка. А здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ *развивавшимся*, достигшемъ кульминаціоннаго пункта лѣтъ триста тому назадъ и увѣнчавшимся роскошнѣйшимъ дворцомъ суевѣрія со многими аппартаментами въ средневѣковыхъ «наукахъ»: магіи, астрологіи, алхиміи, ятрохиміи и проч.

Можно пожалуй говорить о возвратѣ ко временамъ Ванъ Гельмонта, но это во всякомъ случаѣ не возвратъ къ «первобытной» эпохѣ.

* *
*

Намъ не придется много говорить объ эволюціи *рабства*, *деспотизма*, системы утонченныхъ *пытокъ* и *казней*, такъ

какъ всѣ эти институты являются еще позднѣе, чѣмъ первые проблески изувѣрства.

Все это спутники общественной дифференціаціи и культа войны.

Въ Америкѣ рабство—кромѣ цивилизацій Центральной Америки—существуетъ (или существовало) лишь у наиболѣе культурныхъ индѣйскихъ племенъ, какъ нутка-колумбійцы, тлинкиты, чинуки, апачи, моксы, чиквитосы. Въ Африкѣ его нѣтъ у бушменовъ, готтентотовъ, зачатки его являются у кафровъ, и организованное рабство мы находимъ у всѣхъ высшихъ негритянскихъ племенъ. Рабства нѣтъ у тасманійцевъ, австралійцевъ, дикихъ папуасскихъ племенъ; изъ папуасовъ знакомы съ этимъ учрежденіемъ лишь тѣ, которымъ культурные малайцы успѣли привить гнусную практику охоты на людей и работорговли, и только у высшихъ типовъ Мела- и Полинезіи, у фиджійцевъ, гавайцевъ и проч. мы находимъ самостоятельно выработанный институтъ рабства.

О схемѣ «постепеннаго смягченія рабства» въ крѣпостное право, или, точнѣе, о постепенномъ превращеніи *полусвободнаго*, крѣпостного состоянія въ настоящее рабство, поглотившее въ себѣ частныя формы этого института, мы уже говорили.

Мѣры, направленныя къ обузданію жестокости господъ, появляются вмѣстѣ съ организаціей рабства: такъ, у племенъ центральной Африки существуетъ обычай «бонго», предоставляющій рабу право бѣжать отъ жестокаго господина въ сосѣднюю деревню (обычай, уничтоженный у береговыхъ племенъ подъ вліяніемъ европейцевъ); у мандинговъ господинъ не можетъ казнить раба, не созвавъ «палавера» (сходки), который рѣшаетъ, заслужилъ-ли виновный эту участь.

Какая изъ древнихъ цивилизацій болѣе отличилась по части жестокостей съ рабами, мы не станемъ разбирать; напомнимъ только, что худшую, злѣйшую, гнуснѣйшую форму рабства выработала Европа (см. выше замѣтки о «черномъ кодексѣ»), что европейцы и арабы распространили охоту на рабовъ и работорговлю по всему свѣту и привили ее многимъ племенамъ Африки, Америки и Меланезіи, раньше не знавшимъ этой профессіи.

Деспотическая общественная іерархія также является весьма поздно въ исторіи народовъ и развивается въ крупныя государства, въ обширныя организаціи, кастовыя, теократическія, бюрократическія, феодальныя, которыя все болѣе и болѣе тяжкимъ грузомъ ложатся на массу населенія.

Системы утонченныхъ пытокъ и сложныхъ вычурныхъ казней являются результатомъ продолжительной эволюціи жестокости.

Понятно, что мы не находимъ ихъ у первобытнѣйшихъ племенъ: веддаховъ, тасманійцевъ, бушменовъ, готтентотовъ, огнеземельцевъ, эскимосовъ, айновъ, алеутовъ и т. п.

Съ войной, укоренившейся, какъ культъ, являются и истязанія, практикуемыя надъ врагами, плѣнниками, но еще не привившіяся внутри племени,—какъ у большинства краснокожихъ, южно-американскихъ кочевыхъ и земледѣльческихъ племенъ, папуасовъ и др.

Даже на стадіи наиболѣе цивилизованныхъ американскихъ, африканскихъ, полинезійскихъ, меланезійскихъ племенъ наказанія болѣе или менѣе просты, и списокъ пытокъ и казней несравненно бѣднѣе недавнихъ европейскихъ.

Напомню, что я здѣсь имѣю въ виду *институты*, учрежденія, постоянно дѣйствующія, узаконенное звѣрство, а не личныя, частныя проявленія злобы, жестокости и проч. Масса пытокъ, истязаній, надругательствъ продѣлывалась жестокими отцами, мужьями, господами и проч., такъ сказать, за свой счетъ и страхъ; да сверхъ того законъ освящалъ и пускалъ въ дѣйствіе болѣе или менѣе богатую группу мучительствъ. Въ данномъ случаѣ я имѣю въ виду именно эту освященную закономъ (или обычаемъ) группу жестокостей. Вотъ эта то группа растетъ съ развитіемъ цивилизаціи и достигаетъ наибольшаго богатства и разнообразія на ея высшихъ ступеняхъ. Такого богатаго каталога пытокъ и казней, какъ въ Европѣ недавнихъ временъ, вы не найдете ни у одного дикаго племени, даже у фиджійцевъ или дагомейцевъ; и въ свою очередь, сравнивая племена дагомейцевъ или фиджійцевъ съ низшими типами дикарей, убѣдитесь, что у этихъ послѣднихъ практика пытокъ и казней еще скуднѣе и бѣднѣе. Этого нельзя объяснить небрежностью дикарей къ дѣлу правосудія, потому что обычное право, напр. австралійцевъ или эскимосовъ, охватываетъ жизнь дикарей во всѣхъ, даже мельчайшихъ, ея проявленіяхъ.

Постепенное развитіе системы пытокъ и казней по мѣрѣ успѣховъ цивилизаціи, развитіе не только въ количественномъ*),

*) Что свидѣтельствуетъ не только объ огрубѣніи нравовъ, но и объ усложненіи жизни. Въ Англіи висѣлица карала сотни двѣ преступленій; такого числа *различныхъ* проступковъ конечно не можетъ быть у дикарей уже вслѣдствіе ихъ несложной жизни.

Однако и простое, количественное, умноженіе наказаній свидѣ-

но и въ качественномъ отношеніи — т. е. въ смыслѣ утонченности звѣрства—даетъ намъ право заключить о постепенномъ ожесточеніи нравовъ, а слѣдовательно и объ умноженіи не узаконенныхъ, не регистрируемыхъ проявленій жестокости.

По поводу пытокъ и казней Летурно замѣчаетъ, что дикари больше цѣнятъ вещь, чѣмъ жизнь человѣческую, приводя въ примѣръ нѣкоторыя племена, у которыхъ установлено наказаніе за воровство, а убійство считается личнымъ дѣломъ, и мстить за него предоставлено семьѣ, роднымъ, друзьямъ убитаго.

Не объясняется ли это проще и правдоподобнѣе крайнею рѣдкостью убійствъ въ первобытномъ племени? И Летурно, и другіе изслѣдователи говорятъ о глубокой солидарности между членами первобытнаго племени-общины. Съ развитіемъ индивидуализма солидарность начинаетъ ослабѣвать, но безъ сомнѣнія вытравляется лишь постепенно, понемногу. Сначала конечно являются покушенія на чужое добро (тѣмъ болѣе, что принципъ «моего» и «твоего» не сразу прививается), и лишь позднѣе—покушенія на чужую жизнь. Поэтому и племени приходится раньше принять мѣры къ охраненію собственности, чѣмъ къ охраненію жизни, тѣмъ болѣе, что рѣдкіе*) случаи ссоры и убійства (при не ослабѣвшей еще солидарности) вызываются безъ сомнѣнія серьезными причинами личнаго характера, такъ что племя и смотритъ на нихъ, какъ мы на дуэль. Позднѣе, съ разложеніемъ солидарности, покушенія на чужую жизнь учащаются, и случаются уже изъ дрянныхъ, низменныхъ мотивовъ, ради грабежа и т. п.; приходится принять мѣры противъ этого преступленія, что̀ мы и видимъ у большинства племенъ. У нѣкоторыхъ же принципъ личнаго отмщенія могъ сохраниться и выродиться въ корсиканскую вендетту.

Вѣрно или невѣрно это объясненіе, во всякомъ случаѣ смѣшно говорить, что дикари, въ противуположность европейцамъ, больше цѣнятъ собственность, чѣмъ жизнь человѣческую.

тельствуетъ отчасти о пониженіи нравственнаго уровня. Поясню примѣромъ: дикарь полинезіецъ, проголодавшись, входитъ въ любую хижину въ любой деревнѣ, наѣдается досыта, и никому въ голову не придетъ видѣть здѣсь что нибудь дурное. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ эгоизма и жадности подобный поступокъ является уголовнымъ преступленіемъ.

Такимъ образомъ количественный ростъ наказаній свидѣтельствуетъ частью объ усложненіи житейскихъ отношеній, частью объ усиленіи эгоизма, бездушія, жестокости.

*) У алеутовъ напр., по сообщенію Веньяминова, за 40 лѣтъ не случилось ни одного убійства въ населеніи въ 60,000 душъ.

Это очевидное недоразумѣніе! Достаточно напомнить законы Англіи, каравшіе смертной казнью покражу грошовой вещицы или булки, нищету и бродяжество. Вѣдь эти-то нищіе бродяги, воришки, голодные, обездоленные и безпомощные—которыхъ вѣшали десятками тысячъ — люди они были или вещи? До такой мономаніи, до такого презрѣнія къ человѣческой жизни любовь къ собственности не доходила ни у одного дикаго или варварскаго племени!

* * *

Итакъ, эволюція людоѣдства, дѣтоубійства, истязанія дѣтей, угнетенія женщинъ, отцеубійства, войны, военныхъ жестокостей, рабства, человѣческихъ жертвоприношеній, травли колдуновъ, избіенія иновѣрцевъ, деспотизма, пытокъ, казней — не только не опровергаетъ нашихъ теоретическихъ выводовъ о «золотомъ вѣкѣ», но вполнѣ гармонируетъ съ ними.

Правильно классифицируя современныя племена, не смѣшивая въ одну кучу веддаховъ и фиджійцевъ, бушменовъ и дагомейцевъ, а переходя постепенно отъ менѣе культурныхъ къ болѣе культурнымъ, мы замѣчаемъ постепенный ростъ различныхъ формъ жестокости. Нѣкоторыя изъ нихъ—людоѣдство, систематическое отцеубійство — являются удѣломъ лишь извѣстныхъ цивилизацій; другія — изувѣрство — въ разной формѣ разрабатываются различными цивилизаціями; третьи составляютъ общее достояніе, бережно хранимое, лелѣемое и культивируемое изъ поколѣнія въ поколѣніе по мѣрѣ движенія человѣчества «по пути прогресса».

Историки культуры доказываютъ это фактами, сами того не замѣчая! Нелѣпое ученіе о прогрессѣ, какъ постепенномъ смягченіи нравовъ, такъ отяготѣло надъ умами, что талантливый, остроумный и добросовѣстный изслѣдователь сплошь и рядомъ впадаетъ въ противорѣчія, прямо курьезныя.

Возьму для примѣра главу «Звѣрскіе инстинкты» въ «Соціологіи» Летурно. Въ этой главѣ доказывается слѣдующее положеніе: «альтруистическія чувства — плодъ высшей культуры... у низшихъ человѣческихъ породъ они рѣдки, мимолетны и составляютъ исключенія».

Въ доказательство авторъ приводитъ рядъ примѣровъ первобытной свирѣпости и бездушія. Вотъ эти примѣры:

Австралійцы (vendetta: мстящій убиваетъ безразлично мужчину, женщину, ребенка).

Индѣйцы (истязаніе плѣнныхъ).

Туркмены (рѣзня для забавы, жестокость въ семьѣ и надъ рабами).

Новая Каледонія (необузданное людоѣдство).

Фиджи (idem).

Ашанти (массовыя жертвы, свирѣпыя пытки).

Негры Сенегамбіи, «уже нѣсколько цивилизованные, представляющіе помѣсь съ маврами» (утонченныя пытки).

Древняя Мексика (человѣческія жертвы).

Малайцы (убійство для забавы).

Персы (лицемѣріе, трусливость и жестокость).

Арабы (мстительность).

Французскіе, *Испанскіе*, *Голландскіе*, *Англійскіе* — колонисты, звѣрскимъ образомъ истреблявшіе дикарей, охотясь за ними съ собаками, отравляя пруды и проч.

Христофоръ Колумбъ охотился съ собаками за индѣйцами. Какъ видимъ, ни одного дѣйствительно «низшаго» типа въ этомъ спискѣ нѣтъ. Самые низкіе, австралійцы, съ ихъ сложной клановой организаціей, смѣшаннымъ антропологическимъ типомъ, зачатками дифференціаціи племени, представляютъ далеко не низшую ступень культуры.

Индѣйцы уже имѣютъ за собой долгую культурную исторію.

Наконецъ всѣ остальныя племена, не исключая конечно Христофора Колумба и европейскихъ колонистовъ, ничего общаго съ «первобытностью» не имѣютъ.

Такимъ образомъ факты, приводимые Летурно, блистательно побиваютъ тезисъ, выставленный Летурно.

Данныя сравнительной анатоміи и біологіи, данныя доисторической археологіи, наконецъ данныя современной этнографіи—подтверждаютъ съ такою точностью, какой только можно требовать, нашъ выводъ о мирномъ режимѣ первобытнаго человѣчества.

Выводъ этотъ сдѣланъ изъ того основного, установленнаго соціологами, факта, что всѣ племена и народы земные пережили стадію первобытнаго, связаннаго узами братской солидарности, племени-общины. Война разлагаетъ солидарность; слѣдовательно этотъ типъ племени могъ быть выработанъ лишь мирнымъ человѣчествомъ, т. е. въ еще болѣе ранній періодъ миръ и солидарность связывали все человѣчество.

Мы обратились за провѣркой къ фактамъ и нашли, что они гармонируютъ съ нашей дедукціей.

X.

Преступленія, какъ продуктъ цивилизаціи.

Фондъ жестокости.—Истязатели въ культурномъ обществѣ.—Ростъ преступленій, какъ результатъ общественныхъ улучшеній.—Теорія Ломброзо.—Ея нелѣпость.

I.

Въ «золотомъ вѣкѣ» не могло быть гнусныхъ преступленій, кровавыхъ злодѣйствъ, убійцъ, рѣжущихъ свою жертву потому, что «захотѣлось кровь человѣческую увидѣть», извергов. вродѣ каторжника Газина, о которомъ Достоевскій разсказываетъ въ «Мертвомъ домѣ»: «Онъ любилъ рѣзать маленькихъ дѣтей, единственно изъ удовольствія: заведетъ ребенка куда-нибудь въ удобное мѣсто, сначала напугаетъ его, измучаетъ и, уже вполнѣ насладившись ужасомъ и трепетомъ бѣдной маленькой жертвы, зарѣжетъ ее тихо, медленно, съ наслажденіемъ».

И точно: ничего подобнаго не встрѣчается у цейлонскихъ веддаховъ, у аиновъ, бодо, лепчасовъ и немногихъ другихъ племенъ, сохранившихъ первобытный режимъ человѣчества. У нихъ неизвѣстно серьезныхъ преступленій. Не откуда имъ взяться, потому что нѣтъ тѣхъ чувствъ, которыя могли-бы породить преступленія и которыя были созданы и культивированы у остального человѣчества долгимъ періодомъ военной цивилизаціи. Нѣтъ кровожадности, злости, мстительности, благодаря которымъ мучительство является источникомъ удовольствія.

Но съ переходомъ человѣчества къ военному режиму свойства эти развиваются, разростаются, раздробляются на множество специфическихъ чувствъ, наклонностей и пристрастій. Легко понять, къ какимъ результатамъ должно было привести воспитаніе человѣчества въ духѣ безчеловѣчности. Тысячелѣ-

тіями культивированная, разработанная, взлелѣянная жестокость, заразивъ въ большей или меньшей степени всѣхъ культурныхъ людей, должна была достигать исключительнаго развитія у отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ создались цѣлые разряды людей, находившихъ свое удовольствіе и отраду, честь и славу, утѣху и развлеченіе въ истязаніи себѣ подобныхъ. Припомнимъ въ самомъ дѣлѣ, какой громадный процентъ цивилизованнаго общества въ старыя времена (не очень далекія, однако!) занимался и утѣшался разными видами мучительства. Профессіональные палачи-артисты своего дѣла (напомню классическое «поддержись—ожгу!»); застѣночные мастера, изощренные въ пыткахъ, начальники-любители порокъ (вродѣ типовъ, изображенныхъ въ «Мертвомъ домѣ» Достоевскаго); офицеры, засѣкавшіе солдатъ; помѣщики, истязавшіе крѣпостныхъ; мужья, изводившіе женъ; родители, тиранившіе дѣтей; воины, тѣшившіеся рѣзней, а въ промежуткахъ между битвами—опустошеніемъ селъ, насилованіемъ женщинъ и истребленіемъ младенцевъ; педагоги, мучившіе учениковъ,—словомъ, всевозможные типы мучителей по профессіи и по страсти, вырабатывавшіеся въ каждой сферѣ тогдашняго быта.

Что-жъ мудренаго, что этотъ колоссальный «фондъ жестокости», накопленный вѣками, проявлялся не только въ дозволенныхъ и разрѣшенныхъ, но и въ запрещенныхъ злодѣйствахъ, т. е. въ преступленіяхъ. Тутъ все дѣло въ дисциплинѣ, муштровкѣ, дрессировкѣ. Хорошо вымуштрованный культурный человѣкъ направлялъ свою жестокость въ русло, намѣченное закономъ; если-же дрессировки не хватало, жестокость прокладывала собственный путь. Плацъ-майоръ или поручикъ Жеребятниковъ, истязатели арестантовъ, изображенные въ «Запискахъ изъ Мертваго дома» Достоевскаго, были почтенными и полезными членами своего общества, также какъ и Шешковскіе и ген. Измайловы, Аракчеевы и Шварцы, Малюты Скуратовы, герцоги Альба, цѣлая армія инквизиторовъ и всѣ безчисленные мелкіе и крупные мучители семейные, школьные, тюремные, судебные, военные и пр., знакомые намъ по старинным мемуарамъ, по разсказамъ историковъ, по произведеніямъ вродѣ «Записокъ изъ Мертваго дома», или «Многострадальныхъ» Никитина, или «Очерковъ бурсы» Помяловскаго и т. п. А рядомъ съ ними существовалъ контингентъ такихъ же мучителей, находившихъ удовольствіе въ истязаніи и убійствѣ, но почему-либо проявлявшихъ свое звѣрство въ формѣ, не допускавшейся обществомъ. Тѣ и другіе — лишь крайнее

проявленіе, наиболѣе зрѣлый продуктъ началъ, развившихся вѣками.

Конечно, такой фондъ жестокости не можетъ исчезнуть быстро. Съ прошлаго столѣтія начинаются реформы въ разныхъ сферахъ быта, стремящіяся вывести изъ обихода мучительство и отнять почву у истязателей. Отмѣняется рабство, пытки, прекращаются религіозныя преслѣдованія, смягчаются и упрощаются наказанія, выводятся палки, плети, розги, запрещается истязать жену, дѣтей, учениковъ, плѣнныхъ на войнѣ и мирныхъ жителей въ промежутки между сраженіями, да и самыя войны становятся рѣже,—что дѣлать человѣку, у котораго вѣками культивированная жестокость вошла въ кровь и плоть? Масса удовольствій, развлеченій, забавъ, потѣхъ, раньше одобрявшихся и разрѣшавшихся, издавна оцѣненныхъ и просмакованныхъ культурнымъ человѣчествомъ,—вычеркнута изъ обихода, изъята изъ обращенія. Нечего дѣлать, надо покориться! Дрессировка, тоже вошедшая въ плоть и кровь культурнаго человѣка, является на помощь: онъ отказывается отъ насилія, замѣняетъ его суррогатомъ, пытками моральнаго свойства. Вѣдь и наше общество изобилуетъ злецами, которые умѣютъ изводить, допекать, доѣзжать, со свѣту сживать подчиненныхъ, дѣтей, учениковъ и т. п. Но не всѣ удовлетворяются суррогатомъ; иногда и дрессировка не помогаетъ, жестокость проявляется въ недозволенной закономъ формѣ, и человѣкъ становится преступникомъ.

Статистика показываетъ, что число преступленій въ культурныхъ странахъ не убываетъ, а растетъ. Явленіе это объясняютъ разными причинами, преимущественно соціальными: пауперизмомъ и пр. Я думаю однако, что одною изъ причинъ, увеличивающихъ количество преступленій, являются гуманныя реформы, производящія своего рода очистку общества отъ наиболѣе свирѣпыхъ элементовъ. Можно отмѣнить рабство, пытки, порки и проч., но какъ вы отмѣните свирѣпость, развивавшуюся вѣками подъ вліяніемъ рабства, пытокъ, поровъ? Въ прежнее время мучитель по страсти легко находилъ себѣ поприще въ хроническихъ войнахъ, въ профессіяхъ палача, плантатора, педагога и т. п., а теперь куда ему дѣваться? Большинство покоряется неизбѣжности, но многіе не выдерживаютъ,—и вотъ растетъ число преступленій, и раздаются тревожные крики о «вырожденіи». Но въ данномъ случаѣ вырожденія нѣтъ, а есть скорѣе возрожденіе, переходъ къ новому режиму, при которомъ прежніе герои оказываются преступни-

ками и прежнія доблести злодѣйствомъ. И если—какъ надо надѣяться—реформы будутъ продолжаться, и насиліе, жестокость, гнетъ окончательно выйдутъ изъ обихода во всѣхъ сферахъ жизни,—число преступленій, по всей вѣроятности, еще возрастетъ. Стало-быть, съ нашей точки зрѣнія въ этомъ ростѣ преступленій есть своя хорошая сторона, которую мы сейчасъ охарактеризовали: очистка общества отъ тѣхъ элементовъ старой культуры, крайними представителями которыхъ являются Малюты Скуратовы, Альбы, Вишневецкіе, Салтычихи, Измайловы, Вейлеры и проч.

Конечно, и въ настоящее время значительная часть преступниковъ состоитъ изъ людей, доведенныхъ до преступленія горемъ-злосчастьемъ, невыносимой нуждой, голодомъ и холодомъ, а также изъ людей съ сильно развитымъ чувствомъ справедливости, не выдержавшихъ неправды, преслѣдованій, гоненій,—словомъ, изъ людей «несчастныхъ», по выраженію русскаго народа. Надо полагать, что дальнѣйшія реформы въ духѣ справедливости будутъ все болѣе и болѣе уменьшать *эту* группу преступленій, увеличивая въ то-же время группу, такъ называемыхъ, «прирожденныхъ» преступниковъ, совершающихъ гнусность изъ любви къ гнусности. Повидимому, это дѣйствіе общественныхъ улучшеній уже теперь сказывается замѣтно. Я сошлюсь на извѣстные очерки г. Мельшина («Въ мірѣ отверженныхъ»), который, сравнивая каторгу временъ Достоевскаго съ современной, говоритъ: «Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сорокъ лѣтъ назадъ... въ каторгу долженъ былъ попадать огромный процентъ совершенно невинныхъ людей... Самыя ужасныя преступленія могли совершаться въ то время людьми вполнѣ нормальными и нравственно неиспорченными, выведенными изъ границъ терпѣнія несправедливымъ и анормальнымъ строемъ самой жизни... A priori можно поэтому думать, что въ современную каторгу попадаютъ гораздо болѣе по заслугамъ, чѣмъ въ былыя времена, и что населеніе нынѣшней каторги, въ главныхъ своихъ чертахъ, представляетъ *подонки* народнаго моря, а отнюдь не самый народъ русскій».

Въ концѣ-концовъ (надо надѣяться, хотя не знаю, можно-ли надѣяться) мы дойдемъ до такого строя, который будетъ толкать на путь преступленія только и исключительно подлинныхъ, настоящихъ злодѣевъ,—людей, у которыхъ страсть къ мучительству достигаетъ крайняго развитія.

Но эта страсть и эти люди,—представляютъ-ли они нѣчто

патологическое, ненормальное, исключительное, или, наоборотъ, естественный, нормальный и законный продуктъ цивилизаціи? Отвѣтъ будетъ ясенъ, если мы вспомнимъ, что многочисленные разряды мучителей по профессіи и по страсти, перечисленные выше, были только наиболѣе типичнымъ проявленіемъ чувствъ, развивавшихся вѣками и заразившихъ болѣе или менѣе *всѣхъ* членовъ культурнаго общества. Сравните Салтычиху, замучившую около 200 человѣкъ, съ благодушнымъ старичкомъ въ разсказѣ Тургенева, такъ аппетитно приговаривающимъ: «чики-чики-чюкъ! чики-чики-чюкъ!», прислушиваясь къ звукамъ порки, или съ элегантнымъ и просвѣщеннымъ Аркадіемъ Павловичемъ Пѣночкинымъ, который, «въ случаѣ такъ называемой печальной необходимости, рѣзкихъ и порывистыхъ движеній избѣгаетъ и голоса возвышать не любитъ, но болѣе тычетъ рукою прямо, спокойно приговаривая: «вѣдь я тебя просилъ, любезный мой», или: «что съ тобою, другъ мой, опомнись»; причемъ только слегка стискиваетъ зубы и кривитъ ротъ» («Записки охотника»). Всѣ трое находятъ наслажденіе и забаву въ мученіяхъ, — всѣ трое представители чувствъ, создававшихся и *развивавшихся* долгимъ историческимъ процессомъ, но одна—зрѣлый плодъ этого процесса, другіе—недозрѣлый. Такое-же отношеніе между убійцей по страсти и кулачнымъ бойцомъ, сокрушающимъ зубы; между палачемъ, наслаждающимся пыткой, и бариномъ, заставлявшимъ шута унижаться и ломаться на потѣху гостей и т. д. Участники и зрители кулачныхъ боевъ, люди, находившіе удовольствіе въ зрѣлищѣ казней, въ унизительныхъ ломаньяхъ шута (въ старину необходимая принадлежность каждаго барскаго дома), въ битьѣ зеркалъ по трактирамъ и пр., и пр.,—всѣ они только по степени отличались отъ Салтычихъ и Измайловыхъ. А эти развлеченія, въ которыхъ сказывается стремленіе разрушать, бить, унижать, были въ старое время самыми популярными и распространенными во всѣхъ слояхъ общества.

Итакъ, преступленіе—не случайное, а подлинное, заправское гнусное злодѣйство—съ нашей точки зрѣнія есть самый спѣлый, румяный, сочный плодъ цивилизаціи. Этотъ взглядъ противорѣчитъ нѣкоторымъ довольно моднымъ теоріямъ, на которыхъ надо остановиться подробнѣе.

II.

Взглядъ на преступленія, какъ продуктъ цивилизаціи (точнѣе тѣхъ свойствъ—хищность, мстительность, властолюбіе—

которыя цивилизація развивала и культивировала съ эпохи каменныхъ орудій до эпохи пара и электричества), не вяжется съ мнѣніемъ тѣхъ, кто усматриваетъ въ преступленіяхъ явленіе *атавизма*, возврата къ первобытному типу. Мнѣніе это (теорія Ломброзо и его школы) впрочемъ оставлено большинствомъ представителей «антропологической школы» криминалистовъ. Но въ публикѣ оно все еще популярно; въ одномъ изъ лучшихъ романовъ Золя («Bête-humaine») проводится эта точка зрѣнія.

Что такое атавизмъ, возвратъ къ древнему типу? Это—проявленіе свойствъ, давнымъ-давно исчезнувшихъ, которыхъ не было ни у отцовъ, ни у дѣдовъ, ни у прадѣдовъ даннаго типа,—свойствъ, которыя были присущи его отдаленному предку, представлявшему совсѣмъ иной типъ. Боковыя копытца у лошади—возвратъ къ типу гиппаріона, третичнаго животнаго, отъ котораго произошла современная лошадь.

Подобное-же объясненіе прилагается къ преступленіямъ. Страсть къ разрушенію, къ пролитію крови, къ истязанію,—это, изволите видѣть, такое рѣдкое, неслыханное и невиданное явленіе въ культурномъ обществѣ, что за объясненіемъ приходится обращаться къ той отдаленной эпохѣ, когда «робокъ, нагъ и дикъ, скрывался троглодитъ въ пещерахъ скалъ». Это свирѣпый дикарь каменнаго вѣка возрождается въ кроткомъ и давно забывшемъ о пролитіи крови европейцѣ.

Подобныя объясненія поражаютъ прежде всего своей *ненужностью*. Люди стучатся въ открытую дверь, ищутъ за семь верстъ комара, сидящаго у нихъ на носу. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ видитъ злодѣя, которому доставляетъ физическое наслажденіе чувствовать, какъ ножъ вонзается въ жертву,—и недоумѣваетъ: откуда могла явиться такая кровожадность? Да обратитесь къ европейской литературѣ отъ «Nibelungenlied», воспѣвающей героя, который

suchte nur zu streiten, und seine starke Hand
Machte ihn zu allen Zeiten in fremden Reichen wohlbekannt,

до торжественныхъ одъ прошлаго столѣтія, прославляющихъ рѣзню и опустошеніе. Къ исторіи безконечныхъ войнъ, столѣтнихъ, тридцатилѣтнихъ, семилѣтнихъ, изъ-за религіи, изъ-за разныхъ «наслѣдствъ», къ хронической рѣзнѣ феодаловъ съ феодалами, феодаловъ съ сюзеренами, сюзереновъ съ сюзеренами, сюзереновъ и феодаловъ съ городами, вплоть до наполеоновскихъ походовъ начала столѣтія. Къ опустошеніямъ, которыми сопровождались эти войны вплоть до XVII вѣка,

опустошеніямъ въ такомъ, напр., родѣ (беру первое попавшееся подъ руку описаніе войны: ливонско-русской XVI в.): «Ратные люди сожигали села и деревни, истребляли хлѣбъ и скотъ, малыхъ дѣтей прокалывали копьями и втыкали на плетни; терзали людей страшными муками, напримѣръ, связавши, насыпали имъ на бока порохъ и зажигали; другихъ обмазывали смолою и зажигали; беременнымъ женщинамъ вырѣзывали утробы и вытаскивали у нихъ младенцевъ; женщинъ насиловали, иныхъ уводили въ плѣнъ, другихъ замучивали, напр., обрѣзывали имъ сосцы, привѣшивали къ деревьямъ и разстрѣливали стрѣлами; у дѣтей вырывали сердца, вѣшали на деревья и стрѣляли въ нихъ изъ лука». Этого рода «потѣхи» неизмѣнно сопровождаютъ старыя войны, а порой доходятъ до какой-то оргіи—напр., походы Альбы, тридцатилѣтняя война, польско-казацкія временъ Хмѣльницкаго, смутное время,—послѣ которой страна остается пустой и безлюдной. Витязь, который *испытываетъ физическое наслажденіе*, кроша въ капусту непріятелей, прокалывая ихъ насквозь, снося единымъ ударомъ головы и разрубая всадника вмѣстѣ съ конемъ,— герой европейской культуры, предметъ восхищенія и образецъ для подражанія. Не любить драки, не находить удовольствія въ рѣзнѣ, разрушеніи или, по крайней мѣрѣ, сокрушеніи носовъ считалось просто неприличнымъ; такого человѣка называли «бабой». У дѣтей этотъ вкусъ сохранился и нынѣ; въ школахъ мы и сейчасъ застаемъ XVII вѣкъ.

Къ чему-же тащиться за объясненіемъ въ каменный вѣкъ, когда оно подъ руками. Среди нашихъ ближайшихъ предковъ тысячи и сотни тысячъ утѣшались рѣзней, искали ее, посвящали ей всю жизнь, а остальные любовались ими и по мѣрѣ возможности подражали имъ въ повседневной жизни, забавахъ и развлеченіяхъ.

Если это возвратъ къ прошлому, то придется признать, что втеченіе всего періода сформированія крупныхъ военныхъ государствъ изъ мелкихъ племенъ человѣчество все болѣе и болѣе возвращалось къ прошлому и все сильнѣе обнаруживало атавизмъ: положеніе безсмысленное и противорѣчивое.

Напротивъ, мнѣніе, усматривающее въ преступленіяхъ продуктъ цивилизаціи, вполнѣ гармонируетъ съ исторіей европейской культуры и культуры вообще, наращивавшей и умножавшей «фондъ жестокости», заложенный первыми воинственными племенами.

Далѣе, теорія атавизма опровергается фактами. Мы видѣли

выше, что «первобытные» дикари, вродѣ веддаховъ, не знаютъ удовольствія драться, рѣзать, разрушать, и что свирѣпость растетъ съ культурой, достигая высшаго расцвѣта у фиджійцевъ, дагомейцевъ и пр., представляющихъ *конечный продуктъ* долгаго процесса культуры, а не первоначальный типъ. Факты сильнѣе теоріи; слѣдовательно, мнѣніе о преступникѣ, какъ о «дикарѣ каменнаго вѣка, возродившемся среди культурнаго общества» (Ломброзо), должно быть отброшено.

Но есть черта, сближающая современнаго преступника съ первобытнымъ человѣкомъ. Это — отсутствіе дисциплины, дрессировки. Характерная черта культурнаго человѣка — жестокость, соединенная съ умѣньемъ держать себя въ ежовыхъ рукавицахъ и совершать лишь дозволенныя и разрѣшенныя звѣрства. Герцогъ Альба, князь Вишневецкій, приказывающій убивать казаковъ «такъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ», генералъ Вейлеръ, отдающій взятые города «на потокъ и разграбленіе»,—не уступятъ свирѣпостью фиджійскому вождю Ра-Ундре-Ундре, скупавшему 900 человѣкъ плѣнныхъ и подданныхъ, но у нихъ есть кромѣ жестокости типичная для культурнаго человѣка дрессировка.

У первобытныхъ людей ея не было, потому что надобности въ ней не было: зачѣмъ «ежовыя рукавицы» тому, у кого отсутствуютъ противуобщественныя чувства?

Итакъ, современный преступникъ — это человѣкъ, у котораго культурная жестокость, воспитанная вѣками, соединяется съ первобытнымъ отсутствіемъ дисциплины. Безъ сомнѣнія, отсутствіе такой типической черты должно отразиться на физической структурѣ, и, дѣйствительно, антропологическая школа доказала, что, такъ называемымъ, «прирожденнымъ преступникамъ» свойственны многія патологическія измѣненія черепа, мозга и пр., которыя въ цѣломъ впрочемъ не имѣютъ ничего общаго съ первобытнымъ типомъ. Но весьма возможно, что краніометрическія измѣренія обнаружатъ у современныхъ преступниковъ нѣкоторыя черты, общія съ первобытнымъ черепомъ. Въ этомъ, какъ и въ отсутствіи дисциплины, можно, пожалуй, усмотрѣть «явленіе атавизма», но оно не имѣетъ ничего общаго съ нравственными качествами и чувствами человѣка. Дѣло въ томъ, что та-же антропологія уже констатировала отсутствіе связи между типомъ черепа и моральнымъ развитіемъ. Наиболѣе близкій къ европейскому типъ черепа мы находимъ у свирѣпыхъ людоѣдовъ фиджійцевъ, фановъ и пр., и, наоборотъ, одно изъ самыхъ кроткихъ современныхъ племенъ—

веддахи—обладаетъ черепомъ, наиболѣе близкимъ къ первобытному «обезьяньему» типу.

Злобныя или альтруистическія чувства создаются *режимомъ*, военнымъ или мирнымъ, и могутъ быть присущи въ одинаковой степени самымъ разнообразнымъ антропологическимъ типамъ.

Итакъ, преступникъ, и именно злостный преступникъ, любитель крови, тотъ, «кто рѣжетъ хладною рукой вдовицу съ бѣдной сиротой», — продуктъ цивилизаціи, наиболѣе типичное и яркое выраженіе свойствъ, развивавшихся подъ вліяніемъ культуры. Изверги, вродѣ Вейлера, показываютъ намъ, въ какомъ духѣ развивалась цивилизація до недавняго времени. Это—звѣрь, созданный многовѣковымъ воспитаніемъ, подборомъ, внушеніемъ, но звѣрь, *сбросившій намордникъ*. Большинство ходитъ въ намордникахъ, но это не мѣшаетъ звѣрю оставаться звѣремъ.

Теперь цивилизація, повидимому, сворачиваетъ съ давно протоптаннаго пути, мечтаетъ о возвратѣ къ такому состоянію, когда человѣкъ «не понималъ, какъ это можно ударить другого человѣка»; но не такъ-то легко сбросить грузъ, накопившійся вѣками, и мало надежды, чтобы это удалось!

XI.

Прогрессъ, какъ эволюція эгоизма.

Корыстолюбіе—плодъ просвѣщенія.—Добрыя чувства—пережитокъ первобытной солидарности.—Первобытное племя-община.—Презрѣніе дикаря къ наживѣ.—Племена-общины, какъ результатъ «золотого вѣка».—Гостепріимство, какъ пережитокъ вѣчнаго мира первобытной эпохи.—Остатки первобытнаго режима и ихъ роль въ исторіи цивилизацій. — Перу, Мексика, Египетъ, Китай, семитическія цивилизаціи, Персія, Индія, Греція, Римъ, современная Европа.

Алчность, корыстолюбіе, страсть къ наживѣ—источникъ безчисленныхъ золъ и бѣдствій, жестокостей и преступленій. Это, кажется, не нужно доказывать. Значительная часть, если не большинство, войнъ имѣли своимъ источникомъ грабительскія наклонности.

Корыстолюбіе—несомнѣнный «плодъ просвѣщенія»; этого тоже не нужно доказывать, потому что никто противъ этого не споритъ.

Исторія человѣчества со времени разложенія первобытнаго племени-общины есть эволюція эгоизма; постепенное разрушеніе солидарности и атрофія воспитывавшихся подъ вліяніемъ солидарности инстинктовъ участія, самоотверженія, безкорыстія; постепенное развитіе индивидуализма и воспитывавшихся подъ вліяніемъ индивидуализма инстинктовъ бездушія, жадности, хищности.

На первой ступени—альтруистъ, всегда готовый пожертвовать собственнымъ благополучіемъ ради чужого блага.

На послѣдней—эгоистъ, всегда готовый пожертвовать чужимъ благомъ ради собственнаго благополучія.

Такъ излагаетъ исторію культуры Летурно въ «Эволюціи собственности», — работѣ, которая, какъ мы уже замѣтили, рѣзко противорѣчитъ остальнымъ его книгамъ.

Дѣло въ томъ, что здѣсь истина слишкомъ бьетъ въ глаза, чтобы ея не замѣтить. Чѣмъ другимъ, а индивидуализмомъ первобытнаго

человѣка не упрекнешь; напротивъ, высшія ступени культуры характеризуются крайнимъ развитіемъ индивидуализма.

Какъ мы уже видѣли, Летурно заходитъ такъ далеко, что усматриваетъ въ добрыхъ чувствахъ современнаго человѣка— *остатокъ, пережитокъ первобытнаго альтруизма.*

Мы присоединяемся къ этому мнѣнію, и такъ какъ фактическая часть разработана у Летурно очень хорошо, то мы и выберемъ его въ руководители на этомъ пути.

Стадія «анархическихъ ордъ» смѣнилась стадіей клановъ или племенъ (родовъ), характеризующихся коллективной собственностью, безусловнымъ равенствомъ, глубокой солидарностью *внутри* племени. Въ настоящее время лишь очень немногія племена сохранили эти черты въ чистомъ и полномъ видѣ: таковы эскимосы, тасманійцы (истребленные англичанами), австралійцы, у которыхъ однако мы находимъ зачатки дифференціаціи, многія племена индѣйцевъ (нынѣ истребленныя или перешедшія къ новому режиму подъ вліяніемъ бѣлыхъ). Но слѣды и остатки этого первобытнаго общиннаго режима сохранились у всѣхъ націй, тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ древнѣе типъ культуры, такъ что есть возможность возстановить во всей чистотѣ основныя черты первобытнаго клана.

Это, во-первыхъ, коллективная собственность, отсутствіе страсти къ накопленію и глубокое презрѣніе къ этой страсти.

«Все, что не служитъ прямо и непосредственно надобностямъ отдѣльнаго лица, считается общественною собственностью, которою можетъ распоряжаться каждый, кому она понадобится» *). Подарятъ австралійцу штаны: въ нихъ щеголяетъ все племя, поочереди. Дадутъ ему горсть муки,—она варится и съѣдается всѣми. Убьетъ эскимосъ тюленя: жиръ и мясо дѣлятся поровну всѣмъ кланомъ.

Этотъ режимъ сохранялся почти въ чистомъ видѣ у многихъ американскихъ племенъ: команчей, дакотовъ, ирокезовъ, криковъ, омаговъ, отомаковъ, пуэблосовъ. Общіе дома, общая работа, общіе продукты охоты, рыбной ловли и даже земледѣлія (напр. отомаки), дѣлящіеся между семьями, причемъ если у одной семьи почему либо не хватитъ запасовъ, другія дѣлятся съ нею.

Но у индѣйцевъ уже проявились зачатки личной собственности (собственность на оружіе, на шкуру убитаго звѣря, позднѣе на движимость вообще); въ первобытной же общинѣ

*) Летурно „Эволюція собственности“, 59.

мы не находимъ и зачатковъ принципа: «продукты *моего* труда принадлежатъ *мнѣ*». Эскимосъ работаетъ на всѣхъ, а не на себя; если онъ сработалъ два гарпуна, двѣ лодки, два копья,—то свободный предметъ поступаетъ въ общее пользованіе; всякій можетъ взять его, и если потеряетъ или сломаетъ, то не отвѣчаетъ передъ хозяиномъ (Rink).

Общность имущества зависитъ въ данномъ случаѣ отъ глубокой солидарности, которая выражается въ «дружбѣ, покровительствѣ слабымъ, заботливости о больныхъ» (Лумгольцъ объ австралійцахъ), въ заботливости о сиротахъ, вдовахъ, калѣкахъ, раненыхъ, старикахъ, въ отсутствіи ссоръ, дракъ, брани (Шарльвуа и друг. объ индѣйцахъ),—словомъ, въ «взаимной братской любви». *Кротость*, всегдашняя готовность помогать другъ другу и стоять другъ за друга, отсутствіе крупныхъ преступленій и насилія въ спорахъ и разногласіяхъ—эти черты сохраняются долго послѣ того, какъ племена уже вступили на путь войны и внутренней дифференціаціи. Такими изображаютъ намъ путешественники айновъ, алеутовъ, арафуровъ, бодосовъ, бушменовъ, веддаховъ, гольдовъ, готтентотовъ, даяковъ (несмотря на «охоту за головами»), дималовъ, карайбовъ, многія другія племена южно-американскихъ индѣйцевъ (пассе, тупайо, пуэблосы и пр.), лепчасовъ и многія другія племена Бенгала, сохранившія остатки общиннаго режима; малайскихъ якунсовъ; эскимосовъ; многія племена сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ; даже воинственныхъ таитянъ, гавайцевъ и др.

Инстинктъ солидарности имѣетъ свою обратную сторону: отвращеніе, презрѣніе къ эгоизму и жадности.

«Твое и мое—холодныя слова, какъ ихъ назвалъ Іоаннъ Златоустъ—еще незнакомы индѣйцамъ. Та заботливость, съ какою они относятся къ сиротамъ, вдовамъ и калѣкамъ, гостепріимство, проявляющееся у нихъ въ такихъ привлекательныхъ формахъ, суть лишь послѣдствія того, присущаго имъ, убѣжденія, что у людей все должно быть общее» (Шарльвуа)

«Дикари не знаютъ ни твоего, ни моего, ибо у нихъ, что̀ принадлежитъ одному, принадлежитъ и всѣмъ. Если случится, что который нибудь изъ нихъ потерпитъ неудачу въ охотѣ, его собратья помогаютъ ему, не ожидая его просьбы. Если у него сломается ружье, каждый спѣшитъ предложить ему другое... Деньги распространены только между дикарями, живущими подлѣ нашихъ городовъ. Другіе дикари не хотятъ ими пользоваться и даже не выносятъ ихъ вида. Они назы-

ваютъ деньги «змѣей французовъ». Они говорятъ, что мы убиваемъ, грабимъ, продаемъ и предаемъ другъ друга за деньги; что за деньги мужья продаютъ женъ, матери—дочерей. Имъ кажется страннымъ, что у насъ одни богаты, а другіе бѣдны, и что богатыхъ больше уважаютъ... Они не ссорятся, не дерутся, не воруютъ и никогда не злословятъ другъ о другѣ» (Лаонтанъ).

Вездѣ, въ Полинезіи, въ Австраліи, въ Африкѣ, европейцы возбуждали одинаковое отвращеніе и ужасъ своей алчностью, хищностью, своей готовностью «родного отца на кобеля промѣнять»;—тѣми именно свойствами, которыя въ соединеніи съ интеллектуальной силой, со всѣми преимуществами техники влекутъ за собой если не истребленіе народовъ огнемъ и мечомъ, то медленное вымариваніе ихъ голодомъ и нищетой, водкой и болѣзнями, прикрытымъ и неприкрытымъ грабежемъ.

Летурно объясняетъ эту глубокую солидарность безпомощностью первобытнаго человѣка: «При возникновеніи человѣческихъ обществъ, когда одиночество бываетъ равносильно смерти, люди охотно соединяются въ тѣсныя мелкія группы, гдѣ человѣкъ не отдѣляетъ своихъ интересовъ отъ интересовъ сосѣдей, имѣя на то основательныя причины. Здѣсь-то пріобрѣтается привычка къ взаимопомощи, здѣсь научаются любить другъ друга. Втеченіе этого, обыкновенно страшно продолжительнаго періода, слагаются въ человѣческомъ мозгу альтруистическіе инстинкты, инстинкты солидарности, продолжающіе въ видѣ нравственныхъ переживаній существовать и въ ту индивидуалистическую эпоху, когда они являются простымъ анахронизмомъ» (Эволюц. собств., 393).

Объясненіе совершенно понятное и естественное, которому рѣзко противорѣчатъ мнѣнія Летурно о войнѣ, какъ первичномъ состояніи человѣческихъ ордъ. Мы уже указывали на эти противорѣчія. Первыя человѣческія «орды» ведутъ хроническую войну между собою. Война вызываетъ дифференцированіе *внутри* воюющей группы, *насильственное* сплачиваніе нѣсколькихъ группъ въ одно племя. Тѣмъ не менѣе изъ вѣчно воюющихъ ордъ вырабатываются племена-общины, скованныя тѣснѣйшей солидарностью, безъ признаковъ насилія и принужденія! Ихъ разлагаетъ война; стало быть, въ эпоху организаціи этихъ племенъ войны не было. Выходитъ, что первичныя «орды» въ одинъ прекрасный день ни съ того, ни съ сего перестали воевать, чтобы организоваться въ племена-общины, а по достиженіи этой цѣли вновь принялись за войну, чтобы

разрушить общинный режимъ. Подобныхъ превращеній конечно не объяснить безъ пособія сверхъестественныхъ причинъ.

Избѣгая подобныхъ объясненій, мы считаемъ общинно-племенной режимъ результатомъ первичнаго *мирнаго* состоянія, когда инстинкты солидарности простирались человѣкомъ на всѣхъ людей, на всѣхъ себѣ подобныхъ. Такой режимъ естественно привелъ къ образованію племенъ-общинъ, между которыми лишь позднѣе, съ измѣнившимися условіями существованія, началась война, быстро поведшая къ разрушенію общиннаго строя.

Остаткомъ первичнаго мирнаго режима является широкое гостепріимство, черта, свойственная дикарямъ и низшимъ классамъ культурныхъ націй.

Отношеніе австралійцевъ и тасманійцевъ къ европейскимъ переселенцамъ, встрѣтившимъ у нихъ самый радушный пріемъ и такъ подло отплатившимъ за него; прославленное гостепріимство дикихъ арабовъ-кочевниковъ, краснокожихъ, южноамериканскихъ индѣйцевъ; безкорыстная услужливость и вниманіе бодосовъ, санталовъ и пр.; привѣтливость и милосердіе бушменовъ, готтентотовъ, веддаховъ; кабиловъ, у которыхъ помощь странникамъ обязательна; монголовъ, наказывающихъ за неподаніе помощи нуждающемуся; таитянъ, дѣлившихся съ Кукомъ въ голодное время своими послѣдними запасами; эскимосовъ, снабжавшихъ Росса продуктами своей охоты,—все это сохраненіе или пережитокъ первобытнаго мирнаго режима. Откуда бы взяться иначе такимъ обычаямъ? Ихъ объясняютъ иногда вліяніемъ военнаго режима: въ видѣ поправки къ излишествамъ этого строя явилось гостепріимство, дающее хоть нѣкоторую гарантію безопасности. Но въ такомъ случаѣ наибольшимъ гостепріимствомъ должны бы были отличаться наиболѣе воинственныя племена, чего мы не находимъ: такъ, воинственные кафры «весьма невыгодно для себя отличаются отъ своихъ соперниковъ готтентотовъ (и бушменовъ), между которыми очень развито гостепріимство и милосердіе» (Летурно. «Эвол. рабства», с. 40); у воинственныхъ черкесовъ и арабовъ гостепріимство въ значительной степени приняло чисто формальный характеръ (гость безопасенъ въ саклѣ или подъ шатромъ, у очага, но долженъ держать ухо востро, разъ вышелъ вонъ; ср. Пальгрэвъ объ арабахъ), тогда какъ у мирныхъ и дѣйствительно первобытныхъ веддаховъ или эскимосовъ гость болѣе обезопашенъ отъ враждебныхъ покушеній, чѣмъ у себя дома.

Этотъ широко распространенный обычай—слѣдъ давно исчезнувшаго мирнаго режима, разложеніе котораго началось еще въ отдаленные вѣка.

«Начиная съ тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ, индивидуализмъ медленно и постоянно развивался»... вплоть до нашего времени, которое Летурно характеризуетъ такъ:

«Когда мы читаемъ у Платона, что «въ благоустроенномъ государствѣ все общество должно испытывать радости и горести каждаго изъ своихъ членовъ», когда мы видимъ, что, слѣдуя той же идеѣ, французскій конвентъ провозглашаетъ, «что все общество страдаетъ, если наносится вредъ хоть одному изъ его членовъ», мы изумляемся, восхищаемся; но это происходитъ только оттого, что эти высокочеловѣчныя чувства расходятся съ нашими индивидуалистическими нравами. Тѣ самыя идеи общественной солидарности, которыя мы находимъ такими высокими, краснокожимъ показались бы какъ нельзя болѣе простыми» («Эвол. собств.», 62).

Окончательное торжество индивидуализма въ мелкихъ варварскихъ государствахъ нашъ авторъ характеризуетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «въ мелкихъ негритянскихъ обществахъ отсутствіе всякой человѣчности, всякой солидарности между людьми такъ полно, рабство такъ унизительно, что можно предположить съ полнымъ основаніемъ, что негритянскія народности очень давно вышли изъ первобытной стадіи республиканскаго племени» (Ib. 107).

Такъ вотъ результатъ удаленія отъ первобытной стадіи! Дальше мы не встрѣчаемъ ничего утѣшительнаго; напротивъ, слѣдя за дальнѣйшимъ развитіемъ націй, убѣждаемся, что онѣ *живутъ остатками первобытнаго режима*, держатся осколками прошлаго, и гибнутъ, разрушаются, если эти остатки и осколки исчезаютъ.

Оставляя въ сторонѣ собственно такъ называемыя дикія племена—полинезійскія, африканскія и пр.—обратимъ вниманіе только на судьбу крупныхъ государствъ. Изъ нихъ ближе всего къ первобытному режиму стоятъ Перу (инки), Мексика (ацтеки), древній Египетъ, Китай.

Въ Перу, несмотря на значительную степень озвѣрѣнія, выражавшагося въ постоянныхъ войнахъ, массовыхъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ на могилѣ короля, жестокихъ наказаніяхъ,—несмотря на всѣ эти гадости, напоминающія Европу недавняго времени, первобытная солидарность сохранилась въ общественной организаціи. Эта удивительная орга-

низація подробно описана у многихъ авторовъ; я охарактеризую ее въ самыхъ короткихъ словахъ. Государство представляло колоссальную общину, въ которой работали всѣ, отъ семилѣтнихъ дѣтей до стариковъ, но никто не работалъ черезъ силу. Не было нищихъ, обездоленныхъ, голодныхъ, безпріютныхъ, потому что сироты, инвалиды, больные, неспособные къ труду содержались на счетъ государства: четвертая часть земли обработывалась для нихъ. Не было голодныхъ годовъ и т. п. случайныхъ бѣдствій, потому что земледѣльческіе и промышленные продукты, предназначенные для инки (короля) и солнца (т. е. для духовенства), не растрачивались зря: все, оставшееся сверхъ необходимыхъ государственныхъ расходовъ, складывалось въ общественные магазины на случай неурожая или другого бѣдствія. Не было богачей, жирѣющихъ въ золотѣ, и бѣдняковъ, гніющихъ въ мусорѣ, потому что не было частныхъ состояній: всѣ продукты, все производство, все богатство націи распредѣлялось между членами послѣдней, не въ равной мѣрѣ конечно, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы никто не оставался въ нуждѣ. Не было праздныхъ людей, потому что всѣ, отъ инки до послѣдняго ремесленника, имѣли свое опредѣленное дѣло.

Богъ знаетъ, чѣмъ кончила бы эта единственная въ своемъ родѣ, особнякомъ стоящая, цивилизація. Глубокая солидарность, необыкновенно развитое чувство долга у правящихъ классовъ, крайняя заботливость о благосостояніи всѣхъ и каждаго—составляютъ ея характерныя отличительныя черты. Развившаяся среди кроткихъ, незлобивыхъ племенъ, она возникла *мирнымъ* путемъ, посредствомъ добровольнаго присоединенія новыхъ народовъ къ разъ сформировавшемуся ядру. Организаторскій геній основателя, цѣлый рядъ достойныхъ преемниковъ послѣдняго, мудрыхъ, проникнутыхъ сознаніемъ долга, правителей—были условіями, благопріятствовавшими этому процессу. Необходимость защиты отъ болѣе грубыхъ племенъ побудила создать военную организацію; а эта послѣдняя въ свою очередь явилась стимуломъ къ завоеваніямъ. Военный режимъ не могъ не отразиться на нравахъ,—плодомъ его явилась суровость законодательства и отчасти религіи; но по крайней мѣрѣ онъ не успѣлъ еще породить хищнаго, жаднаго, всепожирающаго эгоизма и страсти къ мучительству.

Быть можетъ, духъ солидарности,—разъ ужъ онъ успѣлъ сохраниться и у цѣлѣть на такой высокой ступени культурнаго

развитія,—быть можетъ, онъ одержалъ бы верхъ надъ разлагающимъ вліяніемъ войны!

Но дикая жадность, шальная злость, неистовое бѣшенство европейскихъ завоевателей стерли съ лица земли государство инковъ съ его пятнадцатимилліоннымъ населеніемъ, съ его цвѣтущей культурой, съ веселымъ, общительнымъ, кроткимъ народомъ и великодушными королями, погибшими честно съ остатками своихъ подданныхъ послѣ долгой, отчаянной защиты.

Міръ не видалъ болѣе печальной и страшной катастрофы! Пусть бы лучше персы, завоевавъ Элладу, остановили развитіе европейской культуры, пусть бы лучше дикія орды азіатовъ-кочевниковъ, разлившись до крайнихъ предѣловъ запада, замедлили ростъ нашей цивилизаціи и отсрочили на два-на три столѣтія наступленіе нашего хваленаго и хвастливаго вѣка пара, электричества и босяковъ,—только-бъ уцѣлѣло государство инковъ! Подумать тѣлько, что въ этой громадной націи не было ни одного заброшеннаго, жалкаго, въ смрадныхъ лохмотьяхъ, старика, умирающаго подъ заборомъ; ни одного изсохшаго, какъ щепка, изведеннаго голодомъ ребенка, кусающаго въ предсмертной тоскѣ пустую грудь матери; ни одного изможденнаго, одурѣвшаго отъ непосильной работы, труженика...

Крайняя регламентація въ древнемъ Перу не была внѣшней, насильственной, убивающей личность. Она совпадала съ инстинктами солидарности, общительности, трудолюбія самого народа. Она не купила матеріальное благополучіе цѣною духовной смерти націи. Культура перуанцевъ развивалась; тамъ уже появились зачатки точной науки; изобрѣтались астрономическіе инструменты... Регламентація являлась внѣшнимъ выраженіемъ внутренняго стремленія народа организовать дѣло сообща,—а не была надѣтымъ извнѣ ярмомъ.

Быть можетъ, въ сто-двѣсти лѣтъ эта цивилизація успѣла бы охватить весь материкъ Южной Америки, населенный племенами, большею частью кроткими, еще не закоснѣвшими въ культурной гнусности, не вошедшими во вкусъ рѣзни и хищничества, сохранившими многое отъ первобытнаго режима. Это была бы такая колоссальная, могучая организація, проникнутая духомъ единства и солидарности, о которую разбились-бы всѣ попытки европейскихъ культурныхъ тигровъ. А позднѣе она послужила-бы примѣромъ и образцомъ для остальныхъ націй.

Но въ роковой 1492 годъ генуэзскій бродяга показалъ старому европейскому гнѣзду тарантуловъ, ошалѣвшихъ отъ тысячелѣтней грызни, дорогу въ Новый Свѣтъ,—и закаленная въ разбоѣ Европа выбросила въ Америку свои лютыя полчища; и тамъ, гдѣ милліоны мирныхъ людей, въ праздничныхъ одеждахъ, подъ звуки пѣсенъ и гимновъ, весело трудились для общаго блага,—тамъ, на залитой кровью землѣ, водворилось съ своимъ богомъ Мамономъ ненасытное бѣлое племя.

Въ древней Мексикѣ также сохранились остатки первобытнаго режима: общинныя земли, неотчуждаемыя, періодически передѣлявшіяся между членами общинъ, являлись основой народнаго благосостоянія. Сверхъ того избытокъ продуктовъ, стекавшихся въ императорскіе магазины, остававшійся за удовлетвореніемъ государственныхъ нуждъ, раздавался вдовамъ, сиротамъ, больнымъ и старикамъ, «что представляетъ уже остатокъ стараго общиннаго режима» (Ib. 146).

Древній Египетъ также «былъ далекъ отъ нашего крайняго индивидуализма» (Ib. 162). Онъ не ушелъ отъ первобытнаго режима такъ далеко, какъ позднѣйшія цивилизаціи. Земли, считавшіяся собственностью фараона, были кадастрованы, неотчуждаемы, подвергались періодическимъ передѣламъ, мѣстами даже обрабатывались сообща. Регламентація торговли, цеховая организація ремеслъ и другія мѣры, направленныя къ поддержанію болѣе или менѣе равномѣрнаго благосостоянія, препятствовали накопленію чрезмѣрныхъ богатствъ, ограничивали и вводили въ рамки предпріимчивость, по скольку она направлялась ко вреду общества. Неравенство было; «при такомъ режимѣ привилегированные родятся богатыми, но разбогатѣть трудно». Воинъ, жрецъ получалъ извѣстную часть доходовъ съ земель, но не могъ сосредоточивать земли въ своихъ рукахъ и обезземелить массу. «Въ общемъ жизнь была легка, матеріальное существованіе обезпечено отъ случайностей и населеніе довольно быстро возрастало» (Ib. 161).

Эти остатки общиннаго режима, закрѣпленные и систематизированные закономъ, обусловливая благосостояніе массы, придавали прочность египетской общественной организаціи. Имѣя такую солидную основу, она не только выдерживала нападеніе сосѣднихъ націй, но и ассимилировала завоевателей вмѣсто того, чтобы быть разрушенной ими. Уже гиксы, завоевавъ Египетъ, подчинились его цивилизаціи; то же было позднѣе съ ливійцами, нубійцами, ассиріянами, персами, даже македонянами. Измѣненія касались главнымъ образомъ верх-

нихъ этажей, «вѣнца зданія»; прочная общественная организація, скрѣпленная остатками первобытной солидарности, благосостояніемъ массы, побуждавшимъ ее держаться за родные порядки,—долго выдерживала всѣ нападенія.

И въ Египтѣ, какъ во всѣхъ остальныхъ цивилизаціяхъ, мы видимъ постепенную эволюцію жестокости, угнетенія, грубыхъ нравовъ. Такъ, войны, сначала имѣвшія преимущественно оборонительный характеръ, становятся завоевательными при такъ называемой «новомъ царствѣ»: культъ войны развивается. Окончательное закрѣпощеніе массы происходитъ только при Сезострисѣ. Свободный выборъ занятій лишь въ позднѣйшее время смѣняется кастовымъ строемъ, никогда впрочемъ не достигавшимъ такой крайней замкнутости, какъ въ Индіи.

При всемъ томъ Египетская цивилизація не вполнѣ отрѣшилась отъ первобытной солидарности, и это скрѣпляющее начало помогало ей пройти невредимой сквозь тысячелѣтія войнъ, нападеній, опасностей всякаго рода. Дѣло въ томъ, что одинъ деспотизмъ, принудительное подчиненіе, дисциплина и дрессировка, придавая силу націи въ войнахъ, въ сраженіяхъ, не могутъ предохранить отъ разложенія въ мирное время, отъ внутренней гангрены.

Китайская цивилизація представляетъ то же явленіе, что̀ и египетская. Выкованная въ горнилѣ войнъ, она однако не дошла до *культа* войны, и въ этомъ отношеніи представляетъ исключеніе среди всѣхъ другихъ цивилизацій. Этимъ объясняется ея неимовѣрная прочность. Разлагающее вліяніе военнаго режима въ концѣ-концовъ приводитъ къ полному разрушенію внутренней связи, скрѣпляющей общественную организацію; но въ Китаѣ военный режимъ недоразвился, застылъ на извѣстной ступени, и потому не могъ уничтожить остатковъ первобытнаго общиннаго режима.

Семейная община, неотчуждаемый минимумъ земли, остающійся неизмѣнно за семьей; полное самоуправленіе деревни; запрещеніе скупки земель и земельнаго барышничества; разумные законы объ арендѣ; государственныя и общественныя земли, служащія для удовлетворенія общихъ нуждъ; цеховая организація ремеслъ; привычки солидарности, уцѣлѣвшія въ массѣ населенія (взаимная помощь въ работахъ, общественныя мельницы и гидравлическія сооруженія, ассоціаціи всякаго рода)—все это спасло массу отъ окончательнаго обезземеленія и разоренія, предотвратило развитіе пролетаріата и сосредоточеніе земель и богатствъ въ немногихъ рукахъ.

Несмотря на множество отрицательныхъ явленій, развившихся съ культурой,—испорченная, продажная бюрократія, свирѣпые законы, рабство женщины, окончательно закрѣпленное въ эпоху высшаго интеллектуальнаго развитія Китая (при Конфуціи), рабство дѣтей и пр.,—Китай никогда не достигалъ такого состоянія, при которомъ теряется связь между гражданами и любовь къ цѣлому,—состоянія, при которомъ человѣку не о чемъ жалѣть, нечего любить, нечѣмъ дорожить, не за что держаться.

Организація, удержавшая многія черты первобытнаго режима и связанное съ ними начало солидарности, равномѣрности и справедливости въ распредѣленіи матеріальныхъ благъ,—организація эта явилась солидной основой китайскаго государства. Оно выдержало всѣ превратности временъ, и, такъ-же какъ древній Египетъ, ассимилировало завоевателей — монголовъ, манджуровъ.

Оно застыло на извѣстной ступени развитія, и этимъ спаслось отъ гибели, отъ полнаго нравственнаго разложенія: неизмѣннаго результата огромнаго большинства крупныхъ и мелкихъ цивилизацій, возникавшихъ въ исторіи человѣчества. Соціологія не знаетъ, чѣмъ объяснить эту остановку, закоченѣніе націй, — примѣръ котораго представляютъ Египетъ и Китай (также Японія до недавняго времени, Аннамъ, Корея и друг.),—но во всякомъ случаѣ она играла благотворную роль въ исторіи человѣчества. Было бы еще больше крови, страданій, звѣрства и грубости, еслибъ всѣ возникавшія цивилизаціи развивались быстро и безостановочно, одна за другой достигая естественнаго результата эволюціи жестокости: превращенія націи въ кучу остервенившихся скорпіоновъ!

Мексика, Египетъ, Китай (Перу остается особнякомъ)—древнѣйшіе, наименѣе удалившіеся отъ первобытнаго режима, и потому высшіе въ нравственномъ отношеніи типы цивилизаціи. Они выгодно отличаются отъ позднѣйшихъ типовъ упомянутой уже общественной организаціей, сохранившей многія черты общиннаго режима, сравнительно слабымъ развитіемъ рабства, отсутствіемъ крайнихъ проявленій индивидуализма (Египетъ и Мексика также относительной свободой женщинъ: остатками матріархата).

«Вторую серію» представляетъ рядъ семитическихъ цивилизацій: финикійская (и въ частности Карѳагенъ), ассирійская, халдейская, сабейская... Сходныя болѣе или менѣе съ Египтомъ, могущественныя государства древней Ассиріи, Вавилоніи отличались отъ него большимъ развитіемъ свирѣпости,

хищности и жадности. Онѣ держались *только* деспотизмомъ, насиліемъ, внѣшнимъ подчиненіемъ и порабощеніемъ, не пытаясь создать организацію вродѣ египетской и китайской, сохранившей хоть отчасти скрѣпляющее начало первобытной солидарности. Онѣ совершенно отрѣшились отъ этого начала, и существованіе ихъ было эфемерно. Достигнувъ апогея своего могущества, покоривъ даже Египетъ, Ассирія рушится и исчезаетъ, какъ и другія семитическія цивилизаціи, вздувавшіяся одна за другою, точно громадные гнойные пузыри.

Финикійская цивилизація въ апогеѣ своего развитія (Карѳагенъ) являетъ намъ едва ли не первый въ исторіи человѣчества примѣръ полнаго, абсолютнаго, разнузданнаго, всепожирающаго эгоизма. Тутъ всѣ формы жестокости (кровавая религія, безчеловѣчное рабство, разгулъ военной свирѣпости) далеко оставляютъ за собой Египетъ или Китай; къ нимъ присоединяется крайній, вырвавшійся на волю, индивидуализмъ. Кучка пауковъ и масса мухъ — такъ можно охарактеризовать карѳагенскій строй. Понятно, что мухи не дорожатъ цѣлостью паутины, да и сами пауки уже не думаютъ о ней. Тутъ сказывается растлѣвающее дѣйствіе индивидуализма: даже въ виду грозящей опасности хищникъ теряетъ способность возвыситься надъ своимъ непосредственнымъ личнымъ интересомъ, забываетъ о паутинѣ, видитъ и знаетъ только свою, лично имъ спряденную, нить.

Арійскія цивилизаціи, какъ и всѣ остальныя, начали съ общиннаго режима. Мелкія народности (берберы, туареги), не успѣвшія подняться на высокую ступень культуры и общественнаго развитія, сохранили много остатковъ первобытной солидарности, такъ же какъ и народности другихъ типовъ,— монгольскія племена; арабы съ ихъ семейной общиной и широко развитой взаимопомощью; малайскіе народцы (яванская «десса»); кабилы, «нравы которыхъ еще пропитаны общиннымъ духомъ», и друг. Эволюція жестокости коснулась ихъ въ болѣе или менѣе сильной степени: война, рабство, деспотизмъ, жестокіе законы и обычаи, болѣе или менѣе кровавыя религіи и т. п.,—все это мы находимъ у нихъ. Но эта гангрена разъѣдаетъ прежде всего кору, верхніе слои, и нескоро добирается до сердцевины. У всѣхъ перечисленныхъ народностей мы находимъ здоровую сердцевину: общинный режимъ поддерживаетъ равномѣрность благосостоянія; взаимопомощь въ самыхъ разнообразныхъ формахъ помогаетъ выносить бѣдствія и ката-

строфы; широкое гостепріимство не даетъ исчезнуть солидарности между разобщенными разстояніемъ членами племени.

Этотъ архаическій духъ солидарности, пережитокъ «золотого вѣка», придаетъ націи или племени огромную силу пассивнаго сопротивленія, которая въ критическія минуты можетъ принять и активный характеръ. Когда всякая дисциплина исчезла, всѣ учрежденія разбиты въ дребезги, законы бездѣйствуютъ, водворился полный хаосъ, и обычные «факторы прогресса», основанные на принужденіи, связанныя съ насиліемъ, теряютъ всякую силу; когда нѣтъ ни войска, ни власти, ни вождей, ни суда, ни законовъ,—тогда можетъ разгорѣться еще не вполнѣ угасшая искра древней солидарности и возстановить развалившееся общество. Такъ было во Франціи въ эпоху столѣтней войны (при Жаннѣ д'Аркъ), то же случилось у насъ въ концѣ смутнаго времени.

Изъ крупныхъ арійскихъ цивилизацій Персія представляетъ яркій образчикъ постепеннаго оподленія націи; Индія далеко ушла отъ болѣе древнихъ типовъ по уродливости кастоваго строя. Но и въ той, и въ другой сохранилась община: «самый чудовищный абсолютизмъ, какимъ былъ абсолютизмъ персидскихъ деспотовъ, начиная съ Ксеркса, не могъ ее уничтожить.» («Эв. соб.» 254). Какъ и у мелкихъ арійскихъ народностей, режимъ солидарности—искалѣченный, изуродованный—устоялъ, переживъ всѣ завоеванія и политическіе перевороты. Въ Индіи до нашествія европейцевъ земля находилась въ рукахъ семей-общинъ, владѣвшихъ ею нераздѣльно; она была неотчуждаема и не завѣщаема; доходы земли и заработки отдѣльныхъ членовъ общины поступали въ общую кассу. Въ связи съ этимъ режимомъ находятся такіе обычаи, какъ гостепріимство, считавшееся священнымъ долгомъ; взаимодомощь при бѣдствіяхъ; тѣсная связь ремесленниковъ, организованныхъ въ цехи, и др. Вообще «въ этомъ, насквозь пропитанномъ несправедливостью, обществѣ еще встрѣчаются законы, нравы и чувства, внушенные живымъ духомъ солидарности. Это бываетъ во всѣхъ большихъ первобытныхъ монархіяхъ и представляетъ несомнѣнный остатокъ предшествовавшихъ соціальныхъ стадій».

Такая же община уцѣлѣла въ Персіи, въ Афганистанѣ, спасая эти государства отъ окончательнаго разложенія.

Въ Греціи и Римѣ культура зашла гораздо дальше и привела ихъ къ полному нравственному разложенію. Законы Ликурга, Солона, дѣятельность Гракховъ въ Римѣ были тщетными попытками вернуть первобытный общинный режимъ, или хоть

задержать его распаденіе, остановить развитіе индивидуализма, сохранить хоть что-нибудь отъ первобытной солидарности. Въ Греціи они имѣли временный успѣхъ, особливо въ Спартѣ; въ Римѣ законы Лицинія, Гракховъ остались въ сущности безъ дѣйствія, не успѣли даже затормозить мобилизацію земельной собственности и ея послѣдствія. Впрочемъ и въ Греціи этотъ процессъ мобилизаціи живо прорвалъ всѣ искусственно сооруженныя плотины. «Властолюбіе богатства не знаетъ границъ,—жалуется Солонъ,—первые богачи хотятъ быть еще богаче. Кто утолитъ эту ненасытную жадность!.. Они не уважаютъ ни собственности храмовъ, ни общественной казны; они грабятъ все, презирая святой законъ справедливости... Моими законами я сравнялъ всѣхъ гражданъ; ни у кого я ничего не отнялъ, никому ничего не подарилъ; не надѣляя однихъ въ ущербъ другимъ, я оградилъ великихъ и малыхъ двойнымъ щитомъ, равно крѣпкимъ съ обѣихъ сторонъ. Моими совѣтами пренебрегли, теперь платятся за это».

Въ концѣ концовъ индивидуализмъ воцарился безгранично. На верху мы видимъ кучку денежныхъ мѣшковъ, внизу—груду нищенскихъ сумъ. Ни тѣ, ни другія не могутъ служить прочной основой общества. Міріады рабовъ и нищихъ, не скрѣпленныхъ узами общиннаго режима, потеряли всякое сознаніе солидарности, всякую охоту стоять за прочность цѣлаго, которое не обезпечивало имъ даже того минимума благосостоянія и справедливости, какой даетъ закрѣпощенная персидская община.

И античныя цивилизаціи пали,—«пали, благодаря своей организаціи собственности, равно пагубной какъ въ соціальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, пали вслѣдствіе торжества эгоизма надъ альтруизмомъ» (Летурно, ib. 504).

Античная цивилизація *сгноила* тогдашній культурный міръ. «Всеобщее обѣднѣніе, регрессъ торговли, ремеслъ, искусствъ, уменьшеніе народонаселенія, упадокъ городовъ, возвращеніе земледѣлія къ низшей ступени развитія—таковы были конечные результаты мірового владычества римлянъ» (Энгельсъ. «Пр. сем.» с. 174).

Европейскія націи начали съ такого же общиннаго режима, какъ и всѣ остальныя. Германскія племена одержали верхъ надъ Римомъ, только благодаря *остаткамъ первобытнаго режима*; солидарность въ общественныхъ дѣлахъ, материнское право, община, относительно мягкія формы рабства,—словомъ, «все живительное и плодотворное, что внесли германцы въ римскій міръ, заключалось въ варварскомъ строѣ... Не ихъ

специфическія національныя качества вернули юность Европѣ, а просто ихъ варварство—ихъ родовой строй» (Энгельсъ, l. c. 182—3).

Развейте эти замѣчанія Энгельса—вы получите теорію, излагаемую въ этой книжкѣ. Цивилизація приводила къ нравственному разложенію; націи существовали остатками первобытной солидарности; окончательное исчезновеніе этихъ остатковъ влекло за собой гибель. Вотъ въ немногихъ словахъ сущность историческаго воззрѣнія Энгельса.

Начавъ съ первобытной солидарности, европейскія націи продолжали развиваться повидимому совершенно нормально. Прогрессъ всѣхъ видовъ жестокости—тяжесть рабства, свирѣпость военныхъ обычаевъ, опустошительность завоеваній, мрачность изувѣрства, утонченность пытокъ и казней—достигаетъ кульминаціоннаго пункта въ XVI—XVII вѣкѣ, индивидуализмъ вытравляетъ мало по малу остатки общинной солидарности; но въ послѣднія столѣтія выступаетъ на сцену новый факторъ—наука (въ широкомъ смыслѣ)—показавшая *ненужность* жестокости для личнаго благополучія и для цѣлости государства. Подъ вліяніемъ этого фактора начинается поворотъ къ человѣчности, такъ что въ Европѣ расцвѣтъ индивидуализма не совпадаетъ съ расцвѣтомъ жестокости, какъ это было въ античномъ мірѣ, въ Карѳагенѣ и пр. Въ настоящее время европейская цивилизація представляетъ странную смѣсь противуположностей; съ одной стороны такія явленія, какъ напр. колонизаціонная дѣятельность европейскихъ націй: безпощадное, безсовѣстное хищничество, истребляющее племена и расы; съ другой—серьезныя попытки къ водворенію гуманности и справедливости (отмѣна рабства и проч.). Какое направленіе одержитъ верхъ? Это зависитъ отъ того главнымъ образомъ, насколько власть надъ природой, даваемая наукой, дѣлаетъ излишней борьбу изъ-за куска хлѣба. Но я не стану разбирать здѣсь современныя условія производства, несовмѣстимость классовой (и международной) борьбы съ нынѣшнимъ состояніемъ науки и техники, такъ какъ—повторяю—эта книжка есть историческій очеркъ прошлаго, а не анализъ современнаго положенія дѣлъ. Во всякомъ случаѣ возможность или невозможность лучшаго будущаго опредѣляются не только матеріальными условіями, но и тѣмъ, насколько еще уцѣлѣли въ народныхъ массахъ инстинкты первобытной солидарности. Гніеніе можетъ зайти такъ далеко, что и измѣнившіяся условія не въ силахъ оздоровить организмъ. Отъ буржуазіи, создающей философію Ницше, искусство

декадентовъ, общественныя ученія вродѣ нашего «неомарксизма»,—ничего хорошаго ждать не приходится. Тутъ разложеніе полное и безнадежное.

Что-бы ни предстояло намъ въ будущемъ, но въ прошломъ мы видимъ вѣчно одинъ и тотъ-же процессъ эволюціи эгоизма. Исторія всѣхъ прошлыхъ цивилизацій формулируется такъ: параллельно развитію различныхъ формъ жестокости развивается индивидуализмъ; въ результатѣ—«общинный строй разрушенъ, начинается поѣданіе слабыхъ сильными, отсюда слабость, болѣзнь и смерть общественнаго организма. Такъ было со всѣми народами, прошедшими всѣ фазы своего историческаго существованія» (Летурно).

Нѣкоторыя цивилизаціи остановились и застыли на извѣстной ступени развитія; онѣ уцѣлѣли, благодаря остаткамъ первобытной солидарности; другія развивались до конца, до полнаго гніенія, и были разорваны еще заживо завоевателями, начинавшими и повторявшими ту-же исторію.

XII.

Эпоха избіенія младенцевъ.

Самая мрачная страница въ исторіи человѣчества.—Нашествіе бѣлыхъ.—Испанцы въ Америкѣ.—„Единственная истребляющая раса“.—Презрѣніе къ человѣческой личности, какъ типичная черта культурныхъ людей вообще и американцевъ въ особенности.—Изъ лапъ тигра въ кольца удава.—Гекатомба въ полтораста мильоновъ душъ.—Эпоха Возрожденія Искусствъ, Наукъ, Работорговли и Охоты на людей.—Спортсмены конца вѣка.

Подвиги европейскихъ культуртрегеровъ въ дикихъ странахъ —по крайней мѣрѣ, самые яркіе—всѣмъ извѣстны. Ихъ часто цитируютъ въ популярныхъ книгахъ, въ качествѣ образчиковъ «переживанія» первобытной свирѣпости: вотъ, молъ, и у культурныхъ европейцевъ бываетъ со всячинкой по части гуманности; проявлются инстинкты, вовсе не похвальные.

Дѣйствительно, взятые отдѣльно, эти факты производятъ впечатлѣніе «случайныхъ», исключительныхъ безобразій, по которымъ нельзя судить объ общемъ уровнѣ моральнаго развитія европейцевъ, какъ по отдѣльнымъ гнуснымъ преступленіямъ нельзя судить о нравственномъ уровнѣ цѣлаго общества.

Однако, если собрать эти факты въ одинъ букетъ, въ видѣ краткаго обзора европейскаго культуртрегерства и его результатовъ, то впечатлѣніе получится совсѣмъ иное. Подвиги европейцевъ въ цѣломъ составляютъ явленіе новое, небывалое въ исторіи человѣчества, и не случайное, а характеризующее европейскую цивилизацію, какъ высшую степень озвѣрѣнія людей, которой они когда-либо достигали.

Если читатель когда-нибудь задавался вопросомъ, какая эпоха въ исторіи человѣчества можетъ быть названа самой мрачной въ смыслѣ разгула свирѣпости, опустошительныхъ завоеваній, попранія элементарныхъ человѣческихъ правъ и

безсовѣстнаго надругательства надъ людьми, — то, по всей вѣроятности, углублялся на поиски этой эпохи въ сѣдую древность, къ скиѳамъ и сарматамъ, гуннамъ и вандаламъ, или къ свирѣпымъ монархіямъ древняго Востока, или еще дальше, къ звѣрообразнымъ троглодитамъ каменнаго вѣка. И поступалъ правильно, — съ своей узкой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія европейца, который никакъ не можетъ причислить къ «человѣчеству» какихъ-нибудь бушменовъ, негровъ и тому подобный этнографическій матеріалъ.

Если однако отрѣшиться отъ точки зрѣнія европейца и стать на точку зрѣнія *человѣчества*, подразумѣвая подъ нимъ все населеніе земного шара, то отвѣтъ на поставленный выше вопросъ не представитъ ни малѣйшаго затрудненія. Исторія отмѣтила много свирѣпыхъ и опустошительныхъ нашествій, но знаетъ лишь одно, распространившееся на добрыхъ три четверти земного шара, истребившее 95% населенія обѣихъ Америкъ, Австраліи, Полинезіи и Меланезіи и сотни милліоновъ людей въ Африкѣ и Азіи.

Читатель, по всей вѣроятности, догадался, о какой эпохѣ я говорю. Это эпоха послѣднихъ четырехъ столѣтій—отъ XVI по XIX включительно,—эпоха «нашествія бѣлыхъ», эпоха избіенія младенцевъ и растлѣнія малолѣтнихъ, если, какъ это часто дѣлается, называть дикарей «малолѣтними» (въ сравненіи съ «старшимъ братомъ», бѣлымъ человѣкомъ).

Чтобы оцѣнить по достоинству эту эпоху, переберемъ по порядку результаты европейскаго нашествія въ разныхъ странахъ.

Начнемъ съ Новаго Свѣта. Здѣсь, въ центральной и южной Америкѣ испанскіе конквистадоры истребили безъ остатка огромныя цивилизаціи, стерли съ лица земли цѣлыя племена и расы, продѣлавъ это съ чисто-европейскимъ звѣрствомъ: развели особую породу громадныхъ собакъ-ищеекъ, пріученныхъ разрывать и пожирать спеціально индѣйцевъ; вырѣзывали населеніе цѣлыхъ областей и городовъ поголовно, отъ дряхлыхъ стариковъ до новорожденныхъ младенцевъ; толпами загоняли мужчинъ, женщинъ, дѣтей въ сараи и сжигали ихъ гуртомъ. Они «находили удовольствіе отрубать туземцамъ руки, ноги, уши, вырывать глаза и языки, вѣшать, сжигать, давить на землѣ ихъ дѣтей и отдавать ихъ на съѣденіе собакамъ» (Ласъ-Казасъ). Благодаря этой энергической дѣятельности, въ короткое время исчезло многомилліонное населеніе, и нынѣ мы находимъ въ центральной и южной Америкѣ лишь остатки ди-

кихъ племенъ, уцѣлѣвшіе отъ огня, желѣза, ищеекъ и пороха культуртрегеровъ.

Въ XIX вѣкѣ продолжалась та же исторія: большинство бродячихъ племенъ Ла-Платы, Патагоніи истреблены уже въ наше время; еще недавно въ Бразиліи отравлялись пруды въ видахъ изведенія дикарей; въ Мексикѣ и сейчасъ, кажется. существуютъ таксы премій за скальпъ индѣйца: за скальпъ мужчины—столько-то, женщины—столько-то, ребенка—столько-то. Не мало племенъ исчезло благодаря охотѣ за рабами. Способъ добычи рабовъ, практиковавшійся европейцами, одинъ и тотъ же во всѣхъ частяхъ свѣта: сѣять раздоръ между дикарями, снабжать наиболѣе свирѣпыя племена оружіемъ и пользоваться ими, какъ охотниками за двуногимъ скотомъ. Но такъ какъ въ XIX столѣтіи рабство было отмѣнено, то и пріемы добыванія рабовъ нѣсколько измѣнились. Въ южной Америкѣ привился способъ добыванія дѣтей «на воспитаніе»: охотники дѣлаютъ набѣгъ на какое нибудь мирное племя, избиваютъ мужчинъ, женщинъ, стариковъ и проч., какъ матеріалъ, негодный въ дѣло, а забираютъ только дѣтей, которыхъ доставляютъ купцамъ. Отъ этихъ послѣднихъ дѣти переходятъ къ нуждающимся въ прислугѣ «на воспитаніе»: филантропія торжествуетъ, и «вопросъ о прислугѣ» рѣшенъ. Объ этомъ способѣ добыванія прислуги упоминаетъ Бэтсъ въ своемъ извѣстномъ путешествіи («Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ»). А такъ какъ дѣти, вырванныя изъ родныхъ лѣсовъ, мрутъ какъ мухи, то спросъ на нихъ всегда огромный, и опустошительные набѣги не прекращаются. Мудрено-ли, что результатомъ этого остроумнаго рѣшенія вопроса о прислугѣ явилось исчезаніе племенъ, существовавшихъ еще въ началѣ вѣка.

И все-таки, при всей своей свирѣпости, испанцы не могли достигнуть въ Южной Америкѣ такихъ результатовъ, какъ сѣверо-американцы въ С. Штатахъ. Нашествіе конквистадоровъ въ XVI в.—едва-ли не единственный по гнусной жестокости примѣръ къ исторіи: сообщенія нашихъ лѣтописей о монгольскомъ нашествіи, надписи ассирійскихъ деспотовъ блѣднѣютъ передъ разсказами Ласъ-Казаса объ этой эпохѣ; но испанцамъ не хватало и не хватаетъ систематичности, выдержки, и главное, того презрѣнія къ личности, неуваженія къ человѣку, которое характеризуетъ англосаксонскую расу вообще, а «янки» въ особенности. Испанцы накидывались какъ тигры, но, упившись кровью, давали передышку; туземцы, уцѣлѣвшіе отъ рѣзни, успѣвали оправиться, смѣшивались съ бѣлымъ населеніемъ,

размножались. Еще на островахъ удавалось истребить коренное населеніе; напр., карибы Антильскихъ острововъ изведены всѣ до послѣдняго человѣка; на Маріанскихъ островахъ истреблено 99% населенія. Но на материкѣ не удалось достигнуть этого; а обособить туземцевъ въ касту парій не хватило выдержки. Въ результатѣ туземцы смѣшались съ европейцами и мѣстами даже берутъ перевѣсъ (въ Гватемалѣ, напр.).

Другое дѣло въ С. Америкѣ. Недаромъ Ч. Дилькъ съ гордостью называетъ англосаксонскую расу «единственной *истребляющей* расой въ мірѣ». («Record of travel in Englisch speaking Countries dur. 1866—67».) Систематическое истребленіе краснокожихъ въ С. Америкѣ выполнено такъ образцово, такъ совершенно, такъ «научно», что слава объ этомъ подвигѣ переживетъ вѣка. Пока индѣйцевъ было много, ихъ истребляли общепринятымъ у европейскихъ колонистовъ способомъ: охотой и войной. Воинственныя и мирныя, враждебныя и дружественныя европейцамъ племена,—всѣ испытали одинаковую участь. Отношеніе къ «дружественнымъ» племенамъ очень хорошо охарактеризовано въ разсказѣ Джоакина Миллера объ избіеніи одной индѣйской деревни. Это былъ мирный поселокъ, кроткое, безобидное племя, не подававшее повода къ войнѣ. Но поводъ нашелся: убійство бѣлаго, приписанное индѣйцамъ. Этотъ случай повелъ къ расправѣ. Ночью деревня была оцѣплена бѣлыми, пути отступленія краснокожимъ отрѣзаны; затѣмъ, по данному сигналу, началась рѣзня. Рѣзали и пристрѣливали всѣхъ: мужчинъ, женщинъ, стариковъ, больныхъ, дѣтей. Нѣкоторые изъ дѣтей запрятались подъ шкурами, подъ хворостомъ, но избіеніе велось систематически: культуртрегеры не пропустили ни одной груды хвороста, вытаскивали спрятавшихся дѣтей и разстрѣливали ихъ тутъ же. Къ утру отъ деревни и ея населенія остались только куча обломковъ хижинъ и груда труповъ.

Втеченіе XVII — XIX вв. въ Америкѣ постоянно издавались таксы премій за скальпъ. Я не знаю, когда была издана послѣдняя. Въ Калифорніи еще въ 1867 г. назначалось «двадцать долларовъ за скальпъ индѣйца съ ушами». Теперь вѣроятно подобныхъ премій не существуетъ; задача уже выполнена: изъ 10.000,000 индѣйцевъ въ XVII стол. (приблизительная цифра) осталось всего 244,000 (въ 1890 г.); почти 98 процентовъ населенія истреблено.

Остатки истребленныхъ племенъ не оставлялись на родинѣ, а выселялись на спеціально для нихъ отведенную территорію,

гдѣ и вымаривались уже не огнемъ и мечомъ, а водкой, болѣзнями, голодомъ и пр. Понятное дѣло, что по истребленіи самыхъ энергичныхъ, независимыхъ, сильныхъ духомъ элементовъ племени, жалкіе остатки, состоявшіе изъ наиболѣе слабодушныхъ и безвольныхъ людей, оторванные отъ родныхъ пепелищъ, падали духомъ и пропадали, спивались и т. д. Если же имъ удавалось оправиться, привести мѣстность въ культурное состояніе, ихъ снова выгоняли куда-нибудь подальше. Отсюда басня о какомъ-то «естественномъ вымираніи» дикарей при соприкосновеніи съ бѣлыми; хотя оно «естественно» лишь въ томъ смыслѣ, какъ естественна смерть мыши въ лапахъ кошки.

Систематичность и неуклонность соединяется у янки съ умѣньемъ поставить презираемое племя въ положеніе парій, отверженцевъ, прокаженныхъ, чѣмъ исключается возможность метизаціи въ сколько нибудь серьезныхъ размѣрахъ.

Напомнимъ, что неуваженіе къ человѣку — человѣку просто, какъ таковому — характерная черта культурныхъ людей, вообще, а не американцевъ только. Первобытный дикарь — цейлонскій веддахъ или гренландскій эскимосъ — не знаетъ «благородныхъ» и «подлыхъ», цвѣтныхъ и бѣлыхъ, и съ одинаковой привѣтливостью относится къ своему и чужому, уважая прежде всего человѣческую личность. Но уже на первыхъ ступеняхъ культуры уваженіе къ человѣку начинаетъ вытѣсняться уваженіемъ къ рангу, званію, происхожденію, карману; а на высокихъ стадіяхъ развитія исчезаетъ совсѣмъ. Европеецъ, напр., органически неспособенъ уважать «права человѣка»; это обнаруживается какъ въ его отношеніяхъ къ дикарямъ, такъ и дома, въ Европѣ. За иллюстраціями ходить не далеко: взять хоть бы антисемитизмъ. Фраза какого то клубнаго старшины, отвѣчавшаго на вопросъ о причинѣ шума и криковъ, раздавшихся на лѣстницѣ,—«ничего, господа, пустяки: жидка побили!» весьма рельефно характеризуетъ отношеніе интеллигентной массы къ человѣческому достоинству.

Итакъ, европеецъ, разобравшій клинообразныя письмена, египетскіе іероглифы, китайскій алфавитъ, не въ силахъ усвоить азбуку человѣчности. Но, судя по отношенію къ китайцамъ, неграмъ, краснокожимъ, основательнѣе всѣхъ забыли эту азбуку американцы. Всѣ эти расы поставлены ими въ положеніе прокаженныхъ. Китайцы, напр., — пока ихъ пускали въ Америку,—буквально смѣшивались съ грязью. Оскорбить, ударить, толкнуть, сбить съ ногъ, оттаскать за косу желтокожаго счи-

талось не только дозволительнымъ, но и похвальнымъ. Вывалять въ грязной лужѣ хорошо одѣтаго китайца было остроумной шуткой, возбуждавшей общій смѣхъ (Диксонъ). Убійство китайца сходило съ рукъ безнаказанно; случалось, что желтокожихъ вырѣзывали гуртомъ,—маленькія вольности бѣлыхъ, на которыя «правительство штатовъ систематически смотрѣло сквозь пальцы» (Barbè, «La lutte économique des blancs et des jaunes». «R. S.» 93, II—17).

А отношеніе къ неграмъ! Это паріи не только въ Южныхъ, но и въ Сѣверныхъ Штатахъ. Ими гнушаются, съ ними не знаются, браки между неграми и бѣлыми запрещены; дѣти отъ такихъ браковъ считаются незаконными и лишенными правъ гражданства; въ Бостонѣ негровъ не берутъ приказчиками въ лавки (покупатели подвергнутъ остракизму лавку); въ Алабамѣ ихъ не пускаютъ въ общественныя библіотеки и хорошія мѣста театровъ... Проф. Красновъ сообщаетъ о такихъ фактахъ, какъ публичное *сожженіе* негра за связь съ бѣлой, причемъ на зрѣлище любовалась толпа въ 7000 человѣкъ; другому негру за такое же преступленіе *раздробили камнемъ кости, начиная съ пальцевъ и кончивъ ребрами* (А. Красновъ. «Изъ колыбели цивилизаціи». «Кн. Нед.», 1897, 9).

При такомъ отношеніи къ цвѣтнымъ расамъ, американцы, разумѣется, лучше выполнили задачу истребленія аборигеновъ Америки, чѣмъ испанцы.

А зададутъ они трезвону кубанцамъ и филиппинцамъ! Что лучше: попасть въ лапы тигра, или въ кольца удава? «Оба хуже»,—я полагаю. Съ тигромъ кубанцы и филиппинскіе тагалы и негритосы хорошо познакомились, теперь узнаютъ удава и ужъ вѣрно скажутъ: «промѣняли кукушку на ястреба!» Такихъ варварскихъ жестокостей, какими прославилъ себя Вейлеръ, конечно, не будетъ (а впрочемъ вспомнимъ гуртовое истребленіе китайцевъ), а будетъ медленное и систематическое вымариваніе населенія, какъ на Гавайскихъ островахъ, гдѣ злополучнымъ «канакамъ» надѣли панталоны, но зато отобрали у нихъ лучшія земли и права участія въ общественныхъ дѣлахъ. Панталоны, конечно, приличнѣе первобытнаго «пояса стыдливости», но сытъ ими не будешь, и вотъ канаки вымираютъ помаленьку.

Я потому остановился съ нѣкоторой подробностью на американцахъ, что ихъ отношеніе къ цвѣтнымъ связано съ интересами минуты. Припомнивъ исторію истребленія краснокожихъ и зная *современное* отношеніе американцевъ къ неграмъ, ки-

тайцамъ, индѣйцамъ, не трудно предугадать судьбу населенія—по крайней мѣрѣ, цвѣтного—Антильскихъ и Филиппинскихъ острововъ; и тѣмъ меньше можетъ возникнуть сомнѣній насчетъ этой судьбы, что послѣ удачной войны національная фанаберія и презрѣніе къ иноплеменникамъ, конечно, удвоятся въ Соединенныхъ Штатахъ *).

* * *

Перейдемъ къ Африкѣ. Здѣсь культуртрегерами являются европейцы и арабы. Арабы съ сѣвера и сѣверо-востока, европейцы съ остальныхъ боковъ. Отношеніе тѣхъ и другихъ къ туземцамъ выразилось двояко: 1) въ истребленіи племенъ, мѣшавшихъ культуртрегерамъ свободно расположиться въ занятыхъ ими областяхъ; 2) въ организаціи грандіозной работорговли. Такъ, французско-голландскіе поселенцы въ южной Африкѣ систематически истребляли бушменовъ и готтентотовъ. Истребляли поголовно мужчинъ, женщинъ, дѣтей и съ европейской аккуратностью вели списки убіенныхъ: въ такомъ-то году убито 500 черныхъ, въ слѣдующемъ—3,000 черныхъ и т. д. Всѣ средства считались дозволенными: отравляли, жгли, стрѣляли. Такимъ образомъ погибли безъ остатка многія племена, напр., большинство готтентотскихъ.

Эта участь постигла преимущественно ближайшія къ европейцамъ племена, къ которымъ относились, какъ къ «черному звѣрю». Что касается племенъ внутренней Африки, то въ нихъ видѣли преимущественно «черный скотъ», который добывался упомянутымъ выше способомъ: португальскіе, голландскіе, арабскіе купцы держали на жалованіи наиболѣе свирѣпыя племена, снабжая ихъ оружіемъ для набѣговъ. Теперь европейцы оффиціально рабами не торгуютъ, а занимаются этой коммерціей арабы, для которыхъ поставщиками служатъ разбойничьи орды ватутовъ, людоѣдовъ-маньюмовъ и др. Въ сочиненіяхъ о центральной Африкѣ описываются эти набѣги и ихъ аксессуары: деревни сжигаютъ, негодныхъ въ рабство стариковъ, слабыхъ и пр. убиваютъ, раненыхъ приканчиваютъ, младенцевъ затаптываютъ ногами или бросаютъ въ огонь, а захваченныхъ въ плѣнъ волокутъ прикованныхъ къ цѣпи, причемъ большинство

*) Эти слова, высказанныя еще до окончанія Испано-Американской войны (въ „Новостяхъ“ 1898), когда наши прогрессисты восхищались „рыцарственностью“ американцевъ, подтверждены событіями на Филиппинскихъ островахъ. Мое предсказаніе впрочемъ могъ сдѣлать (да и дѣлали) всякій, слѣдившій за хозяйственною жизнью европейскихъ странъ и разглядѣвшій „экономическій фундаментъ“ политической надстройки—Испано-Американской войны.

гибнетъ по дорогѣ. Виссманнъ описываетъ свою встрѣчу съ Селдомъ, помощникомъ извѣстнаго Типпу-Типа, достойнаго пріятеля Стэнли, опустошавшимъ область Камбуэ. Онъ, между прочимъ, практиковался въ стрѣльбѣ изъ револьвера на плѣнныхъ, а тѣла разстрѣлянныхъ отдавалъ на съѣденіе своимъ спутникамъ. На всемъ пути его Виссманнъ встрѣчалъ только сожженныя деревни, заброшенныя поля, груды труповъ и скелетовъ.

По разсчету Камерона, работорговля обходится Африкѣ въ 500,000 жертвъ ежегодно. Для прошлыхъ столѣтій, когда и европейцы предавались этому промыслу безъ малѣйшаго стѣсненія, цифру эту вѣроятно можно удвоить.

Считается, что европейцы вывезли изъ Африки 50 милліоновъ рабовъ. Если принять на каждаго вывезеннаго раба троихъ убитыхъ (а это очень скромно, если принять въ разсчетъ, какая масса народа гибнетъ при добываніи рабовъ, на мѣстѣ дѣйствія и на пути къ центрамъ работорговли), то на долю европейцевъ придется *полтораста милліоновъ* душъ — солидная гекатомба!

Европейская работорговля развивается въ эпоху разселенія европейцевъ по бѣлу свѣту и образованія колоній, т. е. съ XV столѣтія. Эту эпоху называютъ «эпохой возрожденія искусствъ и наукъ» и забываютъ прибавить, что она была также эпохой *возрожденія рабства* *), и притомъ въ гнуснѣйшей формѣ, какую только знала исторія. А слѣдовало бы помнить это, и ввести въ учебники болѣе правильный терминъ: «Эпоха Возрожденія Искусствъ, Наукъ, Работорговли и Охоты на людей».

Не мудрено, что эти пріемы, практиковавшіеся втеченіе нѣсколькихъ столѣтій, оказали самое гибельное вліяніе на нравственность африканскихъ племенъ. Наиболѣе добродушныя племена гибли, наиболѣе свирѣпыя оставались,—въ результатѣ развитіе жестокости, хищности, людоѣдства, какъ нигдѣ въ мірѣ. Но объ этой сторонѣ мы еще будемъ говорить, здѣсь-же замѣтимъ, что и теперешнее отношеніе европейцевъ къ неграмъ немногимъ лучше прежняго. Оно хорошо иллюстрируется такими фактами, какъ поголовное истребленіе туземцевъ съ женами и дѣтьми въ Родезіи, убиваніе и калѣченіе негровъ, не доставившихъ назначеннаго количества слоновой кости, въ Конго (Vignon. «Les sociétés indigènes». «R. S.» 98. I. 6), насильственное набираніе наложницъ, разстрѣливаніе и повѣшеніе

*) Въ самой Европѣ рабство въ тѣсномъ смыслѣ значительно сократилось къ XV вѣку, поглощенное крѣпостнымъ правомъ (нисколько не лучшимъ, впрочемъ).

въ германскихъ владѣніяхъ; грабежъ, пытки и убійства въ Массовѣ, оставшіяся безнаказанными; «мирное» культуртрегерское разореніе, высасываніе и вымариваніе арабовъ въ Алжирѣ, смѣнившее ужасы войны, во время которой французы не стѣснялись раскладывать костры у входа въ пещеры, куда укрывались туземцы, и удушать ихъ дымомъ; недавнее добиваніе раненыхъ подъ Омдурманомъ или поголовное истребленіе туземцевъ въ Рахеитѣ и проч., и проч.

«Съ тѣхъ поръ, какъ Стэнли открылъ эру кровавыхъ походовъ черезъ Африку,—говоритъ Фритчъ,—застрѣлить негра сдѣлалось своего рода спортомъ». Спортъ fin de siècle!

И сколько такихъ спортсменовъ прошло передъ нами въ послѣднее время. Стэнли, пріятель и союзникъ работорговцевъ, принимавшій участіе въ ихъ походахъ, вмѣстѣ съ ними «разносившій смерть и опустошеніе» («Какъ я нашелъ Ливингстона», гл. VIII и IX), Сесиль Родесъ и Джексонъ съ разбойничьими набѣгами, Петерсъ, покупавшій наложницъ и вѣшавшій ихъ за попытку къ бѣгству, Лейстъ, поровшій плетьми негритянокъ, не желавшихъ удовлетворить его сладострастіе; итальянскіе чиновники, возстановившіе въ Массовѣ систему средневѣковыхъ пытокъ; бельгійскіе коммиссары въ Конго, лордъ Китченеръ, добивающій раненыхъ...

Нельзя и ожидать перемѣны къ лучшему, пока не измѣнится отношеніе европейскаго общества къ такимъ «спортсменамъ». Когда «великихъ путешественниковъ», вродѣ Стэнли, и энергичныхъ колонизаторовъ, вродѣ Сесиля Родеса, будутъ привлекать на скамью подсудимыхъ и отправлять въ каторжныя работы, тогда вѣроятно измѣнится отношеніе культуртрегеровъ къ дикарямъ. Но до тѣхъ поръ, пожалуй, успѣютъ истребить всѣхъ дикарей безъ остатка. А пока бандитовъ вѣнчаютъ лаврами, до тѣхъ поръ, конечно, сохранится отношеніе къ негрямъ, откровенно выраженное майоромъ Босхартомъ, который оправдываетъ истребленіе дикарей такими мотивами: «Мы идемъ въ Африку не для филантропическихъ кривляній, а единственно для того, чтобы открыть новые рынки нашей торговлѣ и промышленности... Такія непроизводительныя племена, какъ негритянское, не имѣютъ никакого права на существованіе».

XIII.

Эпоха избіенія младенцевъ.

(Окончаніе).

Истребленіе туземцевъ Австраліи, Меланезіи и Полинезіи.—Союзныя дѣйствія миссіонеровъ, колонистовъ, солдатъ и каторжниковъ.—«Естественное вымираніе» дикарей.—Чарльзъ Дилькъ о „запасѣ жестокости", приберегаемомъ дома и пускаемомъ въ оборотъ въ Индіи.—Самая подлая война въ исторіи человѣчества.—Развращеніе дикарей подъ вліяніемъ европейцевъ.—Всемірная драма: избіеніе трети человѣчества.—Заключеніе.

Въ Австраліи, Меланезіи, Полинезіи система истребленія дикарей примѣнялась такъ-же усердно, какъ въ другихъ частяхъ свѣта. Въ Тасманіи истреблено все населеніе, въ Австраліи—добрыхъ 90 процентовъ (въ Викторіи считалось въ началѣ столѣтія 9,000 дикарей, теперь осталось 800 душъ); на Маріанскихъ островахъ изъ 300,000 населенія осталось тысячи три (1 проц.), на Таити изъ 240,000 (въ 1774 г.)—7,000 въ 1857 г. (3 проц.), на Сандвичевыхъ изъ 440,000 (въ 1769 г.)—44,000 (въ 1877 г.); въ Новой Зеландіи изъ 400,000 (въ 1761 г.)—30,000 (въ 1877 г.) и т. д. И вездѣ одно и то-же звѣрство, однѣ и тѣ-же вычуры жестокости: охота на людей, облавы на чернаго звѣря, истязанія, пытки, избіеніе младенцевъ. Въ Тасманіи облавами и охотами истребили почти все населеніе: осталось человѣкъ 500 туземцевъ, которые такъ попрятались по лѣсамъ, что выловить ихъ оказалось невозможно. Тогда нѣкій филантропъ Робинзонъ рѣшился войти съ ними въ дружескія сношенія, въ чемъ и успѣлъ: довѣрчивые дикари положились на его обѣщанія переселить ихъ въ землю, обильную млекомъ и медомъ. Ихъ и выселили на голый, безплодный островъ, гдѣ въ нѣсколько лѣтъ они вымерли почти до единаго. На Таити миссіонеры, насаждая мораль, ввели такіе пріемы: изъ заподозрѣнной въ грѣхѣ дѣвушки «выжимали» сознаніе, затягивая

ей талію веревкой, пока не повинится. На Фиджи самые свирѣпые вожди-людоѣды снабжались оружіемъ и опустошали острова подъ видомъ обращенія въ христіанскую вѣру. На Маріанскихъ островахъ туземцы, доведенные до отчаянія, прибѣгали къ гуртовому самоубійству. Эти звѣрства практиковались въ широкихъ размѣрахъ еще недавно, въ половинѣ нынѣшняго столѣтія. Теперь, когда отъ туземнаго населенія остались только жалкія крохи, охота на людей, разумѣется, сократилась— да и не на кого охотиться. Теперь въ большинствѣ случаевъ практикуется система вымариванія. Представимъ себѣ, что въ любомъ европейскомъ государствѣ, въ Англіи, Франціи, Германіи, втеченіе ста лѣтъ или больше, *систематически вырѣзываются наиболѣе сильные, энергическіе, бодрые духомъ и тѣломъ элементы населенія*; что къ концу этихъ ста лѣтъ отъ первоначальнаго населенія остается 2—3—5 процентовъ, не болѣе, да и то самыхъ слабыхъ, малодушныхъ, покорныхъ и утратившихъ всякую энергію людей; что эти жалкіе остатки загнаны куда-нибудь подальше, къ тундрамъ, вытѣснены изъ всѣхъ сколько-нибудь выгодныхъ профессій, поставлены въ положеніе парій—можно-ли ожидать, что они уцѣлѣютъ и размножатся? Не думаю. Вѣрнѣе всего, вымрутъ естественною при такихъ условіяхъ смертью. Болѣзни, алкоголизмъ, пониженіе рождаемости, усиленіе смертности дѣтей довершатъ дѣло, начатое огнемъ и желѣзомъ.

Этому систематическому истребленію и вымариванію подверглось населеніе большей части земного шара втеченіе послѣднихъ столѣтій; мудрено-ли, что оно вымираетъ? А тамъ, гдѣ туземное населеніе почему-либо не доведено до крайности,— тамъ и вымиранія нѣтъ. Остатки индѣйскихъ племенъ въ Ю. Америкѣ мѣстами грозятъ «индіанизировать» бѣлыхъ; негры въ С. Штатахъ размножаются такъ, что на югѣ уже превосходятъ числомъ бѣлыхъ; даже нѣкоторыя индѣйскія трибы упорно не поддаются пріемамъ вымариванія. То-же было-бы и повсемѣстно, если-бы туземное населеніе не изводили систематически сначала огнемъ и мечомъ, а въ заключеніе голодомъ и нищетой.

Для полноты очерка не мѣшаетъ напомнить исторію Индіи, завоеванной сто лѣтъ тому назадъ и отданной «на потокъ и разграбленіе» знаменитой остъ-индской компаніи. Здѣсь тѣ-же неизмѣнные спутники европейскаго культуртрегерства: безконечная вереница насилій и грабежей, обезземеленіе массы населенія, «равнины, бѣлѣющія костями» индусовъ, погибшихъ

отъ голода. Усмиряется возстаніе сипаевъ: деревни и села выжигаютъ на чисто; истребляютъ населеніе поголовно; захваченныхъ въ плѣнъ или просто заподозрѣнныхъ въ участіи въ бунтѣ вѣшаютъ гуртомъ, безъ суда и разбора, по 100—200 штукъ на одномъ деревѣ (Forbes-Mitchell. «Reminiscenses of the great Mutiny 1857—59». London, 1894), и не сразу, а послѣ предварительнаго истязанія и надругательства, порки плетьми, вымазыванія саломъ магометанъ и т. п. (эти надругательства продѣлывались по приказанію начальниковъ); разстрѣливаютъ гуртомъ мятежниковъ, и если не всѣ убиты на повалъ, то поджигаютъ груду полуживыхъ людей; отдаютъ города на разграбленіе солдатамъ. Еще въ 60-хъ годахъ обращеніе англичанъ съ индусами было таково, что вызвало у Ч. Дилька въ высшей степени характерное замѣчаніе: «Можно подумать, что въ англичанинѣ таится огромный запасъ жестокости, которая неудержимо пробивается наружу, лишь только попадется слабый врагъ или подчиненный, точно вознаграждая себя за стѣсненіе, налагаемое дома закономъ и обычаемъ». Это характеристика не англичанина только, а вообще европейца, къ сожалѣнію справедливая и до сихъ поръ.

Надо также отмѣтить новѣйшую форму рабства, изобрѣтенную XIX вѣкомъ: рабство куліевъ въ европейскихъ колоніяхъ въ Перу, на Антильскихъ островахъ, въ Полинезіи и проч. Этихъ «вольнонаемныхъ» работниковъ бьютъ, сажаютъ на цѣпь, продаютъ, водятъ въ цѣпяхъ, кормятъ тухлятиной и замариваютъ на работѣ. Единственное отличіе ихъ отъ рабовъ заключается, кажется, въ томъ, что послѣдними дорожили хоть сколько-нибудь, какъ собственностью; тогда какъ куліевъ, закабаленныхъ на срокъ (5—10 лѣтъ) морятъ уже совершенно безцеремонно и вытягиваютъ изъ нихъ весь сокъ вмѣстѣ съ жизнью къ концу кабальнаго времени. Разъ попавши въ кабалу, они почти никогда не выходятъ изъ нея живыми.

Для характеристики европейскаго культуртрегерства характерны также войны, вродѣ китайской «опійной» войны 1840 г. О ней можно сказать, пародируя стихъ Некрасова,— «бывали хуже войны, но не было подлѣе». Цѣль войны, какъ извѣстно, заключалась въ томъ, чтобы навязать Небесной Имперіи ядъ, опіумъ, отъ котораго китайское правительство хотѣло оберечь своихъ подданныхъ.

Наконецъ, не мѣшаетъ вспомнить о развитіи и распространеніи пиратства, морского разбоя, совпадающемъ съ эпохой нашествія бѣлыхъ. Образовалось своего рода плавучее

государство, граждане котораго, вродѣ знаменитыхъ флибустьеровъ, рыскали по всѣмъ морямъ и забирались въ самые отдаленные закоулки земного шара.

Подведемъ-же итогъ этому бѣглому обзору. Чѣмъ характеризуется эпоха нашествія бѣлыхъ въ исторіи человѣчества?

Возрожденіемъ работорговли въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, какихъ еще не знала исторія, и распространеніемъ этого промысла по всему свѣту.

Распространеніемъ по всему свѣту порки дѣтей.

Созданіемъ худшей формы рабства, какую только знала исторія.

Истребленіемъ девяти десятыхъ, если не девяносто девяти сотыхъ, населенія громадной области, охватывающей обѣ Америки, Австралію, Полинезію и Меланезію, и обращеніемъ остатковъ этого населенія въ касту жалкихъ, нищихъ отверженцевъ.

Чудовищными гекатомбами въ Африкѣ, гдѣ на долю однихъ европейцевъ приходится десятка два племенъ, истребленныхъ начисто, и, по меньшей мѣрѣ, полтораста милліоновъ жертвъ охоты за рабами; да на долю арабовъ не меньше.

Наконецъ, въ Азіи, куда ни проникали европейцы,—всюду мы видимъ или истребленіе и вымариваніе инородцевъ, или обнищаніе массы населенія *).

Но истребленіемъ и вымариваніемъ не ограничивалась ихъ дѣятельность; она повсемѣстно приводила къ глубокому развращенію уцѣлѣвшихъ отъ бойни остатковъ туземнаго населенія. Вездѣ они мало-по-малу поддавались вліянію европейской алчности, хищности и безсовѣстности, утрачивали свою первобытную солидарность, честность, мягкость и человѣчность и болѣе или менѣе изгаживались. Вліяніе европейцевъ въ этомъ смыслѣ вездѣ одинаково: отзывы путешественниковъ объ индѣйцахъ, африканцахъ, полинезійцахъ, азіатскихъ дикаряхъ и проч., испытавшихъ европейское вліяніе, замѣчательно сходятся въ этомъ отношеніи. Но особенно сильно сказалось это вліяніе въ Африкѣ, гдѣ европейцы и арабы дѣйствовали совмѣстно втеченіе нѣсколькихъ столѣтій. «Тутъ все сплошь — насиліе, грабежъ, убійства и набѣги, единственная цѣль которыхъ—захватъ скота и невольниковъ, вообще беззаконное пріобрѣтеніе... тутъ короли торгуютъ подданными, мужья продаютъ женъ, родители дѣтей, а иногда и дѣти родителей». (Летурно). Но чего-же и ожидать послѣ четырехсотлѣтняго

*) Ср. Ядринцевъ. Сибирскіе инородцы. Спб., 1891.

воспитанія подъ руководствомъ работорговцевъ и охотниковъ за людьми?

Можно подивиться лишь тому, что большинство дикарей, несмотря на вліяніе культуртрегеровъ, сохранили массу добродушія, благородства и безкорыстія. Наиболѣе добросовѣстные наблюдатели (Дарвинъ, Бэтсъ, Ляйелль и др.) свидѣтельствуютъ о кроткомъ, веселомъ характерѣ негровъ въ Америкѣ, объ ихъ безкорыстной услужливости и всегдашней готовности помочь человѣку, облегчить его затрудненія, etc.,—чертахъ характера, которыя выгодно отличаютъ ихъ отъ закоренѣлыхъ въ эгоизмѣ, грубости и фанаберіи португальцевъ, янки и пр. Объ индѣйскихъ племенахъ тѣ-же отзывы; характерны замѣчанія, которыя очевидно случайно вырываются у путешественниковъ. Напр. Бэтсъ, разсказывая о португальцѣ, перенявшемъ образъ жизни и привычки индѣйцевъ, прибавляетъ: разумѣется, онъ не воспринялъ ихъ нравственности. Отзывы о бушменахъ и готтентотахъ мы уже приводили; характерно, что даже высшія разновидности черной расы, болѣе податливыя на европейское и арабское вліяніе, не такъ свирѣпы, какъ ихъ описываютъ. Растлѣніе коснулось главнымъ образомъ наиболѣе культурныхъ племенъ и наиболѣе культурныхъ слоевъ. Тѣмъ не менѣе путешественникъ, если только онъ порядочный человѣкъ, а не хищникъ, вродѣ Стэнли, находитъ и привѣтъ, и помощь у африканцевъ. Ливингстону не приходилось пускать въ дѣло ружья и револьверы, Бингеръ прошелъ 4000 километровъ, ни разу не вынимая оружія, вездѣ встрѣчая гостепріимство, радушіе, привѣтливость. Только въ новѣйшее время, когда европейцы проникли въ самое сердце чернаго материка и всюду зарекомендовали себя какъ слѣдуетъ, имъ удалось привить неграмъ ненависть къ бѣлому человѣку просто, какъ таковому, какъ типу хищника. Эта ненависть сказалась напр. при столкновеніи экспедиціи д-ра Лента съ племенемъ варомбо. Убивъ Лента и Кречмера, варомбо отпустили ихъ спутниковъ-негровъ, заявивъ имъ: «Ступайте! мы убиваемъ только европейцевъ!» (Въ отместку за это убійство деревня варомбо была сожжена, ея жители перебиты, захваченные въ плѣнъ повѣшены, имущество жителей—скотъ—захвачено бѣлыми; это называется «Strafexpedition».)

Не правъ ли я былъ, называя эпоху послѣднихъ четырехъ столѣтій самой мрачной въ исторіи человѣчества? Міръ не видалъ еще такого нашествія, какъ европейское послѣднихъ столѣтій. Суровый Римъ не истреблялъ покоренныхъ племенъ,

свирѣпые монголы не остановили роста русскаго населенія, во время хронической рѣзни великаго переселенія народовъ не погибла ни одна раса. Все это было школьнической дракой въ сравненіи съ нашествіемъ европейца. Это ужъ не вандалъ, не скиѳъ, не римлянинъ, не монголъ,—это новый, невиданный звѣрь. Нѣтъ такой гнусности, для которой онъ былъ-бы недостаточно гнусенъ; нѣтъ такой подлости, для которой онъ былъ-бы недостаточно подлъ; нѣтъ такой жестокости, для которой онъ былъ-бы недостаточно извергъ! Это рафинированная свирѣпость, квинтэссенція звѣрства! Собаки, пріученныя разрывать людей, сожженіе гуртомъ, вымариваніе голодомъ, облавы, затаптываніе младенцевъ, поголовное вырѣзываніе, охота за скальпами, отрава, пытки, надругательства... И при этомъ систематичность, неуклонность; регулярное, неустанное избіеніе изъ года въ годъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе; сто—двѣсти—триста лѣтъ подъ-рядъ, пока только есть кого избивать.

Это побѣдное шествіе цивилизаціи по бѣлу свѣту напоминаетъ мнѣ гоголевскую свинью: «тутъ-же, разрывая мусоръ, съѣла она мимоходомъ цыпленка и какъ ни въ чемъ не бывало продолжала уписывать арбузныя корки». Только здѣсь роль цыпленка сыграла добрая треть человѣчества, потому что населеніе обѣихъ Америкъ, Австраліи съ Океаніей и областей, захваченныхъ и опустошенныхъ европейцами въ Африкѣ и Азіи, далеко превосходило населеніе тогдашней Европы. Но историки, восхищенные арбузными корками, доставшимися на долю европейцамъ, забываютъ объ этомъ, точно и впрямь здѣсь дѣло идетъ о цыпленкѣ. Спросите ихъ, что принесли *человѣчеству* послѣднія столѣтія? Вамъ отвѣтятъ: книгопечатаніе, реформацію, успѣхи науки, Рафаэля, Галилея, велосипедъ, дезинфекцію выгребныхъ ямъ и проч., и проч. А истребленіе трети человѣчества; драма, разыгравшаяся во всѣхъ концахъ земли; сотни милліоновъ избитыхъ, замученныхъ, растерзанныхъ, сожженныхъ, отравленныхъ, порабощенныхъ, развращенныхъ, униженныхъ мужчинъ и женщинъ, дѣтей, отцовъ и матерей, — это аксессуаръ, мелкая подробность, несущественная деталь.

Если-бы это избіеніе младенцевъ было продѣлано подонками и отбросами европейскихъ націй, авантюристами и проходимцами, ссыльными и бѣглыми,—тогда можно-бы было сказать, что оно не характерно для европейской цивилизаціи, не обнаруживаетъ нравственнаго уровня *средняго* европейца. Но тутъ и рѣчи нѣтъ о проходимцахъ. С. Штаты и система ис-

требленія индѣйцевъ основаны едва-ли не лучшей частью англійскаго населенія: сторонниками реформаціи, бѣжавшими отъ гоненій господствующей церкви. И современное возмутительное отношеніе американцевъ къ неграмъ и желтокожимъ есть отношеніе всего народа, не исключая массы интеллигенціи: горсть лучшихъ людей тщетно борется противъ этого некрасиваго проявленія типичныхъ чертъ культурнаго человѣка.

Опустошеніе Южной Америки совершено блестящими витязями рыцарственной Испаніи; иниціаторъ этого опустошенія Христоферъ Колумбъ, охотившійся съ собаками за индѣйцами Антильскихъ острововъ, и сейчасъ фигурируетъ въ популярныхъ книжкахъ въ качествѣ образца величія и благородства. И опять если-бы Вейлеру *удалось* придушить кубанцевъ, не былъ-бы онъ національнымъ героемъ *современной* Испаніи?

Въ Африкѣ голландцы и французы-гугеноты, бѣжавшіе отъ отечественныхъ «драгонадъ», охотились за бушменами и готтентотами, отравляя пруды и колодцы, не давая пощады ни старому, ни малому. А гугеноты представляли изъ себя цвѣтъ французскаго населенія.

Англійская *интеллигенція* — а не подонки общества! — привѣтствуетъ генерала Китченера, нѣжныя миссъ подносятъ букеты фіалокъ истребителю безоружныхъ и раненыхъ; и голоса немногихъ журналистовъ, поднявшіеся противъ усвоенныхъ сирдаромъ пріемовъ войны, только рѣзче оттѣняютъ общіе восторги.

Въ Австраліи англійскіе офицеры и солдаты упражнялись въ стрѣльбѣ на дикаряхъ, колонисты устраивали облавы на чернаго звѣря, ссыльные уводили женщинъ и кастрировали для забавы мужчинъ, миссіонеры вымаривали голодомъ тасманійцевъ.

Въ Полинезіи англійскіе миссіонеры заставляли одну половину населенія истреблять другую, вводили мораль съ помощью пытокъ, плети, клейменія и т. д.

Въ Остъ-Индіи, гдѣ еще недавно въ гостинницахъ вывѣшивались объявленія: «гг. посѣтителей покорнѣйше просятъ не бить прислугу»,—зуботычина, затрещина, хлыстъ были до такой степени *общими* пріемами обращенія съ туземцами, что вызвали у сэра Ч. Дилька цитированное выше характерное замѣчаніе.

Интеллигенція и простонародье, католики и протестанты, миссіонеры, купцы, солдаты, воинственные рыцари и мирные колонисты, — всѣ проявили въ отношеніи дикарей одинаковое

отсутствіе человѣчности и закоренѣлое, вѣками культивированное звѣрство.

Если прибавить сюда, что и внутреннія, домашнія отношенія европейцевъ XVI — XVIII вв. — расцвѣтъ свирѣпости, нетерпимости, изувѣрства и рѣзни, то не знаю, какими натяжками удастся примирить оптимистическія схемы прогресса съ такими фактами. Для этого нужно забыть объ истребленіи трети человѣчества, о возрожденіи рабства, о всемірной поркѣ дѣтей, объ охотѣ на чернаго звѣря, или отнестись къ этимъ явленіямъ, какъ къ неважной детали («съѣла она мимоходомъ цыпленка»), ставъ на точку зрѣнія людей, усматривающихъ въ дикарѣ «двуногую скотину», а не человѣка. Но кто раздѣляетъ эту точку зрѣнія, тотъ самъ является живымъ доказательствомъ теоріи нравственнаго регресса.

Если-же признать дикаря человѣкомъ, то придется—уступая фактамъ, которыхъ не опровергнутъ никакія разглагольствованія о благахъ цивилизаціи—признать, что культура на своихъ послѣднихъ ступеняхъ (европейскія и мусульманскія цивилизаціи) выработала типъ хищника, превзошедшаго бездушной свирѣпостью всѣхъ прежнихъ истребителей и завоевателей, и начертавшаго своими подвигами самую мрачную страницу въ исторіи человѣчества.

XIV.

Прогрессъ, какъ эволюція лицемѣрія.

Какъ человѣчество пыталось насадить добродѣтель, и что изъ этого вышло.—Прогрессъ и искусство лганья.—Двѣ эволюціи.—Прогрессъ возвышенныхъ принциповъ и низменныхъ инстинктовъ.—Лицемѣріе, какъ специфическая особенность европейца. — Іезуитизмъ и сантиментализмъ.—Суррогатъ чувства.—Добродѣтель безъ послѣдствій.—Эволюція правды въ литературѣ XIX вѣка. — Отъ сантиментализма къ натурализму. —Парикмахерскіе пріемы.—Неполная правда.—Золя и его критики.

Я все говорилъ объ отрицательныхъ сторонахъ человѣческой натуры — о жестокости, изувѣрствѣ, хищности и пр., — развивавшихся въ военный періодъ исторіи человѣчества подъ вліяніемъ такихъ факторовъ прогресса, какъ война, рабство и деспотизмъ. Но вѣдь кромѣ этихъ факторовъ и развиваемыхъ ими свойствъ дѣйствовала мораль, болѣе или менѣе возвышенная, культивировались разнообразныя добродѣтели. Успѣхи морали—гордость цивилизаціи. Соціологи любятъ противопоставлять культурнаго человѣка, украшеннаго вѣнкомъ многочисленныхъ добродѣтелей, бушмену, который на вопросъ, что хорошо и что дурно, простодушно отвѣтилъ фразой: «хорошо, если я украду жену у сосѣда, дурно, если сосѣдъ украдетъ жену у меня». Икалось, должно быть, этому бушмену; а вѣдь, говоря по правдѣ, онъ высказалъ нашу мораль:—житейскую, обиходную, не ту, которая существуетъ только на прописяхъ и служитъ лишь для обученія каллиграфіи, а ту, которая практикуется въ жизни культурнымъ человѣкомъ.

Добродѣтель—вообще опасная вещь, и надо удивляться смѣлости людей, которые, несмотря на всѣ уроки прошлаго, рѣшаются выступать въ роли моралистовъ-проповѣдниковъ. Сколько ужъ разъ проповѣдь благочестія приводила къ тріумфу ханжества, проповѣдь вѣры—къ торжеству изувѣрства, проповѣдь любви—къ расцвѣту насилія и т. д., и т. д.!

Если-бы историки строго отличали мораль, служащую для обученія каллиграфіи, отъ морали, примѣняемой въ повседневномъ житейскомъ обиходѣ, исторія этическаго развитія народовъ явилась-бы не въ такомъ раскрашенномъ видѣ, какъ ее малюютъ Летурно, Друммонды и пр. Пришлось-бы, пожалуй, убѣдиться, что нравственность, благочестіе, религіозность и пр. вовсе не развивались въ положительную сторону; что прогрессировали совершенно противоположныя качества: лицемѣріе, ханжество, изувѣрство и тому подобныя, исправляющія должность добродѣтелей, если можно такъ выразиться. Для каждой добродѣтели имѣется свой спутникъ—и подлинная исторія этики была-бы исторіей замѣщенія добродѣтелей ихъ спутниками, приспособлявшими житейскую мораль къ общему ходу цивилизаціи.

Но этого мало! развиваясь въ духѣ жестокости, цивилизація превратила мораль въ орудіе пытки. Водвореніе добродѣтели не только приводило къ торжеству ея печальныхъ спутниковъ, но и порождало цѣлыя группы, цѣлыя системы жестокостей и пытокъ, ранѣе невѣдомыхъ, новыхъ, пріобрѣтавшихся по мѣрѣ развитія человѣчества. И, можетъ быть, ни въ чемъ не обнаруживается такъ ясно сущность цивилизаціи — постепенная утрата человѣчности — какъ въ исторіи моральнаго развитія человѣчества.

Въ видѣ примѣра разсмотримъ исторію «нравственности» въ тѣсномъ смыслѣ, — половой нравственности. У первобытныхъ племенъ нѣтъ понятія о грѣховности или безнравственности половыхъ отношеній. Тутъ сама природа является регулирующимъ началомъ. У нихъ нѣтъ и ревности (т. е. права собственности на женщину), или точнѣе *не было* въ наиболѣе первобытную эпоху. По справедливому замѣчанію Энгельса, безсиліе первобытныхъ людей требовало стадной жизни, а для этого въ свою очередь требовалась «взаимная терпимость взрослыхъ самцовъ, отсутствіе ревности» (l. c. 36). И дѣйствительно, такъ наз. «групповой бракъ» и «поліандрія»—наиболѣе древнія формы брака—исключаютъ ревность. Позднѣе возникаетъ принципъ собственности на женщину; еще позднѣе—мораль: половая распущенность объявляется грѣхомъ, преступленіемъ; цѣломудріе прославляется, какъ добродѣтель, и вмѣняется въ обязанность. Мы не знаемъ, къ какой эпохѣ въ исторіи человѣчества относится возникновеніе половой морали; у большинства современныхъ племенъ она торжествуетъ, такъ какъ у нихъ развита проституція. Это вѣрный спутникъ и характер-

ный признакъ торжества добродѣтели: у совершенно «безнравственныхъ» племенъ проституціи нѣтъ, и появленіемъ этого института отмѣчаются первые успѣхи морали.

Во всякомъ случаѣ, исторія насажденія добродѣтели на мѣсто первобытной распущенности тянется уже не одинъ десятокъ тысячъ лѣтъ; чѣмъ-же она увѣнчалась?

Не трудно доказать,—если только нужно доказывать это,—что нравственность современнаго общества не превосходитъ нравственности первобытныхъ людей. Напомнимъ всетаки главные, сюда относящіеся, факты. Во-первыхъ, для мужской половины человѣческаго рода добродѣтель съ первыхъ шаговъ цивилизаціи оказалась не по плечу. Создалась проституція, создались соотвѣтственныя учрежденія и заведенія, признанныя государствомъ. Тутъ, стало быть, о прогрессѣ морали толковать не приходится: она сразу потерпѣла фіаско. Дѣйствующимъ, регулирующимъ, сдерживающимъ и разрѣшающимъ началомъ является, какъ и у дикарей, сама природа, болѣе или менѣе холодный или чувственный темпераментъ и внѣшнія препятствія, недостатокъ средствъ и т. п., а ужъ никакъ не велѣнія добродѣтели. Создались двѣ морали: одна, мораль прописей и немногихъ чудаковъ, запрещаетъ; другая, мораль обиходная, мораль массы, разрѣшаетъ и поощряетъ. Герой этой морали—возбуждающій зависть и удивленіе молодежи, притворное негодованіе и тайное сочувствіе зрѣлыхъ людей—сердцеѣдъ, побѣдитель, обожатель женщинъ, въ грубой-ли формѣ поручика Кувшинникова, который, «повѣришь-ли, простой бабы не пропускалъ», къ восторгу Ноздревыхъ, или въ изящной оболочкѣ Донъ-Жуана, который... тоже простой бабы не пропускалъ, къ удивленію поэтовъ. Книжная мораль оставалась въ книгахъ, а масса вѣками и тысячелѣтіями культивировала развратъ—и съ успѣхомъ: кто заглянетъ въ спеціальныя сочиненія вродѣ «Psychopathia sexualis» Крафтъ-Эбинга и сравнитъ ихъ съ описаніями самыхъ распущенныхъ дикарей, тотъ убѣдится, что въ отношеніи разнообразія, утонченности и просто невѣроятной вычурности и противуестественности формъ порока культурное общество далеко превосходитъ любое первобытное племя. Только въ культурномъ обществѣ все это продѣлывается при закрытыхъ дверяхъ и лишь изрѣдка доводится до общаго свѣдѣнія въ скандальныхъ процессахъ, случайныхъ разоблаченіяхъ (вродѣ разоблаченій «Pall Mall Gazette» относительно англійской аристократіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ) и т. п.

Разъ для одной половины рода человѣческаго мораль при

знана не обязательной и порокъ не только допущенъ, но и облегченъ,—то, понятно, она не можетъ имѣть нравственной силы и въ глазахъ другой половины. Здѣсь также регулирующимъ началомъ является натура, холодная или страстная, и внѣшнія препятствія: боязнь скандала, боязнь мужа, страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, которое впрочемъ казнитъ отступленіе отъ установленныхъ правилъ, а не нарушеніе морали. Но такъ какъ соблюсти приличія не трудно и грѣшить можно по всѣмъ правиламъ, установленнымъ на этотъ счетъ, то Донъ-Жуаны подвизаются съ полнымъ успѣхомъ, и увѣнчаніемъ цивилизаціи является нравственный уровень общества, изображеннаго въ «Demi-Vierges» и «Pot bouille».

Итакъ, добродѣтели не удалось насадить; а удалось насадить и внѣдрить въ человѣческую натуру извращеніе добродѣтели,—поклоненіе приличіямъ, отвратительное лицемѣріе, характерное для культурнаго человѣка и заставляющее насъ клеймить не порокъ, а «скандалъ».

Но я имѣю въ виду не эту сторону предмета (разоблачаемую многими писателями и моралистами), а другую, гармонирующую съ общимъ ходомъ цивилизаціи и характерную для него. Тысячелѣтнія попытки насадить добродѣтель остались безуспѣшными,—зато какой рядъ новыхъ и разнообразныхъ жестокостей, неизвѣстныхъ первобытнымъ людямъ, явился результатомъ этихъ попытокъ! Мало по малу выдѣляется цѣлый классъ женщинъ-паріевъ, зачумленныхъ и прокаженныхъ, униженныхъ, оплеванныхъ, утратившихъ человѣческое достоинство подъ гнетомъ общаго презрѣнія. Ими гнушаются самые «гуманные» люди, и въ отпоръ такому отношенію онѣ съ своей стороны вооружаются наглостью, цинизмомъ и безстыдствомъ. И отношеніе къ нимъ не улучшается съ развитіемъ цивилизаціи, а скорѣе ухудшается: наибольшимъ гнетомъ презрѣнія раздавлены эти жертвы нашей добродѣтели въ тѣхъ обществахъ, гдѣ царствуютъ нравы «Pot-bouille». Далѣе, образуется обширный классъ «незаконныхъ» дѣтей, тоже ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ, терпящихъ оскорбительное отношеніе, двусмысленное положеніе, въ видахъ преуспѣянія морали. И, наконецъ, вспомнимъ о безчисленныхъ трагедіяхъ, о самоубійствахъ и помѣшательствахъ, о младенцахъ, бросаемыхъ, истребляемыхъ, сбываемыхъ на фабрики ангеловъ, чтобы избѣжать огласки и позора, о загубленныхъ и разбитыхъ существованіяхъ, о дѣвушкахъ, выходящихъ за перваго попавшагося прохвоста, на муку и горе, чтобы «прикрыть грѣхъ»...

Есть небольшой, въ пять-шесть страничекъ, разсказъ Мопассана,—коротенькая и несложная исторія дѣвочки, гнусно оскорбленной лакеемъ. Ее обходятъ, какъ прокаженную; чадолюбивыя маменьки не подпускаютъ къ ней дѣтей, сверстницы отворачиваются отъ нея на улицѣ, въ скверѣ. Это нестерпимая, каждодневная пытка, обрушивающаяся на ребенка, и безъ того истерзаннаго, который не въ силахъ даже отвѣтить злобой и презрѣніемъ, а можетъ только изнывать въ безконечной тоскѣ,—кончается самоубійствомъ.

Разсказъ производитъ мучительное почти до физической боли и незабываемое впечатлѣніе. Написанъ онъ просто, безпритязательно, почти «протокольно»; но съ тѣмъ особеннымъ, тайну великаго художника составляющимъ, искусствомъ, благодаря которому въ изображеніи мелкаго и частнаго случая передъ вами обнажаются основныя и общія черты человѣческой природы. Холодная жестокость, инквизиторское бездушіе людей—не изверговъ, не уродовъ, не злодѣевъ, не палачей и не инквизиторовъ, а обыкновенныхъ, «среднихъ» людей, «добрыхъ буржуа», приличныхъ и благонравныхъ, съ отлично накрахмаленными душами и воротничками,—выступаетъ передъ вами въ чистомъ, неподкрашенномъ видѣ, возбуждая чувство глубокаго, безнадежнаго пессимизма. Кто хуже: негодяй, обезчестившій ребенка, или добродѣтельные люди, которые, «живя согласно со строгою моралью», замучиваютъ раненаго и добиваютъ лежачаго? На что надѣяться, чего ожидать отъ существъ, которыя все, даже мораль, даже возвышенныя стремленія, ухитряются превратить въ орудіе пытки, въ Молоха—пожирателя младенцевъ?

Замѣтьте, что въ жертву этому Молоху приносятся исключительно невинныя, а главное обиженныя, истерзанныя, оскорбленныя женщины, которыхъ безвыходное положеніе толкнуло на путь порока, обманутыя дѣвушки, наконецъ дѣти. Кто раненъ—тому бередятъ и растравляютъ рану; кто оскорбленъ—того оплевываютъ и осмѣиваютъ; кто упалъ въ грязь — того топчутъ и тискаютъ глубже, — вотъ служеніе добродѣтели въ культурномъ обществѣ.

Итакъ, подводя итоги этическому развитію, развитію человѣчества въ сферѣ половыхъ отношеній, мы находимъ вмѣсто успѣховъ нравственности культъ разврата, раздвоеніе морали на книжную и житейскую, и превращенное въ кумиръ лицемѣріе, сложную систему приличій, правилъ, пріемовъ и способовъ обходить книжную мораль въ угоду житейской. А для

поддержанія этого кумира во всей его славѣ развилась цѣлая система жестокостей и пытокъ, которымъ ежечасно и повсемѣстно подвергаются обиженные судьбою и ни въ чемъ неповинные.

Зная все это, удивляешься, какъ поворачивается языкъ у историковъ культуры толковать о смягченіи и облагораживаніи нравовъ. Суррогатъ «облагораживанія», прикрывающій болѣе чѣмъ первобытную порочность, не многаго стоитъ, а «смягченіе» нравовъ, выражающееся въ замучиваніи слабыхъ, въ жестокостяхъ, невѣдомыхъ грубымъ дикарямъ, правильнѣе назвать озвѣрѣніемъ.

Итакъ, разсматривая такую «отрадную» сторону цивилизаціи, какъ стремленіе къ цѣломудрію и чистотѣ нравовъ, въ принципѣ возвышенное и благородное, мы приходимъ къ тому-же выводу, что и при изученіи безотрадныхъ явленій войны, рабства, казней, пытокъ и т. п. Успѣхи цивилизаціи—успѣхи безчеловѣчности; она вырабатывала и воспитывала палача, у котораго даже лучшія побужденія превращались мало по малу въ бездушную жестокость. Кто ясно это сознаетъ, тому трудно быть оптимистомъ, несмотря на переломъ, совершающійся въ послѣднія два столѣтія, и отмѣну нѣкоторыхъ грубыхъ формъ жестокости, вродѣ рабства, пытокъ, казней.

* * *

Я выбралъ область половой нравственности, потому что въ этой именно области всего наглядѣе проявляется лицемѣріе, какъ характерное свойство культурнаго человѣка.

Но примѣровъ, подтверждающихъ и иллюстрирующихъ это заключеніе, такая бездна на каждомъ шагу, что затрудняешься выборомъ. Европеецъ всегда дѣйствуетъ во имя самыхъ возвышенныхъ и благородныхъ принциповъ гуманности, культуры, общаго блага и т. п. Никакая гнусность не продѣлывается просто, изъ хищности, корыстолюбія, властолюбія,—все прикрывается соображеніями высшей морали. Возьмите хоть опустошеніе земного шара, истребленіе некультурнаго человѣчества, очерченное въ предыдущей главѣ. Никогда европейцы не грабили, не убивали, не разбойничали... Отъ генуэзскаго проходимца Колумба до американскаго босяка Стэнли—всѣ эти истребители младенцевъ и растлители малолѣтнихъ «несли дикарямъ блага культуры, свѣтъ образованности» и проч. Колумбъ напр., основатель работорговли въ Америкѣ, продавая плѣнныхъ индѣйцевъ испанскимъ купцамъ, дѣйствовалъ ради «общаго блага», и прежде всего ради блага самихъ индѣй-

цевъ, которые—говорилъ онъ—будутъ обращены въ христіанскую вѣру. Сверхъ того пошлина съ работорговли увеличитъ доходы казны. Патріотизмъ и христіанское милосердіе—вотъ мотивы, руководившіе этимъ хищникомъ.

Лишь изрѣдка, подъ вліяніемъ критики немногихъ безпокойныхъ людей, подчеркивающихъ странный характеръ «гуманности», грабительствующей и истребляющей, — истинные мотивы европейскаго культуртрегерства высказываются откровенно, какъ въ цитированномъ выше заявленіи майора Боскхарта: «мы, европейскіе пауки, идемъ высасывать африканскихъ мухъ!»

Но такая правдивость—рѣдкое исключеніе. Вообще-же европейское культуртрегерство—актъ самоотверженнаго служенія ближнему! «Лучшіе сыны Европы, гордость ея просвѣщенія, работаютъ на черномъ материкѣ подъ знаменемъ благороднѣйшей человѣчности (der edelsten Humanität)» *).

Эти по истинѣ безстыжія слова рисуютъ во весь ростъ европейца, какъ типъ, выработавшійся на послѣдней ступени моральнаго развитія человѣчества,—типъ тартюфа, враля-художника, враля, обманывающаго не только другихъ, но и себя самого.

Крайне рельефно проявилась лживость европейца въ отношеніи къ дѣтямъ. Наше воспитаніе до сихъ поръ представляетъ чудовищную систему лганья. Мы набиваемъ дѣтскія головы «истинами», въ которыя сами не вѣримъ, внушаемъ имъ мораль, которой сами не слѣдуемъ, да и не желаемъ, чтобы они ей слѣдовали. Дѣтская литература, особливо «для младшаго возраста», съ ея тошнотворными нравоученіями,—тошнотворными именно потому, что и взрослый, и ребенокъ относятся къ нимъ съ одинаковымъ презрѣніемъ и насмѣшкой, — дѣтская литература заслуживала бы спеціальнаго изученія съ этой точки зрѣнія: какъ историческій документъ, иллюстрирующій высшую стадію эволюціи лицемѣрія.

Искусство лганья вообще принадлежитъ къ числу пріобрѣтеній культуры, наряду со всѣми другими искусствами и науками. Уже на стадіи гомеровскихъ грековъ является культъ обмана. Въ числѣ великихъ людей греческаго пантеона Гомеръ называетъ Автолика, «славнаго хитрымъ притворствомъ и клятвъ нарушеніемъ». Богиня Аѳина восхищается лживостью своего любимца, прожженнаго Улисса:

---

*) Falkenhorst: цит. у M. Emin-Efendi. „Kultur u. Humanität". S. 31.

„Долженъ быть скрытенъ и хитръ несказанно, кто спорить съ тобою
Въ вымыслахъ разныхъ захочетъ; то было бы трудно и богу.
Ты, кознодѣй, на коварные выдумки дерзкій, не можешь,
Даже и въ землю твою возвратясь, оторваться отъ темной
Лжи и словъ двоемысленныхъ, съ молода къ нимъ пріучившись".

Но все это дѣтски невинно и наивно въ сравненіи съ европейской лживостью. Улиссъ и Аѳина не сомнѣваются въ томъ, что когда они лгутъ, то являются лгунами, и что ихъ ложь есть дѣйствительно ложь. Только на высшей европейской стадіи развитія морали выработалось искусство лицемѣрія собственно, искусство убѣждать самого себя, что моя ложь есть правда. *Іезуитизмъ* такое же новое и оригинальное европейское изобрѣтеніе, какъ напр. инквизиція. Древнія цивилизаціи не додумались ни до чего подобнаго. Европеецъ, аплодирующій Стэнли, какъ поборнику «интересовъ культуры и гуманности», англійская миссъ, подносящая букетъ фіалокъ лорду Китченеру, какъ «апостолу культуры», антисемитъ, рекомендующій травить евреевъ за ихъ изувѣрство,—всѣ они качественно отличаются отъ наивныхъ древнихъ хитрецовъ и плутовъ. Это новый психологическій типъ, охарактеризованный Грибоѣдовымъ:

... Какъ-жъ о честности высокой говоритъ,
Какимъ то демономъ внушаемъ,
— Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ...

Плачетъ искренно, а затѣмъ съ легкимъ сердцемъ принимается за плутни, и ужъ конечно считаетъ себя выше и благороднѣе того, кто не плутуетъ, но и не плачетъ по поводу «высокой честности». Герой Грибоѣдова—элементарный, грубый негодяй, который, казалось, не могъ бы обмануть многихъ, и тѣмъ не менѣе онъ (т. е. его оригиналъ Толстой-Американецъ) пользовался популярностью въ массѣ интеллигентнаго общества, и лишь немногіе могли оцѣнить его по достоинству.

Вотъ эта то способность проливать слезы надъ возвышеннымъ принципомъ, которому не слѣдуешь въ жизни, а затѣмъ спокойно продѣлывать гадости, и на упрекъ въ негодяйствѣ отвѣчать съ полной искренностью: «какой-же я негодяй, когда я уважаю добродѣтель?», это іезуитское отдѣленіе возвышеннаго принципа отъ низменныхъ дѣлъ,—есть то новое и оригинальное, что внесла европейская цивилизація въ исторію мо-

рали. Никогда раньше подлость не достигала такого законченнаго, выработаннаго состоянія, и никогда она не вѣдалась такъ глубоко въ натуру человѣческую, какъ въ Европѣ. Никогда и нигдѣ не было такой возвышенной морали и такой низменной практики, никогда и нигдѣ преступленіе не драпировалось такъ искусно въ мантію добродѣтели.

«Я причинила много несчастій странѣ,—пишетъ Изабелла католическая папѣ по поводу террора инквизиціи,—я *обезлюдила города, провинціи*, но все это я дѣлала и дѣлаю единственно изъ чистѣйшей любви къ Христу и Его Св. Матери».

Слѣдовать безъ удержа побужденіямъ своей алчности, хищности, сладострастія, жестокости, коварства и не замѣчать этого, потому что воспиталъ въ себѣ способность приходить въ умиленіе надъ отвлеченными принципами безкорыстія, великодушія, цѣломудрія, гуманности, честности,—вотъ европейская мораль.

Порой разражается какая то оргія лицемѣрія, какъ нынѣ во Франціи, по поводу дѣла Дрейфуса; или нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Англіи, по поводу Парнелля и г-жи О'Ши. Но и въ обычное время любой номеръ любой газеты дастъ вамъ достаточно матеріала для характеристики культурнаго человѣка, какъ прожженнаго лгуна и фокусника.

Чѣмъ же объяснить этотъ расцвѣтъ лицемѣрія, параллельный развитію культуры? Понять не трудно. Онъ былъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ разлада между интеллектуальной сферой морали, областью теорій, принциповъ, отвлеченныхъ ученій, и сферой эмоціональной, областью инстинктовъ, чувствъ, стремленій. По мѣрѣ успѣховъ умственнаго развитія преуспѣвала и отвлеченная мораль. Совершалась эволюція возвышенныхъ принциповъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ совершалась эволюція низменныхъ чувствъ. Люди становились грубѣе, свирѣпѣе, хищнѣе, злѣе, эгоистичнѣе, бездушнѣе, корыстолюбивѣе.

Теорія преуспѣвала въ одномъ направленіи, практика въ другомъ, діаметрально противуположномъ. Какъ же могли ужиться рядомъ эти двѣ противуположныя, другъ друга исключающія эволюціи? Связующимъ звеномъ явилось лицемѣріе. Надо было воспитать въ себѣ способность уважать отвлеченную мораль,—и не только уважать, а умѣть расчувствоваться, точить слезы, такъ чтобы глаза наливались кровью и лицо горѣло. Это и удалось вполнѣ тароватой на выдумки и гибкой натурѣ европейца.

* * *

Понятно, что эта особенность европейскаго моральнаго типа не могла не отразиться въ литературѣ. Кульминаціоннымъ пунктомъ лицемѣрія является сантиментализмъ,—специфическая европейская черта. Древнимъ цивилизаціямъ сантиментальность чужда. Ихъ литературы просты, грубы. Имъ даже ставили въ укоръ недостатокъ чувствительности, отсутствіе романтизма, романтической любви и тому подобныхъ напускныхъ чувствъ, такъ пышно расцвѣтшихъ въ Европѣ. «Бѣдная Лиза», «Сантиментальное путешествіе» Стерна и т. п. вещи типичныя для европейской литературы, и навсегда останутся памятниками культурнаго тартюфства.

Съ успѣхами отвлеченной морали и регрессомъ морали практической, житейской необходимо долженъ былъ развиться суррогатъ благородныхъ чувствъ. Такъ возникла сантиментальность: фальсификація чувства, суррогатъ благородства. «Сантиментальное путешествіе», «Письма русскаго путешественника», «Бѣдная Лиза»—это именно «глаза въ крови, лицо горитъ», разведенное на сотняхъ страницъ. Подобныя произведенія, возбуждая дѣятельность слезоотдѣлительныхъ железъ, спасали людей отъ непріятнаго сознанія раздвоенности. Они давали практику добродѣтели безъ послѣдствій, гуманности безъ приложенія. Поплакавъ надъ сахарной фигуркой и отдавъ такимъ образомъ дань человѣколюбію, европеецъ съ легкимъ сердцемъ принимался раздѣлывать подъ орѣхъ живыхъ, настоящихъ людей. Авторъ «Бѣдной Лизы» въ письмахъ къ своему бурмистру совершенно спокойно приказывалъ насильно вѣнчать крестьянъ, сѣчь кликушъ и т. п. А между тѣмъ, расписывая страданія своей героини, онъ навѣрно пускалъ слезу,—настоящую, неподдѣльную слезу,—и самъ былъ увѣренъ и другихъ увѣрилъ въ своемъ «прекраснодушіи». Закоренѣлый крѣпостникъ, онъ взбѣсился на Пушкина, когда тотъ назвалъ его поборникомъ рабства, и что всего удивительнѣе, самъ Пушкинъ, съ его свѣтлымъ умомъ и простой, неподдѣльной человѣчностью, не разобралъ фальсификаціи и замолчалъ, «уважая самый гнѣвъ прекрасной души».

Суррогатъ гуманности, фальсификація доброты, напускное чувство, накладная добродѣтель,—словомъ, сантиментальность увѣнчиваетъ эволюцію лицемѣрія.

Эта способность пускать слезу надъ вымышленными образами, проходя равнодушно мимо живыхъ людей, является причиной оптической иллюзіи, о которой упоминалось выше. Кажущаяся широта европейской гуманности обманывала и обманываетъ даже проницательныхъ наблюдателей. Тутъ повторяется та же ошибка, въ которую впалъ Гамлетъ, вообразившій, будто актеръ, рыдающій изъ-за Гекубы, изъ-за «пустого вымысла», тѣмъ болѣе воспламенился бы изъ-за дѣйствительной, реальной причины,—«потопилъ бы сцену

> Въ своихъ слезахъ и страшными словами
> Народный слухъ бы поразилъ“ etc.

На самомъ дѣлѣ актеръ, рыдающій надъ Гекубой, проходитъ съ величайшимъ спокойствіемъ мимо дѣйствительнаго бѣдствія.

Не говоря о сантиментализмѣ, врядъ ли вообще можно считать благотворнымъ вліяніе литературы, *поскольку она дѣйствуетъ на чувства*, по крайней мѣрѣ на чувства положительныя: жалости, симпатіи и пр. Пушкинъ, говоря о себѣ: «чувства добрыя я лирой пробуждалъ»,—врядъ ли вѣрно охарактеризовалъ заслугу своей поэзіи. Дѣло въ томъ, что пробужденіе добрыхъ чувствъ въ пустую, безъ послѣдствій, скорѣе способствуетъ процвѣтанію эгоизма, чѣмъ подрываетъ его. Самый закоренѣлый себялюбецъ не можетъ питаться исключительно себялюбіемъ; остатки, слѣды первобытнаго «фонда альтруизма» даютъ себя знать и требуютъ хоть какого-нибудь суррогата. Этимъ суррогатомъ и являются «добрыя чувства», возбуждаемыя трогательными картинами.

Другое дѣло интеллектуальная сторона искусства,—анализъ жизни, знаніе и пониманіе, которое сообщаютъ намъ произведенія Пушкина и всякаго истиннаго художника. Искусство учитъ—въ этомъ вся его заслуга. Зола показываетъ намъ (въ «Assommoir»), какъ буржуазный строй губитъ хорошихъ, честныхъ, великодушныхъ людей (судьба Жервезы), шагъ за шагомъ доводя ихъ до полнаго паденія, до смерти заживо; Мопассанъ срываетъ покрывало показныхъ добродѣтелей съ буржуазной клоаки,—и безъ сомнѣнія многіе, не замѣчавшіе раньше ничего особенно сквернаго и ужаснаго въ окружающемъ быту, прозрѣли, благодаря великимъ писателямъ.

Какъ въ отношеніи жестокости, такъ и въ отношеніи лицемѣрія нашъ вѣкъ представляетъ реакцію, поворотъ къ новому и лучшему. Въ литературѣ совершается эволюція правды. Отъ беззастѣнчиваго лганья сантиментальной литературы черезъ «неполную правду» реализма мы добираемся до натурализма

Зола и его послѣдователей, сознательныхъ и безсознательныхъ. Разумѣется, торжество правды не легко дается. Несмотря на фактическую побѣду Зола, «направленіе» котораго воспринято всѣми серьезными художниками (сравните напр. у насъ Чехова съ прежними писателями: Тургеневымъ, Толстымъ и пр.). до сихъ поръ не прекращаются пошлыя обвиненія въ цинизмѣ, человѣконенавистничествѣ и пр., по адресу величайшаго писателя нашего вѣка.

Понятное дѣло: большинство людей ищутъ въ литературѣ лавровишневыхъ капель. Правда слишкомъ тревожна, слишкомъ мучительна. Если не безпардонная ложь Стерна, то хоть искусство подкрашивать и подрумянивать необходимо для успокоительнаго дѣйствія романа или стиховъ. Какое розовое представленіе о человѣчествѣ выносишь изъ романовъ Вальтеръ Скотта или Диккенса! Достигается это извѣстными пріемами: черныя стороны жизни систематически подбѣляются; въ число героевъ выпускаются вмѣстѣ съ реальными образами сахарные человѣчки, образцы тѣхъ или другихъ добродѣтелей, и наконецъ—классическій пріемъ—добродѣтель торжествуетъ, порокъ наказывается.

Немало ложныхъ представленій породила эта литература. Для примѣра возьму романъ Вальтеръ Скотта «Айвенго». Забавно слѣдить, какъ тщательно и систематически авторъ подмѣняетъ тяжелую историческую правду пріятной романической ложью. Обладая громаднымъ и настоящимъ художественнымъ даромъ, онъ не можетъ наполнить свое произведеніе сплошь сахарными фигурками. Съ первыхъ страницъ передъ нами являются мастерски набросанныя фигуры средневѣковыхъ разбойниковъ: жестокій, почти отрѣшившійся отъ человѣческихъ чувствъ, Бріанъ-де-Буагильберъ, лютый, алчный, безсовѣстный Фронъ-де-Бёфъ и т. п. Но авторъ никогда не позволяетъ этимъ хищникамъ проявить свою натуру вполнѣ, до конца. Буагильберъ собирается избить серва, но подвертывается благоразумный пріоръ и удерживаетъ расходившагося рыцаря. Тотъ же рыцарь намѣревается подстеречь и ограбить богатаго еврея, но благочестивый пилигримъ проводитъ еврея безопасной дорогой. Въ концѣ концовъ однако еврей съ дочерью и саксонскій танъ съ семьей попадаются въ лапы рыцаря и его пріятелей. Фронъ-де-Бёфъ, желая вынудить у еврея выкупъ, собирается поджаривать его на рѣшеткѣ, но въ самую критическую минуту раздается призывный рогъ за воротами замка, и феодалъ принужденъ отложить экзекуцію. Предводитель наем-

ной шайки, Де-Браси, овладѣвъ саксонкой Ровеной, желаетъ навязать ей свою любовь; но красавица плачетъ, и Де-Браси—прожженный, заматерѣлый въ грабежѣ, насиліи и убійствѣ не годяй—трогается ея слезами! Буагильберъ намѣревается подвергнуть насилію еврейку, но отступаетъ, пораженный ея возвышеннымъ характеромъ. Фронъ-де-Бёфъ отдаетъ приказъ сорвать кожу съ головы шута Вамбы и сбросить его со стѣны, но опять-таки во время подвертывается вольный рыцарь и оставляетъ шута себѣ для забавы. Наконецъ добродушные разбойники, подъ предводительствомъ великодушнаго рыцаря, берутъ замокъ и освобождаютъ плѣнныхъ. Такъ продолжается на протяженіе всего романа. Ни одна гнусность не успѣваетъ совершиться до конца. Если нѣтъ подъ рукой великодушнаго разбойника или чувствительнаго проходимца, авторъ изобрѣтаетъ счастливыя случайности; напримѣръ, свирѣпый Буагильберъ умираетъ отъ разрыва сердца какъ разъ въ ту минуту, когда его смерть необходима для спасенія еврейки, осужденной на сожженіе.

Въ результатѣ получается такое впечатлѣніе: хотя въ обществѣ, изображенномъ у В. Скотта, было достаточно негодяевъ, затѣвавшихъ всевозможныя гнусности, но то-же общество кишѣло благочестивыми пилигримами, великодушными рыцарями, добросердечными разбойниками, чувствительными авантюристами, которые рѣшительно не давали хода негодяямъ и какъ нельзя болѣе своевременно разрушали ихъ гнусные замыслы.

Мы знаемъ, что это ложь; что ничего подобнаго не было въ дѣйствительности. Въ дѣйствительности сервовъ били, убивали, давили, какъ таракановъ; евреевъ грабили, поджаривали на рѣшеткахъ, сжигали на кострахъ; саксонскія дамы и дѣвицы достались въ добычу норманскимъ шайкамъ Вильгельма Завоевателя, и слезы ихъ ничуть не трогали побѣдителей и т. д., и т. д.

Еслибы романистъ съ правдивостью Флобера вздумалъ изобразить эпоху, размалеванную В. Скоттомъ, картина получилась бы не менѣе мрачная и удручающая, чѣмъ въ «Саламбо», гдѣ такъ удивительно схваченъ духъ свирѣпости, проникавшей древнія семитическія культуры. Но область историческаго романа еще не затронута эволюціей правды, и, за исключеніемъ упомянутаго романа Флобера, литература даетъ въ этой области только художественную ложь В. Скотта, водянистое малеванье Эберса, сусальную живопись Сенкевича.

Такую же наивную ложь мы находимъ въ романахъ Дик-

кенса, и особенно въ тѣхъ его романахъ, гдѣ затронуты наиболѣе безобразныя явленія современнаго быта: напр. въ «Оливерѣ Твистѣ» (пріютская жизнь), въ «Никкльби (фабрика ангеловъ). Тутъ обнажаются язвы, ужаснѣйшія изъ всѣхъ,—за то ужъ и счастливыя случайности, и сахарные человѣчки являются буквально цѣлымъ роемъ и такъ щедро поливаютъ язвы елеемъ добродѣтели, что въ концѣ концовъ впечатлѣніе выносится довольно благопріятное, довольно успокоительное. И хотя правдивыя картины Диккенса принесли свою долю пользы, но подмалевка, розовый флеръ, наброшенный на эти картины, бальзамъ и елей, разливаемый потоками,—все это, настраивая читателя на оптимистическій ладъ, врядъ ли сыграло благотворную роль въ развитіи общества.

Однако, несмотря на сахарныхъ человѣчковъ и обиліе елея, Диккенсъ въ извѣстномъ отношеніи стоитъ ближе къ Флоберу, Зола, Мопассану, чѣмъ Теккерей или наши реалисты,—Тургеневъ, Толстой, Гончаровъ,—и даетъ больше правды, чѣмъ эти послѣдніе. Старая лживая манера изображенія тяготѣетъ надъ нимъ, онъ считаетъ необходимымъ ободрять читателя розовыми картинками, да и самъ онъ вѣритъ, наивно, по-дѣтски, въ бальзамъ и елей. Но онъ смѣлъ, правдивъ по натурѣ, а главное сердцемъ скорбитъ о замученныхъ и растоптанныхъ, и не боится спуститься на самое дно, или нарисовать намъ негодяя въ натуральную величину (напр. Урія Гипъ въ «Копперфильдѣ», Мордстонъ, типы лицемѣровъ въ «Чезльуитѣ», «Лавкѣ древностей» и др.).

Куда мельче плаваетъ въ сравненіи съ нимъ Теккерей, котораго такъ часто противупоставляютъ Диккенсу, какъ писателя болѣе глубокаго, болѣе проницательнаго, болѣе правдиваго! Онъ скептичнѣе и тоньше Диккенса,—это безспорно, онъ больше видитъ и понимаетъ, чѣмъ высказываетъ. Это типичный представитель второй фазы въ эволюціи правды: такъ наз. реализма, отрѣшившагося отъ ложной манеры прикрашивать, подслащивать, подмалевывать; изображающаго только правду, но—*не всю* правду. Напротивъ, Диккенсъ одной стороной своего искусства принадлежитъ къ старой, парикмахерской школѣ, а другой—къ современной, къ натурализму.

Художественный міръ Теккерея клиномъ сошелся на богатой буржуазіи и аристократіи. Рѣдко-рѣдко заглядываетъ онъ на чердаки и подвалы, да и то сейчасъ же спѣшитъ выбраться вонъ, поближе къ бэль-этажу. Толпы истерзанныхъ, раздавленныхъ, замученныхъ, затоптанныхъ въ грязь, выброшенныхъ

на гноище,—стоны которыхъ такъ часто раздаются со страницъ Диккенса,—не существуютъ для Теккерея: онъ слишкомъ занятъ амурными дѣлишками Пенденниса или Клэйва Ньюкома, чтобы обращать вниманіе на эти живые отбросы культурнаго общества. Да и въ верхнихъ слояхъ онъ занятъ преимущественно добродѣтельными людьми, а если изображаетъ отрицательные типы, то преимущественно мелкое дрянцо: плутишекъ вродѣ Барнса Ньюкома, злобныхъ ворчливыхъ старухъ (леди Кью), забулдыгъ, не лишенныхъ однако добродушія (Раудонъ Краули) и т. п. Настоящіе скорпіоны и тарантулы если и показываются у него, то мы все же не видимъ ихъ въ дѣйствіи; напр. маркизъ Стэйнъ.

То-же и у нашихъ реалистовъ. «Война и міръ» напр.—картина лучшихъ сторонъ и портретная галлерея лучшихъ людей той эпохи. Появляются и негодяи: Курагинъ, Долоховъ, но даже ихъ авторъ рѣдко выводитъ въ дѣйствіи.

Онъ изображаетъ намъ Долохова шулеромъ (сцена обыгрыванія Ростова) и бреттеромъ (дуэль съ Безухимъ); но въ этомъ послѣднемъ случаѣ впечатлѣніе смягчается чисто Вальтеръ Скоттовской «счастливой случайностью»: пущенная на удачу пуля Безухова ранитъ негодяя и мѣшаетъ ему завершить начатую гадость. А затѣмъ внезапно являются на сцену мать и сестра Долохова, нѣжно имъ любимыя (будто бы), и столь-же внезапно и безслѣдно исчезаютъ. Едва ли въ этомъ случаѣ великій писатель не поддался старинной манерѣ подкрашивать дѣйствительность, спрыскивать грязь духами, чтобъ не такъ сильно смердѣла.

Мы знаемъ однако, что за Долоховымъ и Курагинымъ, кромѣ неудавшихся гадостей, имѣется не мало удавшихся; и притомъ похуже шулерства (авторъ самъ сообщаетъ намъ, что за ними не мало уголовщины). Но они продѣлываютъ это за сценой; а передъ публикой являются въ возможно приглаженномъ видѣ. Вдобавокъ авторъ тщательно выискиваетъ все, что можно сказать въ пользу своихъ героевъ. Львиное мужество Долохова изображено во всей полнотѣ, безъ пропусковъ и недомолвокъ (какъ его звѣрство)—и одна эта черта многихъ заставитъ забыть о тѣхъ его гнусностяхъ, которыя авторъ хоть и называетъ, но не изображаетъ. Даже трусливый Анатоль своей смертью нѣсколько заглаживаетъ произведенное имъ впечатлѣніе гада.

Насчетъ положительныхъ лицъ мы уже говорили выше

Яркое освѣщеніе лучшихъ, затѣненіе худшихъ сторонъ—общая черта «реалистовъ».

Съ извѣстной точки зрѣнія Л. Толстой конечно правъ, относясь отрицательно къ своимъ прежнимъ произведеніямъ. Правда всегда правда; но правда неполная можетъ вести къ недоразумѣніямъ, къ вредному оптимизму.

Разница между старой и новой манерой изображенія особенно ярко бросится въ глаза, если сравнить одинъ и тотъ же типъ въ раннемъ и позднемъ періодѣ дѣятельности Толстого: напр. графа Турбина въ «Двухъ гусарахъ» съ тѣмъ же графомъ (тѣмъ же—*по типу*) въ «Холстомѣрѣ».

Эволюція правды не закончилась реализмомъ и шагнула дальше въ натурализмѣ Зола. То же движеніе совершалось и въ другихъ литературахъ: у насъ напр. Достоевскій сдѣлалъ шагъ впередъ сравнительно съ Толстымъ или Тургеневымъ; Некрасовъ, еще не понятый и не признанный, далеко переросъ современную литературу... Но во Франціи эволюція правды выразилась наиболѣе полно, ярко, отчетливо, благодаря Зола, у котораго любовь къ правдѣ соединилась съ перворазряднымъ художественнымъ даромъ. У него нѣтъ расплывчатости Бальзака, схематичности Флобера. Его герои живутъ, у нихъ яркая индивидуальность. Это не фотографія, изображающая случайную гримасу, мимолетное настроеніе, и не способная передать основныя, глубокія черты характера; и не схематическія фигуры, скомпанованныя искусственно изъ извѣстныхъ «типичныхъ» психологическихъ чертъ, и лишенныя индивидуальности, какъ у В. Гюго. Разъ прочитавъ Зола, вы уже не забудете его героевъ. Красавица Лиза («Ventre de Paris»), паразитъ Лантье, вошь въ человѣческомъ образѣ («Assommoir»), и добродушно-жалкій, слабый эгоистъ Купо, прожженный Саккаръ, наглый Эженъ Ругонъ и пр., и пр.—цѣлое сонмище лицъ присоединится къ числу вашихъ знакомыхъ, друзей и враговъ.

Въ этомъ вѣдь и заключается сила художника: изобразить не типъ и не фотографію, а *индивидуальность*, которая неизбѣжно явится и типомъ, потому что всякій изъ насъ обладаетъ чертами, общими тысячамъ и милліонамъ людей, но отлившимися въ специфическую форму данной личности. Умѣнье схватить эту специфическую форму, отбросивъ случайное, не характерное не только для типа, но и для данной личности—составляетъ секретъ великихъ художниковъ, надѣлившихъ насъ многочисленной компаніей нашихъ общихъ знакомцевъ — Лировъ и Фальстафовъ, Онѣгиныхъ и Печориныхъ, Долоховыхъ,

Ростовыхъ, Рудиныхъ, Базаровыхъ, Саккаровъ, Ругоновъ, Гиповъ, Пенденнисовъ и пр., и пр.

Зола обвиняютъ въ цинизмѣ. Быть можетъ онъ дѣйствительно слишкомъ много занимается въ иныхъ своихъ романахъ половой распущенностью, хотя напр. сцена между Саккаромъ, баронессой Зандорфъ и Делькамбромъ («L'argent») удивительно дорисовываетъ характеры дѣйствующихъ лицъ; въ сценѣ между Эйлали и мальчишкой—сыномъ Саккара въ кварталѣ нищихъ (тамъ же) встаетъ передъ вами весь ужасъ быта современныхъ парiевъ; да и вообще я не знаю у Зола ни одной детали въ этомъ родѣ, которую можно бы было выбросить безъ ущерба для художественной законченности образа или сцены.

Но не въ этихъ деталяхъ суть натурализма. Новое этого направленія—*неприкрашенная* правда и *полная* правда, гармонія свѣта и тѣней, отсутствіе недомолвокъ и отсутствіе парикмахерскаго искусства. Зола — поэтъ простыхъ смертныхъ съ ихъ недостатками и достоинствами, а не исключительныхъ лицъ.

Его обвиняли въ бездушіи, въ клеветѣ на человѣческую природу. Эти обвиненія характерны для самихъ обвиняющихъ: въ нихъ проявляется *наше* бездушіе, *наша* негуманность, побуждающая насъ съ презрѣніемъ и отвращеніемъ относиться къ живымъ, подлиннымъ людямъ, — къ настоящимъ, заправскимъ мужикамъ и ремесленникамъ, кухаркамъ и прачкамъ, мастеровымъ и торговцамъ, ко всему тому люду, съ которымъ намъ приходится имѣть дѣло на каждомъ шагу. Зола изображаетъ намъ этихъ подлинныхъ людей и не скрываетъ ихъ недостатковъ. Онъ выводитъ Жервезу въ безобразной сценѣ драки въ прачешной; но это не мѣшаетъ ему видѣть въ Жервезѣ основныя черты великодушія, доброты, состраданія, выражающіяся просто, не въ экстравагантныхъ подвигахъ, а въ обыденныхъ поступкахъ, на которые однако рѣшится развѣ одинъ изъ тысячи (напр. сцена съ звѣремъ-столяромъ, у котораго она отнимаетъ избиваемую имъ жертву, рискуя собственными ребрами). Онъ выводитъ рабочихъ въ «Жерминалѣ»,—и критикъ, вродѣ Брюнетьера (съ позволенія сказать!) или Нордау, увѣряетъ, будто Зола изобразилъ рабочихъ «скотами»: хорошъ критикъ, не разглядѣвшій рѣдкихъ по нравственной высотѣ людей подъ грубой оболочкой Маге, его жены, ихъ дочери (Катерины)!

Вообще въ критической литературѣ о Зола замѣчательно рельефно проявляется лицемѣріе и *негуманность* культур-

наго человѣка, — и съ этой точки зрѣнія она заслуживаетъ изученія.

Большинство даже положительныхъ героевъ Зола точно захватаны сальными пальцами, но много ли найдется среди «порядочныхъ» и «хорошихъ» людей такихъ, которые дожили до сѣдыхъ волосъ, не позасалившись болѣе или менѣе?

Читать Зола тяжело. Онъ не успокаиваетъ. Онъ не возбуждаетъ ни къ чему не обязывающихъ и никому ненужныхъ «добрыхъ чувствъ», пріятныхъ слезъ, сладкой горести. Жалость, которую вызываютъ Жервеза, Купо, дочь, замученная озвѣрѣвшимъ пьяницей-отцомъ, почти такъ же тяжела, какъ та, которую мы испытываемъ, случайно попавъ въ какой-нибудь притонъ нищеты и горя... Она не оставляетъ пріятнаго чувства исполненнаго долга, уплаченной дани человѣчеству,—наоборотъ, отъ нея остается тяжелый осадокъ, что-то саднитъ въ груди, чувствуешь себя въ чемъ-то виноватымъ: а это вѣдь самое скверное. Но тщетно пытаешься успокоить себя: «да я-то тутъ причемъ, отвяжись Христа ради!» Безпощадный въ своей правдѣ, великій писатель не уступаетъ: «Ты виноватъ, ты одинъ изъ тѣхъ, которые топчутъ въ грязь и волокутъ на гноище вотъ этого ребенка, эту женщину! На этихъ заживо разлагающихся жертвахъ строишь ты свое благополучіе! И не жди, что невидимая рука прольетъ цѣлебный бальзамъ на эти язвы. Кто ихъ наноситъ, тотъ лишь можетъ ихъ исцѣлить».

Это нелюбезно, это обидно, это дерзко наконецъ! То-ли дѣло Диккенсъ, напр. Тамъ отъ васъ требуется пролить слезу умиленія надъ горестями, причиненными злыми людьми (а *не вами*, потому что вы добренькій, а не злой!), проявить благородное негодованіе по адресу злыхъ людей, и на этомъ ваша роль кончена. Вы отдали дань человѣчеству, и знаете, что теперь явится невидимая рука и надѣлитъ каждаго по достоинству: тому сладкій пирожокъ, тому горчичникъ, тому хорошенькую невѣсту съ хорошенькимъ приданымъ, а иному и розги, если ужъ очень пакостничалъ на протяженіи романа.

Понятно, что такой писатель, какъ Зола, не могъ не вызвать ожесточенной брани. Но эволюція правды дѣлаетъ свое дѣло, и врядъ ли удастся ее затормозить и остановить. Мы видимъ попытки въ этомъ направленіи, — попытки замѣнить правду суррогатомъ правды. Я разумѣю художественную порнографію Поля Бурже съ его культомъ сладострастія,

искусно прикрытымъ якобы психологіей; декадентство и символизмъ; парикмахерскіе пріемы Сенкевича.

Врядъ-ли однако возможенъ возвратъ къ суррогату, а впрочемъ всяко бываетъ.

Зола—«жестокій талантъ», употребляя мѣткое выраженіе Н. К. Михайловскаго, примѣненное имъ къ Достоевскому,—впрочемъ неодобрительно, что, по моему мнѣнію, ошибка.

Кто изображаетъ правду, только правду и полную правду, тотъ поневолѣ будетъ жестокъ, потому что правда глаза колетъ. Но она нужна тѣмъ не менѣе, и благо великому писателю, возлюбившему правду и вызвавшему къ жизни новую эру всемірной литературы!

XV.

Формулы и факты.

Спенсеръ, какъ защитникъ теоріи Руссо.—Прогрессъ возмущаетъ наше моральное чувство и воспитываетъ чувства жестокости и мстительности.—Смѣшеніе пользы съ моральнымъ улучшеніемъ.—Іезуитская мораль Друммонда.—Самопобиваніе Ферреро.

Нашъ бѣглый очеркъ исторіи моральнаго развитія человѣчества законченъ, и мы могли бы перейти къ общимъ выводамъ, къ характеристикѣ главныхъ фазъ эволюціи морали. Но я хочу предварительно привести два-три примѣра противорѣчій современныхъ соціологовъ, въ дополненіе къ уже приведеннымъ выше. Эти противорѣчія показываютъ, что правильная теорія прогресса давно уже наклевывается, и роль нашей книжки только помочь ей вылупиться.

Мы уже цитировали мнѣніе Спенсера, согласно которому первые успѣхи культуры сопровождаются развитіемъ безчеловѣчности. Къ сожалѣнію великій соціологъ повидимому ограничиваетъ эволюцію безчеловѣчности «первыми» ступенями цивилизаціи; а переходя къ дальнѣйшимъ ступенямъ, смѣшиваетъ практическую пользу съ моральнымъ улучшеніемъ. Тутъ вѣдь двѣ стороны, которыя нужно строго различать. Можно доказывать, что успѣхи культуры, побѣды надъ внѣшней природой etc. не могли быть куплены иначе, какъ цѣною порабощенія, принудительной организаціи, дифференцировки общества, т. е. цѣною ожесточенія и огрубѣнія людей. Можно доказывать, что это ожесточеніе было необходимо, *полезно*, потому что иначе нельзя было достичь интеллектуальныхъ успѣховъ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что его, ожесточенія, эволюціи свирѣпыхъ инстинктовъ, *не было*. Напротивъ, доказывая его полезность, мы этимъ самымъ утверждаемъ фактъ, признаемъ его существованіе, признаемъ, что успѣхи умственнаго развитія сопровождались нравственнымъ регрессомъ.

Спенсеръ въ своей характеристикѣ факторовъ прогресса,

дѣйствовавшихъ, по его же словамъ, съ древнѣйшихъ временъ до недавней эпохи, цѣликомъ признаетъ эту истину.

«Правильное истолкованіе общественнаго устройства,—говоритъ онъ,—требуетъ наиболѣе безстрастнаго сознанія». Почему же безстрастнаго? Потому что средства, съ помощью которыхъ достигался прогрессъ, возмущаютъ наше чувство гуманности. Насъ возмущаютъ гекатомбы изъ десятковъ тысячъ плѣнныхъ, пирамиды изъ головъ и поля, бѣлѣющія костями избіенныхъ, низкія вѣроломства и грубыя нападенія,—тѣмъ не менѣе мы должны признать, что «междуобщественныя столкновенія подвигали развитіе общественныхъ структуръ».

Насъ возмущаетъ «принесеніе въ жертву деспотомъ собственныхъ и побѣжденныхъ народовъ», «кровопролитныя избіенія подданныхъ», орудія пытки и oubliettes, но «факты заставляютъ насъ признать, что подчиненность деспотизму правителей послужила къ движенію цивилизаціи впередъ».

Насъ возмущаютъ страданія рабовъ, извѣстныя изъ исторіи, и тѣ «незанесенныя въ исторію страданія мужчинъ и женщинъ, захваченныхъ въ рабство», которыя «превышаютъ всякое вѣроятіе»,—тѣмъ не менѣе рабство было орудіемъ прогресса.

Итакъ, прогрессъ совершался въ направленіи, которое возмущаетъ наше моральное чувство, идетъ въ разрѣзъ съ нашимъ идеаломъ человѣчности. Сказать такую вещь—не значитъ ли признать, что прогрессъ былъ *попятнымъ движеніемъ человѣчества въ нравственномъ отношеніи?*

Но можетъ быть такіе факторы прогресса, какъ деспотизмъ, война, угнетеніе и пр., прекратили свое дѣйствіе очень давно и смѣнились новыми еще на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи? Нѣтъ, переходя отъ фиджійцевъ и дагомейцевъ къ римлянамъ, Спенсеръ «убѣждается, что свирѣпость римскаго народа была не слабѣе той, которой запятнаны самые кровожадные представители самыхъ свирѣпыхъ изъ дикарей», а переходя отъ римлянъ «ко всей средневѣковой Европѣ», встрѣчаетъ въ ней «утонченно обдуманныя пытки, равныя, если не болѣе жестокія, чѣмъ тѣ, которыми самые жестокіе варвары истязали свои жертвы» (Спенсеръ. «Развитіе политич. учрежд.», с. 11, 12).

Стало быть, чтобы остаться послѣдовательнымъ, Спенсеръ долженъ былъ бы сказать, что не только «первыя ступени» цивилизаціи развиваютъ безчеловѣчность, а цивилизація вообще, отъ ея первыхъ стадій до XVI—XVII вв. (разгаръ «утонченно обдуманныхъ пытокъ»), была эволюціей безчеловѣчности.

Дѣло въ томъ, что Спенсеръ признаетъ воспитательное значеніе указываемыхъ имъ факторовъ прогресса, «возмущающихъ наше моральное чувство». Напримѣръ: «это состояніе (борьбы обществъ) должно необходимо имѣть свое соотвѣтствіе въ *пріобрѣтенныхъ* свойствахъ человѣческаго характера, т. е. свирѣпости столько же, какъ и умѣ» (Ibid. 15). Свирѣпость, стало быть, пріобрѣтена подъ вліяніемъ цивилизаціи.

Или: «вмѣстѣ съ воспитаніемъ мести во внѣшнихъ отношеніяхъ общества идетъ *развитіе мстительныхъ чувствъ* внутри общества». Въ видѣ иллюстраціи Спенсеръ приводитъ завѣщаніе аббата Брантома, который говоритъ: «я могу похвалиться, и за это благодарю Господа, что я не перенесъ ни одной обиды, не отомстивъ обидчику». (Ibid. с. 274, 275).

При такой характеристикѣ прогресса, Спенсеръ долженъ бы былъ высказать свое положеніе: «не существуетъ необходимой связи между общественными типами, носящими названіе цивилизованныхъ, и высшими чувствами, которыя мы обыкновенно связываемъ съ цивилизаціей»—въ болѣе рѣшительной и опредѣленной формѣ; а именно: «существуетъ *обратная* связь между высшими чувствами и высшими ступенями цивилизаціи. Т. е. *высшимъ* ступенямъ цивилизаціи соотвѣтствуютъ *низшія* (менѣе человѣчныя) чувства, и наоборотъ».

Иными словами, чтобы найти человѣка, соотвѣтствующаго нашимъ высшимъ моральнымъ требованіямъ, приходится перешагнуть десятки тысячелѣтій, углубиться въ даль геологическихъ временъ, перенестись къ той эпохѣ, когда еще не успѣло сказаться «благодѣтельное дѣйствіе междуобщественныхъ столкновеній», «порабощенія слабаго сильнымъ» и т. п.

«Блага цивилизаціи» куплены дорогой цѣной!—цѣной человѣчности, цѣной высшихъ и лучшихъ свойствъ нашей природы, утрачивавшихся мало-по-малу подъ вліяніемъ факторовъ прогресса. Вотъ формула, къ которой приводятъ вышеизложенныя соображенія Спенсера. Онъ однако не высказываетъ этой формулы, и даже пронизируетъ надъ людьми, усматривающими въ исторіи культуры «попятное движеніе», доказывая, что хроническія войны и т. п. были необходимы, что безъ нихъ не могли-бы создаться культурныя общества. Пусть такъ, но вѣдь это значитъ только, что «попятное движеніе» (въ моральномъ отношеніи) было необходимо, что безъ нравственной испорченности, безъ утраты высшихъ и благороднѣйшихъ чувствъ не могла развиться культура. Съ этимъ никто и спорить не станетъ; очевидно культура не могла развивать-

ся иначе, чѣмъ она развивалась, потому что все вообще не могло быть инымъ, чѣмъ оно было.

* * *

У соціологовъ болѣе скоропалительныхъ и менѣе глубокихъ, чѣмъ Спенсеръ, противорѣчія получаютъ гораздо болѣе курьезную форму.

«Стезя прогресса и стезя альтруизма одна и та же!—торжественно заявляетъ Друммондъ *).—Эволюція есть не что иное какъ инволюція любви».

Немного погодя оказывается, что факторами эволюціи является покровительница геройскихъ добродѣтелей, очистительница обществъ, оплотъ государствъ, «создательница и воспитательница человѣческаго рода»—война, и вообще борьба за жизнь, продолжающаяся на промышленной почвѣ, «часто въ жестокихъ и унизительныхъ формахъ».

Хороша—«инволюція любви»!

Авторъ самъ чувствуетъ, что дѣло обстоитъ неладно, и отъ моральныхъ разглагольствованій перескакиваетъ къ аргументу полезности:

«Когда нравственность нападаетъ на борьбу за жизнь, она забываетъ, что почти все позднѣйшее устройство цивилизаціи есть ея созданіе» (Ib. 241).

Борьба за существованіе, въ природѣ вообще и въ исторіи человѣчества въ частности, истребляетъ слабыхъ и сохраняетъ сильныхъ; даетъ перевѣсъ наиболѣе хищнымъ, злобнымъ, жестокимъ. Съ точки зрѣнія нашей морали это безнравственно. Наша мораль требуетъ, чтобы сильный помогалъ слабому, а не душилъ его. Или мы раздѣляемъ эту мораль и въ такомъ случаѣ должны признать, что эволюція человѣчества была эволюціей безнравственности; или, если мы усматриваемъ въ эволюціи человѣчества моральное прогрессированіе, то значитъ мы попросту отреклись отъ морали альтруизма и признаемъ нравственнымъ эгоизмъ, хищность и жестокость.

Друммондъ признаетъ мораль альтруизма и въ то-же время ему хочется найти моральное оправданіе факторамъ эволюціи, развивавшимъ хищность и жестокость. Онъ достигаетъ этого съ помощью іезуитскаго принципа: цѣль оправдываетъ средства. «Не можетъ быть болѣе возвышенной цѣли въ мірѣ, какъ создать совершенный міръ, и болѣе совершеннаго закона, какъ

---

*) Друммондъ. „Эволюція и прогрессъ человѣка". Пер. Иванцова. М. 1897 г. 71 и 244—2.

тотъ, который въ одно и то же время вычеркиваетъ неспособныхъ и утверждаетъ способныхъ» (Ib. 238).

* * *

Въ наиболѣе легкомысленной и развязной формѣ являются противорѣчія оптимистическихъ схемъ прогресса у послѣдователей «генія путаницы» Ломброзо. Въ видѣ примѣра я разберу статью весьма извѣстнаго соціолога Ферреро: «Les fêtes criminelles» («Rev. Scient.» 1893. I. 2).

Вотъ какъ рѣшительно высказывается онъ о первобытномъ человѣкѣ:

«То, что́ мы называемъ въ настоящее время преступленіемъ, есть нормальный фактъ въ соціальной жизни болѣе грубыхъ народовъ, еще находящихся на первой стадіи человѣчности. Убійство, воровство, грабежъ—воинскіе подвиги или любимыя удовольствія; каннибализмъ только система питанія, наиболѣе восхваляемая, чѣмъ всѣ другія. *Первобытный человѣкъ* не испытываетъ отвращенія къ убійству и поѣданію другихъ людей; даже находитъ въ этомъ удовольствіе».

Таковъ тезисъ; надо его доказать. Для этого слѣдовало бы обратиться къ дикарямъ, выдѣлить наиболѣе первобытныя племена, вродѣ веддаховъ, эскимосовъ и пр., и показать, что они находятъ удовольствіе въ убійствѣ и людоѣдствѣ; затѣмъ перейти къ наиболѣе культурнымъ, вродѣ фиджійцевъ или дагомейцевъ, и найти у нихъ ослабленіе жестокости и звѣрства, и наконецъ, сравнивъ ихъ съ крупными цивилизаціями, усмотрѣть въ этихъ послѣднихъ окончательное исчезаніе культа войны, удовольствія пытокъ и казней и пр.

Что же мы находимъ у Ферреро?

Изъ приводимыхъ имъ племенъ наиболѣе близки къ первобытному типу *гиляки* и *аины*, которые откармливали къ празднику, убивали и съѣдали... медвѣдя! Къ этому ужасному преступленію однако можно отнестись снисходительно, вспомнивъ о томъ, сколько у насъ, цивилизованныхъ людей, откармливается и съѣдается телятъ, свиней и проч.

Далѣе перечислены:

Индѣйцы—истязанія плѣнныхъ.

Даяки—«охота за головами», причемъ упомянуто, что внутреннія отношенія даяковъ отличаются мирнымъ и благодушнымъ характеромъ, и что они пользуются репутаціей искренности и честности.

Древніе Скандинавы.
Славяне Рюгена. } Человѣческія жертвы.

Кельты.
Скифы-албанцы (упом. у Страбона).
Конды (Бенгалъ).
} Человѣческія жертвы.

Все это племена уже далеко не первобытныя, пережившія долгую исторію и значительно подвинувшіяся по пути культуры.

Далѣе слѣдуютъ:

Фиджійцы.
Монбутту.
Ново-Зеландцы.
} Людоѣды по страсти, предпочитающіе человѣческое мясо всякому другому.

Нутка-Колумбійцы—людоѣдство по праздникамъ.

Яванцы—пробующіе кинжалъ на первомъ встрѣчномъ.

Ашантіи
Дагомейцы.
} Массовыя человѣческія жертвы.

Чибчасы—человѣческія жертвы.

Батты—съѣдающіе живьемъ преступниковъ. Изъ этихъ племенъ нутка-колумбійцы—наиболѣе культурное изъ сѣверо-американскихъ племенъ; чибчасы, истребленные испанцами обитатели Боготы, немногимъ уступали по культурѣ др. Мексикѣ; остальныя только по недоразумѣнію могутъ быть названы дикарями.

Сверхъ того у Ферреро упоминаются:

Тиръ, *Сидонъ*, *Карѳагенъ*—человѣческія жертвы, *др. греки* (челов. жертвы на праздникѣ Таргелій), *др. Мексика*—массовыя человѣческія жертвоприношенія, и *Римъ*—гладіаторскія игры.

Еслибъ Ферреро дополнилъ этотъ списокъ европейскими націями съ культомъ войны, великолѣпными ауто-да-фе и пр., то фактическій матеріалъ его статьи оправдывалъ-бы заключеніе, совершенно обратное его формулѣ: «дикіе народы почти всегда воры, жестоки, развратны». Вмѣсто «дикіе» пришлось бы поставить «цивилизованные».

Я ограничусь этими примѣрами, цѣль которыхъ не столько полемическая (изобличать въ непослѣдовательности другихъ—занятіе скучное и неблагодарное), сколько дидактическая: показать, что защищаемая мною теорія въ сущности уже доказана такими соціологами, какъ Спенсеръ, Ферреро, Летурно. Надо только поставить точки надъ і и отбросить разъ на всегда ложную гипотезу прогресса—смягченія нравовъ, опровергнутую фактическимъ изслѣдованіемъ. Надо смахнуть пыль устарѣлыхъ, изношенныхъ, апріорныхъ воззрѣній съ новой и вѣрной теоріи, фактически доказанной уже Спенсерами, Летурно, Морганами и пр.

XVI.

Эволюція безнравственности.

Первобытная мораль: отсутствіе насилія, альтруизмъ.—*Дикая мораль*: война, людоѣдство, насиліе; внутренняя солидарность.—*Культурная мораль*: культъ войны, каннибализмъ - страсть, сладострастіе жестокости; насиліе внутри и внѣ племени.—*Европейская мораль*: эволюція всѣхъ формъ жестокости и лицемѣріе.—Степень точности, которой можно требовать отъ нашей классификаціи, чтобы она доказывала достовѣрность принципа.—Переломъ въ исторіи моральнаго развитія человѣчества: *меркантильная мораль* и ея противорѣчія.—Ослабленіе жестокости и усиленіе эгоизма.

Намъ остается теперь резюмировать все предыдущее и охарактеризовать вкратцѣ главныя ступени моральнаго развитія человѣчества. Соціологи рисуютъ намъ первобытнаго дикаря необузданно свирѣпымъ существомъ, а культурнаго человѣка неизмѣримо добродѣтельнымъ, простирающимъ свою гуманность на все живое, даже до скотовъ.

Но вотъ мы перебрали чуть ли не всѣ стороны человѣческаго быта, и что же находимъ? въ чемъ собственно, въ какихъ поступкахъ проявлялась жестокость первобытнаго человѣка?

Онъ *не* воевалъ, *не* убивалъ, чурался рѣзни и *не* находилъ удовольствія въ кровопролитіи.

Онъ *не* ѣлъ себѣ подобныхъ, *не* угнеталъ ихъ, *не* порабощалъ, *не* находилъ удовольствія въ господствѣ, власти, униженіи ближнихъ.

Онъ *не* ревновалъ, *не* билъ, *не* мучилъ жену, никогда *не* позволялъ себѣ ударить ребенка, *не* примѣнялъ тѣлесныхъ наказаній, ни вообще насилія въ воспитаніи.

Онъ *не* убивалъ дѣтей, *не* обижалъ стариковъ, слабыхъ и больныхъ.

Онъ *не* приносилъ въ жертву людей, *не* жегъ колдуновъ, *не* травилъ иновѣрцевъ.

Онъ *не* дѣлалъ различія между близкими и дальними, своими и чужими, едино- и иноплеменниками.

Онъ *не* дрался: у первобытнѣйшихъ племенъ драки и ссоры отсутствуютъ, а привычка «давать волю рукамъ», когда то *общая* у культурной знати, показалась бы ему дикой и чудовищной.

Онъ *не* ругался: у первобытныхъ племенъ — эскимосовъ, алеутовъ, веддаховъ—нѣтъ ругательствъ, не имѣется бранныхъ словъ въ языкѣ; такъ что прогрессъ былъ между прочимъ и эволюціей сквернословія. Только съ распространеніемъ бѣлыхъ ругань повисла надо всѣмъ земнымъ шаромъ, такъ что къ характеристикѣ Эпохи Возрожденія нужно прибавить и эту черту: «эпоха Всемірнаго сквернословія».

Онъ *не* зналъ гнусныхъ развлеченій: драка, скандалы, побоища, турниры, дуэли, казни, бои, шуты и пр. Отмѣтимъ здѣсь въ частности три изобрѣтенія, явившіяся продуктомъ высокой культуры: 1) фабрикація евнуховъ, 2) фабрикація уродовъ, 3) шуты.

Онъ *не* казнилъ и *не* пыталъ: сладострастіе жестокости было ему совершенно чуждо.

Онъ *не* эксплуатировалъ, *не* отнималъ, *не* разорялъ: жадность, алчность, корыстолюбіе было ему невѣдомы абсолютно, безусловно, до такой степени, что, какъ мы уже видѣли, потребовалась долгая эволюція, чтобъ отучиться мало по малу отъ безкорыстія.

Вдобавокъ еще онъ былъ честенъ, какъ... алеутъ или веддахъ.

И наконецъ, не обладая дисциплиной или дрессировкой, онъ не обладалъ самодурствомъ, не капризничалъ, не ломался, не надмывался надъ ближними. Объ этой чертѣ надо сказать подробнѣе. Соціологи часто изображаютъ намъ дикаря какимъ то совершенно развинченнымъ и распущеннымъ существомъ, находящимся, такъ сказать, въ хроническомъ delirium tremens.

«Чѣмъ первобытнѣе условія жизни человѣка, тѣмъ меньше власти онъ имѣетъ надъ собой, тѣмъ труднѣе ему подавлять дурныя страсти, зависть, злобу, ненависть, подстрекающія его къ войнѣ и убійству». (Гетчинсонъ. «Очерки доисторическаго міра», 69).

Подобныхъ цитатъ можно бы набрать много, но врядъ ли нужно: эта характеристика очень популярна.

Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ соціологи указываютъ на подчиненіе личности клану, роду, племени въ первобытномъ обществѣ, —

подчиненіе *добровольное*, потому что принудительной организаціи въ то время не было: скорѣе сліяніе, отождествленіе своихъ личныхъ интересовъ, стремленій, воззрѣній съ интересами и стремленіями всѣхъ.

Здѣсь тоже не буду приводить многихъ цитатъ, ограничусь слѣдующей выдержкой изъ Энгельса.

«Племя, родъ и родовыя учрежденія были священны и неприкосновенны и представляли естественную верховную власть, которой индивидуальная личность въ своихъ чувствованіяхъ, мышленіи и дѣйствіи была безусловно подчинена. Насколько величавы кажутся намъ люди той эпохи, настолько же мало отличались они другъ отъ друга» («Пр. сем.» 112).

Можно спорить о томъ, характеризуется-ли этотъ бытъ *отсутствіемъ* индивидуальности, или только *гармоніей* индивидуальностей, полнымъ согласіемъ личностей, вслѣдствіе отсутствія противуобщественныхъ чувствъ, отсутствія такихъ инстинктовъ, какъ злость, зависть, жадность и т. п. Во всякомъ случаѣ это безусловное подчиненіе своей личности «общему загаду» и распущенность—вещи совершенно непримиримыя.

Между тѣмъ характеристика Энгельса вполнѣ справедлива. Недоразумѣніе объясняется упомянутымъ уже смѣшиваніемъ въ одну кучу племенъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ развитія. Съ *раздвоеніемъ морали*, съ возникновеніемъ и развитіемъ хищныхъ, злобныхъ инстинктовъ должны были развиваться съ одной стороны дисциплина, съ другой—самодурство и распущенность. Вырабатывалась способность держать себя въ ежовыхъ рукавицахъ относительно извѣстныхъ, недозволенныхъ дѣйствій, но за то же человѣкъ и вознаграждалъ себя сугубой распущенностью тамъ, гдѣ это дозволялось: въ семейномъ быту, въ отношеніи рабовъ, вообще «внѣ фронта». Европа XVI — XVII вѣковъ представляетъ расцвѣтъ механической дисциплины (ландскнехты Тилли, испанцы Альбы) и разнузданнаго произвола (семейные нравы, войны, отношеніе къ цикарямъ и пр.); XIX вѣкъ и въ этомъ отношеніи представляетъ поворотъ къ первобытному режиму, пытаясь замѣнить механическую дрессировку сознательнымъ служеніемъ долгу.

Такимъ образомъ прогрессъ является эволюціей самодурства, и это особенно рѣзко бросится въ глаза, если мы сравнимъ какое-нибудь дѣйствительно первобытное племя вродѣ эскимосовъ С.-В. Гренландіи съ такимъ, какъ фиджійцы напр., представляющіе уже культурный типъ общественнаго устрой-

ства. Отзывы о разнузданности дикарей относятся именно къ этимъ послѣднимъ типамъ.

Итакъ, «первобытная свирѣпость» на повѣрку оказывается *отсутствіемъ* какихъ бы то ни было свирѣпыхъ поступковъ. Не убивалъ, не мучилъ, не билъ, не обижалъ ни своихъ семейныхъ, ни единоплеменниковъ, ни иноплеменниковъ.

На противуположномъ концѣ долгой эволюціи является культурный человѣкъ, гуманность котораго выражается въ томъ, что онъ бьетъ («учитъ») жену, сѣчетъ дѣтей, сокрушаетъ зубы рабамъ и слугамъ, убиваетъ враговъ, любуется на пытки и казни, тѣшится кулачными боями и т. д., и т. д.

На основаніи всего вышеизложеннаго мы считаемъ возможнымъ установить слѣдующія стадіи этой долгой эволюціи, слѣдующія ступени этическаго развитія человѣчества:

Древнѣйшая или *первобытная* мораль характеризуется отсутствіемъ войны, людоѣдства, дѣтоубійства, истязанія дѣтей и женщинъ; отсутствіемъ рабства, деспотизма, корыстолюбія, изувѣрства. Это ея отрицательная характеристика; а положительная будетъ такова: миролюбіе, отвращеніе къ войнѣ, широкая гуманность, простирающаяся на всѣхъ себѣ подобныхъ, безкорыстіе, жалость, симпатія, готовность жертвовать всѣмъ для другихъ.

Ближе всего къ этой стадіи моральнаго развитія стоятъ веддахи, первобытные монголы Лаперуза, гольды, аины, эскимосы, бушмены; слѣды ея сохранились у многихъ дикарей въ видѣ безкорыстія и презрѣнія къ наживѣ, внутренней солидарности и взаимопомощи въ предѣлахъ племени, широкаго гостепріимства, отсутствія серьезныхъ преступленій и т. под.

Эта стадія морали соотвѣтствуетъ безформенной стадіи общественнаго быта, когда не было націй, а было только человѣчество, еще не раздѣлившееся на враждующія племена.

Мы такъ привыкли соединять представленіе о цивилизаціи съ представленіемъ о высшемъ уровнѣ морали, что съ трудомъ можемъ принять эту характеристику первобытнаго человѣчества. Застарѣлый предразсудокъ и закоренѣлая фанаберія культурнаго человѣка, привыкшаго видѣть въ дикарѣ низшее существо, побуждаютъ насъ считать подобныя характеристики сказками. Тѣмъ не менѣе фактъ существованія первобытныхъ племенъ, не знающихъ насилія, кроткихъ и благодушныхъ, уживающихся безъ ссоры и драки, безъ побоевъ и наказаній въ семьѣ, безъ войны, рабства, эксплуатаціи,—фактъ существованія подобныхъ племенъ установленъ путешественниками; а изученіе постепен-

ной эволюціи жестокости (путемъ правильной классификаціи племенъ), теоретическія соображенія, приведенныя выше, и наконецъ показанія доисторической археологіи,—заставляютъ насъ признать, что эти рѣдкія нынѣ племена не являются какимъ то непонятнымъ исключеніемъ изъ общаго правила, а остаются живыми свидѣтелями когда-то общаго состоянія человѣчества.

Это состояніе «вѣчнаго мира» было результатомъ условій быта первобытнаго человѣчества,—слабаго, безсильнаго, плохо вооруженнаго, окруженнаго безчисленными и лютыми хищниками. Единственнымъ оружіемъ въ борьбѣ съ этими хищниками являлась солидарность, доходившая до полнаго самоотверженія.

Альтруистическія чувства, развивавшіяся и укрѣплявшіяся втеченіе этого долгаго періода, не могли быть вытравлены всѣмъ послѣдующимъ воѣннымъ періодомъ культуры; остатки ихъ къ счастью сохранились и въ насъ, что и даетъ надежду на лучшее будущее, на возможность возврата къ первобытному состоянію въ дальнѣйшей исторіи человѣчества.

Слѣдующую стадію моральнаго развитія человѣчества мы назовемъ стадіей *дикой* морали. Она совпадаетъ съ обособленіемъ человѣчества въ враждующія племена. Успѣхи культуры, изобрѣтеніе орудій, оружія, отравленныхъ стрѣлъ и проч. обезпечили человѣчеству побѣду надъ животнымъ міромъ; солидарность перестала играть такую роль, какъ прежде; а умноженіе населенія, усиленное размноженіе племенъ вызвало столкновенія изъ за пищи, изъ за добычи, изъ за кусковъ. Началось соперничество, начались войны. Эта стадія морали наступила уже *послѣ* образованія племенъ-общинъ (иначе бы они не могли образоваться вслѣдствіе разлагающаго вліянія войны). Она характеризуется отсутствіемъ рабства, деспотизма, корыстолюбія, изувѣрства; отсутствіемъ *внутренней* войны и вражды, людоѣдства и убійства; существованіемъ войнъ съ иноплеменниками и людоѣдства въ примѣненіи къ иноплеменникамъ; началомъ огрубенія, выразившимся прежде всего въ дѣтоубійствѣ и въ угнетеніи женщинъ. Сюда относятся напр. тасманійцы, австралійцы.

На этой стадіи моральнаго развитія войны уже существуютъ, но еще нѣтъ *культа* войны, прославленія бранной потѣхи, какъ благороднѣйшаго занятія и высшаго назначенія человѣка.

Существуетъ людоѣдство, но лишь случайное: отъ голода, изъ мести, изъ суевѣрія.

Внутренняя солидарность еще сохранилась, и проявляются лишь зачатки будущихъ свирѣпыхъ обычаевъ: самоистязаніе (царапанье лицъ, отрубаніе сустава пальца и т. п.)—какъ зачатокъ человѣческихъ жертвъ; испытаніе выносливости дѣтей, какъ зачатокъ будущей педагогіи, основанной на систематическомъ истязаніи; испытанія вождей, какъ зачатокъ пытокъ, и т. п.

Разъ начавшіяся войны быстро разрушаютъ внутреннюю солидарность, и человѣчество поднимается на третью ступень моральнаго развитія, достигаетъ стадіи *культурной* морали.

Характеристическія черты этой стадіи слѣдующія:

Отсутствіе солидарности и ожесточенная война (богатыхъ съ бѣдными, господъ съ рабами и т. д.) внутри племени: рабство, деспотизмъ, корыстолюбіе.

Всѣ стороны быта окрасились въ кровавый цвѣтъ подъ вліяніемъ общей эволюціи жестокости: стадія культурной морали характеризуется *систематическимъ* истязаніемъ дѣтей, *систематическимъ* истязаніемъ женщинъ, *изувѣрствомъ* (человѣческія жертвы, истребленіе колдуновъ и иновѣрцевъ), *жестокими развлеченіями* (драки, дуэли, турниры, бои, шуты и т. п.), хроническимъ *мордобоемъ*, *самодурствомъ*.

Развивается *культъ* войны, прославляемой бардами, скальдами, поэтами; каннибализмъ (у тѣхъ племенъ, гдѣ онъ возникъ и привился) превращается въ *страсть*, въ гастрономическую любовь къ человѣчинѣ, какъ наилучшему блюду.

Эта стадія морали соотвѣтствуетъ закончившейся дифференціаціи племени. Типичные представители ея изъ такъ называемыхъ «дикихъ» племенъ—фиджійцы, дагомейцы, ашантіи, монбутту и т. п., а кромѣ нихъ всѣ крупныя цивилизаціи (кромѣ Перуанской): древняя Мексика, Египетъ, Ассирія, Греція, Римъ, Персія и проч.

Что касается европейскихъ цивилизацій недавняго времени, то онѣ по существу однородны съ цивилизаціями дагомейцевъ и ашантіевъ. Въ любомъ европейскомъ государствѣ XVI вѣка мы находимъ тѣ же институты (рабство, пытки и пр.) и тѣ же основныя черты моральнаго типа, что и въ Дагомэ. Разница лишь количественная, а не качественная. Эволюція жестокости зашла нѣсколько дальше: Европа представила намъ самыя ужасныя формы рабства (рабство негровъ), самыя опустошительныя завоеванія (завоеваніе Новаго Свѣта,

Австраліи, Океаніи), самое мрачное изувѣрство (инквизиція), самыя утонченныя пытки и т. д. Но это—дальнѣйшее развитіе тѣхъ-же чертъ морали, которыя характеризуютъ древнія цивилизаціи и мелкія культурныя государства: Фиджи, Дагомэ и проч. Такимъ образомъ, поскольку дѣло идетъ объ эволюціи жестокости, дагомеецъ и европеецъ выражаютъ собою одну и ту же стадію морали.

Но за европейцемъ есть одна черта, которая заставляетъ выдѣлить европейскія цивилизаціи на особую, четвертую ступень моральнаго развитія, —стадію *европейской* морали или морали сантиментальныхъ тигровъ. Эта черта—лицемѣріе, тартюфство, яркими выраженіями котораго являются іезуитизмъ и сантиментализмъ. Европеецъ воспиталъ въ себѣ новую, невѣдомую древнимъ, способность плакать «изъ за Гекубы», пускать слезу умиленія надъ возвышеннымъ принципомъ или трогательнымъ образомъ, и, расчувствовавшись надъ фикціей, сознавать себя добрымъ, гуманнымъ, жалостливымъ, *вѣрить* въ свою доброту, и съ легкимъ сердцемъ дѣлать гадости. Эта черта придаетъ особенно противный, гнусный, отталкивающій характеръ европейскимъ гадостямъ, которыя всегда прикрываютъ благороднѣйшими и возвышеннѣйшими принципами.

Таковы основныя, главныя стадіи или ступени моральнаго развитія человѣчества съ древнѣйшихъ временъ до недавней эпохи. Конечно, лишь очень немногія изъ современныхъ племенъ воплощаютъ собою ту или другую стадію въ ея *чистомъ* видѣ. Громадное большинство представляютъ смѣшанный типъ, болѣе или менѣе близко подходящій къ той или другой стадіи. Данная мною характеристика выражаетъ общее направленіе эволюціи морали, общій ходъ нравственнаго развитія человѣчества, болѣе подробно изложенный въ главахъ «Эволюція жестокости». Большаго нельзя и требовать отъ *вѣрной* классификаціи. Если мы распредѣлимъ всю массу современныхъ племенъ по степени культуры, то увидимъ, какъ постепенно войны, сначала случайныя, превращаются въ постоянное и любимое занятіе, какъ внутренняя солидарность мало по малу разрушается съ обособленіемъ вождей и насильственнымъ присоединеніемъ новыхъ племенъ и т. д., и т. д. Но самая постепенность этого развитія, неизбѣжность ряда едва замѣтныхъ градацій, неравномѣрность въ развитіи тѣхъ или другихъ особенностей дѣлаютъ невозможнымъ аптекарски точное разграниченіе и классификацію.

Большая часть племенъ уже затронуты военнымъ режи-

момъ, такъ что, приближаясь по основнымъ чертамъ къ первой (первобытной) или второй (дикой) стадіи морали, уже проявляютъ тѣ или другія черты морали культурной. Напр. австралійцы, сохранившіе глубокую солидарность, безкорыстіе, дружбу и взаимопомощь дикой стадіи, проявляютъ уже чисто культурное отношеніе къ женщинѣ, какъ къ низшему существу. Индѣйцы, безкорыстные, сострадательные, неспособные къ ссорамъ и дракамъ,—мучили плѣнныхъ, напоминая въ этомъ отношеніи европейцевъ съ ихъ пытками.

Если мы сравнимъ такія племена, какъ:

1) Веддахи, гольды, аины, эскимосы.

2) Готтентоты, тасманійцы, австралійцы, индѣйцы.

3) Кафры, дагомейцы, ашантіи, фиджійцы, Ассирія, Персія, Римъ.

4) Испанцы, нѣмцы и проч. XVI столѣтія, то увидимъ, что они весьма точно соотвѣтствуютъ четыремъ вышеохарактеризованнымъ стадіямъ морали.

А точное опредѣленіе *типовъ* и *исторической послѣдовательности*, смѣны во времени, этихъ типовъ.—это все, чего можно и должно требовать отъ соціологической классификаціи, претендующей на вѣрность и точность, какъ моя. По самому свойству объектовъ этой классификаціи, они будутъ размѣщаться въ большинствѣ случаевъ *между* охарактеризованными типами, болѣе или менѣе приближаясь къ тому или другому.

Точно такъ-же нельзя ожидать полнаго и абсолютно точнаго совпаденія степени звѣрства со степенью культуры. Условія существованія различныхъ племенъ никогда не были вполнѣ одинаковы, а потому и ходъ ихъ развитія представляетъ безчисленныя варіаціи. Тѣмъ не менѣе въ громадномъ большинствѣ случаевъ это варіанты одной и той же темы. Въ числѣ факторовъ прогресса есть болѣе или менѣе частные, мѣстные, случайные, есть болѣе или менѣе общіе, универсальные. Универсальнѣйшимъ факторомъ явилась война, сначала внѣшняя, потомъ и внутренняя; ея дѣйствіе должно было сказаться на всѣхъ племенахъ и націяхъ—преуспѣвавшихъ по части культуры—извѣстными общими чертами. Если это такъ, то изученіе фактовъ должно привести насъ къ выводу, который мы имѣли бы право формулировать, какъ *общее правило* (принимаемое, какъ и всякое общее правило, exceptis excipiendis): съ развитіемъ культуры развиваются всѣ формы свирѣпости. И мы дѣйствительно можемъ формулировать это общее пра-

вило на основаніи фактовъ, переходя отъ эскимосовъ и огнеземельцевъ къ цивилизаціямъ майевъ, нагуаковъ, ацтековъ; отъ бушменовъ къ цивилизаціямъ монбутту, ашантіевъ, дагомейцевъ; отъ веддаховъ и тасманійцевъ къ цивилизаціямъ Фиджи, Новой Каледоніи, Новой Зеландіи, сравнивая затѣмъ эти цивилизаціи съ крупными государствами Востока, античнаго міра и новой Европы; наконецъ изучая исторію развитія этихъ крупныхъ государствъ, каждаго въ отдѣльности, и замѣчая постепенное усиленіе въ нихъ жестокости рабства, казней, войнъ и проч.

Это вполнѣ достаточная степень точности, и исключенія въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, только подтверждаютъ общее правило.

Мы находимъ напр. мирныя племена, случайно уцѣлѣвшія въ почти недоступныхъ мѣстахъ отъ общаго военнаго хода цивилизаціи (напр. нѣкоторыя племена Бенгала) и достигшія нѣкоторой культуры (земледѣліе, ремесла), не пріобрѣтя культурной жестокости.

И наоборотъ, попадаются племена очень дикія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ находящіяся на первобытной ступени, — напр. кочевники-туркмены Хорасана—крайне свирѣпыя и жестокія, съ организованнымъ рабствомъ и т. п. Стѣсненныя среди хищныхъ культурныхъ народовъ, они успѣли сохранить свою независимость, благодаря условіямъ мѣстности (пустыня, горная страна), но превратились въ настоящихъ розбойниковъ, усвоивъ жестокость военнаго режима и не пріобрѣтя высокой культуры, достиженіе которой немыслимо безъ объединенія въ крупные аггрегаты.

Первыя—мирныя—племена показываютъ намъ, какой характеръ имѣла бы цивилизація, еслибъ она могла развиваться мирнымъ путемъ. Вторыя—хищныя—иллюстрируютъ дѣйствіе войны, какъ «воспитательницы человѣческаго рода», не осложненной никакими другими условіями.

* * *

Достигнувъ стадіи сантиментальныхъ тигровъ, человѣчество не остановилось и не пошло дальше въ томъ же направленіи. Началась реакція, поворотъ къ человѣчности, принесшій уже кое-какія весьма существенныя улучшенія. Уничтоженіе рабства и крѣпостного права, успѣхи законности, отмѣна пытокъ и утонченно свирѣпыхъ казней, смягченіе аксессуарной части войнъ и серьезныя мѣры противъ «забавъ» въ смыслѣ Тилли, медленное, но неуклонное устраненіе розги, палки, плети изъ

семейнаго, школьнаго и проч. обиходовъ, — все это ужъ не словесность, а факты жизни, факты дѣйствительности, идущіе въ разрѣзъ со всей прошлой исторіей культуры. Современныя европейскія націи, поскольку у нихъ вывелось тѣлесное наказаніе дѣтей, сходятся съ индѣйскими, австралійскими и проч. дикарями: весь колоссальный періодъ, раздѣляющій эти двѣ крайнія стадіи, являетъ намъ зрѣлище развитія, эволюціи системы тѣлесныхъ наказаній. Люди, сжившіеся съ теоріей «постепеннаго смягченія нравовъ», никакъ не могутъ переварить этого, хотя знаютъ, что на первыхъ ступеняхъ культуры тѣлесныхъ наказаній дѣйствительно не было, что затѣмъ они постепенно вошли въ обиходъ и развились въ цѣлую систему, и что современная Европа отъ этой системы отреклась и возвращается къ первобытнымъ взглядамъ. Но... «такъ что жъ, что ты Честонъ: хоть знаю, да не вѣрю!»

То-же можно сказать о другихъ формахъ свирѣпости.

Я не пущусь въ выясненіе причинъ этого поворота къ лучшему, такъ какъ подобное изслѣдованіе вовсе не входитъ въ задачу этой книжки. Моя цѣль была изложить *фактическій* ходъ эволюціи морали. Если кто найдетъ мое изложеніе неточнымъ, пусть опровергаетъ меня фактами, а не разсужденіями вродѣ того, что «такихъ переломовъ не бываетъ» и т. п. Переломы въ направленіи развитія бываютъ, и очень часто. Была «материнская семья» и нѣкоторое время развивалась, организовалась; потомъ стала смѣняться совершенно противуположной по принципу «отцовской семьей». Республики превращались въ монархіи, монархіи—въ республики, олигархіи въ демократіи, демократіи—въ олигархіи. Словомъ, «все на свѣтѣ коловратно». Приходится напоминать эту банальную истину, потому что слишкомъ часто ее забываютъ.

Но такіе переломы не случаются внезапно, вдругъ! Да, но «внезапно», «вдругъ»—понятія относительныя. По замѣчанію Спенсера, въ наше время одинъ годъ приводитъ къ большимъ измѣненіямъ въ жизни народовъ, чѣмъ столѣтіе въ дазнія эпохи. Возьмемъ масштабъ поменьше; допустимъ, что одинъ годъ нынѣ равнозначущъ десятилѣтію въ древности. Если принять продолжительность эпохи перелома, о которой мы говоримъ, въ полтораста лѣтъ (приблизительно въ половинѣ прошлаго столѣтія смягченіе нравовъ начинаетъ сказываться *въ жизни* ослабленіемъ или прекращеніемъ пытокъ и т. п.; точной хронологической даты здѣсь невозможно отмѣтить, какъ и при всякихъ органическихъ измѣненіяхъ). По вышеозначенному

масштабу это составитъ 1500 лѣтъ,—періодъ довольно обширный даже съ точки зрѣнія древнихъ эпохъ: въ такой приблизительно періодъ сформировалось, раздулось и лопнуло римское государство. Такъ что можно удивиться скорѣе крайней медленности движенія къ лучшему, сказавшагося еще въ прошломъ столѣтіи. Вспомнимъ, какимъ еще жестокимъ, бездушнымъ, безсовѣстнымъ звѣремъ является средній европеецъ въ отношеніи къ дикарямъ, или въ такихъ проявленіяхъ своей сердцевины, какъ антисемитизмъ, отношеніе къ цвѣтнымъ (въ С. Америкѣ), современная оргія человѣконенавистничества во Франціи и т. п.

Какъ бы то ни было, фактическаго поворота къ лучшему нельзя отрицать. Но исчезаютъ понемногу лишь грубыя формы жестокости, а индивидуализмъ: эгоизмъ, какъ наиболѣе приличествующая культурному человѣку мораль; нажива, какъ похвальнѣйшій стимулъ дѣятельности; накопленіе и пріумноженіе, какъ высшее назначеніе человѣка,—индивидуализмъ расцвѣтаетъ все пышнѣе и пышнѣе. Получается такимъ образомъ два взаимноисключающихъ движенія, двѣ эволюціи. Смягченіе нравовъ приводитъ къ ослабленію грубыхъ формъ жестокости, индивидуализмъ къ усиленію формъ жестокости болѣе тонкихъ. Бьютъ рублемъ, а не дубьемъ. Таможенная война влечетъ за собою много жертвъ, -разоренье, голодъ, смерть «from starvation» etc., но эти жертвы никто не убивалъ, не морилъ—онѣ сами умерли. Въ колоніальной политикѣ эти явленія очень обыкновенны.

Такимъ образомъ эта послѣдняя стадія моральнаго развитія человѣчества—стадія *меркантильной* морали, какъ называетъ ее Летурно,—вырабатываетъ повидимому типъ не жестокій, а бездушный, моральную деревяшку. Противорѣчія меркантильной морали, опасность, которой она грозитъ обществу, остроумно анализируются у Летурно, да и у многихъ авторовъ, занимавшихся изученіемъ современнаго общества. Въ нашу задачу не входитъ разбирать, есть ли надежды на лучшее будущее, и мы покончимъ на этомъ нашу книжку.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ СКАЗОЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ этой библіотеки войдутъ избранныя сказки разныхъ странъ и народовъ. Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить отъ **100** до **150**. Цѣна книжекъ отъ **5** до **25** коп. До конца мая 1899 года выпущено **96** книжекъ. Въ составъ ихъ вошли слѣдующія сказки:

Сказки Андерсена. 1) Дочь болотнаго царя. Съ портретомъ и біографіей Андерсена. Ц. 15 к.—2) Райскій садъ. 8 к.—3) Домовой и лавочникъ. Свинья-копилка. На птичьемъ дворѣ. Красные башмачки. 10 к.—4) Супъ изъ колбасной палочки. 6 к.—5) Оле-Лукъ-Ойе. Ленъ. Свинья. Капля воды. 10 к.—6) Цвѣты маленькой Иды. Сосѣднія семейства. Пастушка и трубочистъ. 10 к.—7) Снѣжная царица. 15 к.—8) Анна-Лизбета. 5 к.—9) Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ. 5 к.—10) На дюнахъ. 15 к.—11) Послѣдній сонъ стараго дуба. Калѣка. 8 к.—12) Бузинная старушка. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. 8 к.—13) Колоколъ. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. 6 к.—14) Ибъ и Христиночка. Сновидѣніе. Перо и чернильница. 10 к.—15) Камень мудрости. 8 к.—16) Большой морской змѣй. Свѣчи. 5 к.—17) Золотое сокровище Блоха и профессоръ. 6 к.—18) Дикіе лебеди. 8 к.—19) Сынъ привратника. 8 к.—20) Морская царевна. Должна-же быть разница. 10 к.—21) Соловей. Жаба. 8 к.—22) Попутчикъ. 8 к.—23) Исторія пяти горошинъ. Елка. Дѣвочка со спичками. 6 к.—24) Калоши счастья. 10 к.—25) Она никуда не годилась. Старый домъ. Дѣтская болтовня. 8 к.—26) Исторія одной матери. Кто-жъ въ этомъ сомнѣвается. Навозный жукъ. 8 к.—27) Безобразный утенокъ. Маргаритка. Серебряная монетка. 8 к.—28) Тѣнь. Мѣдный кабанъ. Какъ старикъ ни сдѣлаетъ—все хорошо. 10 к.—29) Бутылочное горлышко. Подъ ивой. 10 к.—30) Дѣва льдовъ. 18 к.

Сказки Гауфа. 31) Холодное сердце. Съ портретомъ и біографіей Гауфа. 18 к.—32) Сказка о Калифѣ-аистѣ. Молодой англичанинъ. 12 к.—33) Преданіе о золотомъ. Маленькій Мукъ. 15 к.—34) Карликъ-носъ. 12 к.—35) Приключенія Саида. 15 к.—36) Принцъ-Самозванецъ. Еврей Абнеръ, который ничего не видалъ. 10 коп.

Сказки Густафсона. 37) Корона морского царя.—Друзья короля Османа.—Неумѣстная гордость.—Король Карій. Съ портретомъ и біографіей Густафсона. 10 к.—38) Пастухъ и принцесса.—Такъ водится на войнѣ.—Баржа. 10 к.—39) Храмъ истины.—Король, страдавшій безсонницей.—Каменная глыба.—Скороспѣлки.—Попугай и жаворонокъ. 10 к.—40) Парижская кукла.—Бѣлка.—Исторія одного дерева.—Земной глобусъ папы. 10 к.—41) Три брата. Маленькій сборникъ сказокъ. 10 к.

Сказки Жоржъ-Зандъ. 42) Говорящій дубъ.—Красный молотокъ. Съ портретомъ и біографіей Ж. Зандъ. 18 к.—43) Розовое облако 12 к.—44) Великанъ Іеусъ. 15 к.—45) Крылья мужества. 25 к.

Русскія народныя сказки. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева—25 книжекъ, отъ № 46 до 70-го. Цѣна каждой книжки—10 к.

Сказки Карменъ-Сильва. 71) Омуль.—Замокъ Вѣдьмы. Съ 10-ю рис., портретомъ и біографіей Карменъ-Сильва. Ц. 15 к.—72) Оленья долина. Близнецы.—Чахлау. Съ 11-ю рис. Ц. 15 к.—73) Піатра Арса.—Караманъ. Варфулькудеръ.—Фурника. Съ 13-ю рис. Ц. 15 к.

Сказки Лабулэ. 74) Мальчикъ съ пальчикъ. Маленькій человѣкъ. Доволенъ-ли ты? или приключеніе съ носами. Съ 16-ю рис., портретомъ и біографіей Лабулэ. Ц. 15 к.—75) Ивонъ и Финетта. Съ 17-ю рис. Ц. 15 к.—76) Зербинъ-Бирюкъ.—Золотое руно. Съ 21 рис. Ц. 18 к.—77) Паша-пастухъ.—Фраголетта.—Божьи гуси. Съ 25-ю рис. Ц. 15 к.—78) Бацъ-бацъ! Съ 13 рис. Ц. 15.

Испанскія сказки 79) Оферо. На всякій случай. Дядя Корыстолюбіе. Съ 10 рис. 15 к.—80) Птица-правда. Маленькая принцесса Нора. Казильда. Жена архитектора. Съ 10 рис. 15 к.

Сказки Перро. 81) Красная шапочка. Котъ въ сапогахъ. Спящая красавица. Синяя борода. Съ 5 рис., портретомъ и біографіей Перро. 15 к.—82) Золушка. Мальчикъ-съ-пальчикъ. Волшебницы. Хохликъ. Съ 10 рис. 15 к.

Норвежскія сказки Асбьернсена. 83) Сказка о кузнецѣ, котораго не пустили въ адъ.—Сказка о хозяинѣ, взявшемся за бабье дѣло.—Глупые мужья и злыя жены.—Сказка про Иванушку-дурака, превзошедшаго во лжи принцессу.—Сказка о парнѣ, ходившемъ къ Сѣверному вѣтру просить свою муку обратно. Съ портретомъ автора біографіей и 11 рис. 10 к.

Англійскія сказки Уйда. 84) Маленькій графъ.—Сказка о томъ, какъ дуракъ ума себѣ добылъ. 15 к.—85) Нюренбергская печь. 15 к.—86) Принцесса Киска.—Зѣвака. — Умники изъ Готама. — Кошачья шкурка. 15 к.

Сказки бр. Гриммъ. 87) Храбрый портняжка.—12-ть братьевъ.—Ваня и Маша.—Три пряхи. Съ портретами и біографіями авторовъ. 10 к.—88) Сказка о добромъ молодцѣ, не знавшемъ страху.—Вѣрный Иванъ.—Три лѣсныхъ человѣчка.—Старый Султанъ. 10 к.—89) Три золотыхъ волоса.—Царевичъ-лягушка.—Братецъ и сестрица —Бременскіе музыканты.—Умница Эльза. 10 к.—90) Золушка.—Король Дроздова-борода.—Счастливецъ Гансъ.—Желѣзный Иванъ. 10 к.—91) Три брата.—Мальчикъ-съ-пальчикъ.—Заяцъ и ежъ.—Гусятница у колодца.—Духъ въ бутылкѣ. 10 к.—92) Два брата.—Докторъ Всезнайка. 10 к.—93) Барабанщикъ.—Молодой великанъ.—Могильный холмъ.—Семь швабовъ. 10 к.—Ослиный салатъ.—94) Гвоздика.—Золотой гусь.—Женихъ разбойникъ.—Три счастливчика. 10 к. 95) Незабудочка.—Умники.—Четыре мастера своего дѣла.—Мудрая королева.—Одноглазка, Двухглазка и Трехглазка. 10 к.—96) Шестеро товарищей.—Ранецъ, шапка и рожокъ.—Волкъ и козлята.—Бѣляночка и Розочка.—Умный портняжка. 10 к.

Списокъ книжекъ „Сказочной библіотеки“ по ихъ цѣнамъ:

Книжки въ 5 к.: №№ 8, 9, 16.—*Книжки въ 6 к.*: №№ 4, 13, 17, 23.—*Книжки въ 8 к.*: №№ 2, 11, 12, 15, 18, 19, 21, 22, 25, 26, 27.—*Книжки въ 10 к.*: №№ 3, 5, 6, 14, 20, 24, 28, 29, 36—41, 46—70, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95 и 96.—*Книжки въ 12 к.*: №№ 32, 34, 43.—*Книжки въ 15 к.*: №№ 1, 7, 10, 33, 35, 44, 71, 72, 73, 74, 75, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85 и 86.—*Книжки въ 18 к.*: №№ 30, 31, 42, 76.—*Книжки въ 25 к.*: № 45. За всѣ 96 книжекъ—10 руб. 60 к.

Въ составъ слѣдующихъ книжекъ войдутъ Польскія, Японскія и арабскія сказки и пр. При первой книжкѣ того или другого автора, помѣщается его краткая біографія.

15890ф

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ НАРОДА

В. ЛУНКЕВИЧА.

Изданіе Ф. Павленкова.

1. Земля. Съ 13 рис. Ц. 8 к.
2. Небо и звѣзды. Съ 18 рис. Ц. 8 к.
3. Громъ и молнія. Съ 24 рис. Ц. 12 к.
4. Жизнь въ каплѣ воды. Съ 14 рис. Ц. 8 к.
5. Невидимые друзья и враги людей. Съ 28 рис. Ц. 16 к.
6. Зеленое царство. Съ 32 рис. Ц. 16 к.
7. Бичи земли и чудеса природы. Съ 23 рис. Ц. 16 к.
8. Землетрясенія и огнедышащія горы. Съ 12 рис. Ц. 16 к.
9. Два великихъ царства природы. Съ 93 рис. Ц. 25 к.
10. Великаны и карлики въ царствѣ животныхъ. Съ 37 рис. Ц. 20 к.
11. Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ? Съ 33 рис. Ц. 16 к.
12. Жилища и постройки животныхъ. Съ 25 рис. Ц. 16 к.
13. Семейная жизнь животныхъ. Съ 28 рис. Ц. 15 к.
14. Общественная жизнь животныхъ. Съ 20 рис. Ц. 20 к.
15. Ростомъ съ ноготокъ, а ума палата. (Жизнь муравьевъ). Съ 12 рис. Ц. 15 к.
16. Обезьяны. Съ 16 рис. Ц. 15 к.
17. Пчелы, осы и термины. Съ 16 рис. Ц. 18 к.
18. Вода.
19. Подводное царство.
20. Воздухъ.
21. Степь и пустыня.
22. Тайга и тундра.
23. Среди снѣговъ и вѣчнаго льда.
24. Хищники.
25. Четвероногіе слуги человѣка.
26. Враги и друзья человѣка.
27. Животныя кровопійцы и дармоѣды.
28. Растенія-дармоѣды и растенія-хищники.
29. Откуда взялись наши домашнія животныя и растенія.
30. Законъ жизни среди животныхъ и растеній.
31. Исторія происхожденія растеній и животныхъ.
32. Подземное царство.
33. Исторія земли.
34. Каменный уголь.
35. Нефть.
36. Соль.
37. Сокровища горъ.
38. Чудеса науки.
39. Чудеса техники.
40. Чудеса общежитія.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА

(30 книжекъ).

1) *Демонъ*. Цѣна 6 коп.—2) *Ангелъ смерти*. Ц. 3 к.—3) *Измаилъ-Бей*. Ц. 10 к.—4) *Хаджи-Абрекъ*. Ц. 3 к.—5) *Боярин-Орша*. Ц. 5 к.—6) *Пѣсня про купца Калашникова*. Ц. 3 к.—7) *Мцыри*. Ц. 4 к.—8) *Аулъ Бастунджи*. Ц. 3 к.—9) *Литвинка*. Ц. 3 к.—10) *Каллы*. Ц. 2 к.—11) *Кавказскій пленникъ*. Ц. 3 к.—12) *Корсаръ*. Ц. 2 к.—13) *Черкесы*. Ц. 2 к.—14) *Джуліо*. Ц. 3 к.—15) *Казначейша*. Ц. 4 к.—16) *Герой нашего времени*. Ц. 25 к.—17) *Бэла*. Ц. 8 к.—18) *Таманъ*. Ц. 3 к.—19) *Княжна Мери*. Ц. 12 к.—20) *Фаталистъ*. Ц. 2 к.—21) *Призракъ*. Ц. 3 к.—22) *Маскарадъ*. Ц. 10 к.—23) *Испанцы*. Ц. 10 к.—24) *Ашикъ-Керибъ*. Ц. 2 к.—25) *Княгиня Лиговская*. Ц. 8 к.—26) *Люди и страсти*. Ц. 8 к.—27) *Странный человѣкъ*. Ц. 8 к.—28) *Два брата*. Ц. 5 к.—29) *Всѣ баллады и легенды*. Ц. 5 к.—30) *Повѣсть изъ современной жизни*. Ц. 7 к. *Цѣна всѣхъ 30 №№ „Библіотеки“—1 р. 71 к.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 мая 1[illegible] г.

31 ОКТ 1956
Общество[illegible]ных Наук
Академии Наук СССР

2-50

2 50
Вн. № 8511

ПС
113-5
153

Магазин № 1
№ 1637